

2015 №1

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Белякова М.Ю., Булыгина В.Г., Токарева Г.М. Социально-психологические и патопсихологические факторы риска совершения повторных общественно опасных деяний у лиц с негативно-личностными расстройствами	1
Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ограниченной дееспособности	15
Кабанова Т.Н., Макурина А.П., Булыгина В.Г., Макурин А.А. Учет мотивации социальной желательности при обследовании психически больных с криминальным анамнезом	29
Бовина И.Б. Возможности социально-психологических моделей для разработки профилактических программ в области здоровья (Часть 2)	40
Коваленок Т.П. Особенности моральных суждений и социального интеллекта студентов	49
Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В. Эмпатические способности сотрудников УИС - возможности исследования и перспективы	58
Ефимкина Н.В. Методика диагностики сотрудников ОВД, склонных к искажению служебной информации	70
Кулакова С.В. Специфика проявлений синдрома профессионального выгорания у практикующих психологов	80
Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела	90
Литвинова А.В., Мириманова М.С. Правовая информированность подростков как фактор психологической безопасности образовательной среды	108

Терехина С.А.

Подходы к оценке психологического благополучия несовершеннолетних при разводе родителей **119**

Рогачев В.А., Коноплева И.Н.

Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции **129**

Социально-психологические и патопсихологические факторы риска совершения повторных общественно опасных деяний у лиц с негативно-личностными расстройствами

Белякова М.Ю., младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии» МЗ РФ (burjew@mail.ru)

Булыгина В.Г., руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии» МЗ РФ, кандидат психологических наук (ver210@yandex.ru)

Токарева Г.М., медицинский психолог филиала Психиатрической клинической больницы №4 имени П.Б.Ганнушкина «ПНД№4» (galatgala@gmail.com)

В статье представлены результаты исследования социально-психологических и патопсихологических факторов риска совершения повторных ООД у лиц с негативно-личностными расстройствами. 94 пациента мужского пола с тяжелыми психическими расстройствами, направленные на принудительное лечение в специализированные стационарные учреждения различной степени строгости режима были обследованы с помощью комплекса методик. Он включал: стандартное патопсихологическое исследование; опросники «Стили саморегуляции поведения» (В.И. Моросановой, 1988); опросник «Самоконтроль» (Г. Грасик, 1993), проективную методику исследования социальной апперцепции (М.Ю. Белякова, В.Г. Булыгина, 2011). Были выделены нозоспецифические нарушения регуляторных процессов у обследованной категории пациентов, переменные, значимо отличающие лиц с различной степенью общественной опасности, и переменные, которые отличают больных, совершающих повторные ООД в течение первого года после отмены принудительного лечения. Выявленные нарушения саморегуляции как целостного процесса, дефектность отдельных его звеньев, профиль низкого самоконтроля и социальной апперцепции являются не только психологическими факторами общественной опасности лиц с негативно-личностными расстройствами, но и должны быть мишенями психокоррекционных воздействий во время принудительного лечения.

Ключевые слова: общественная опасность, факторы риска повторных ООД, саморегуляция, самоконтроль, социальная апперцепция.

Для цитаты:

Белякова М.Ю., Булыгина В.Г., Токарева Г.М. Социально-психологические и патопсихологические факторы риска совершения повторных общественно опасных деяний у лиц с негативно-личностными расстройствами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Belyakova_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Belyakova M.Yu., Buligina V.G., Tokareva G.M. Socio-psychological and pathopsychological factors of risk of reoffending among mentally ill with negative personality disorders [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Belyakova_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Введение

Проблема общественной опасности психически больных лиц по-прежнему является одной из наиболее актуальных в современной психиатрии. Среди пациентов, представляющих наибольшую опасность для общества, преобладают лица с дефицитарными психическими расстройствами и изменениями личности, совершившие повторные общественно-опасные деяния (ООД) по негативно-личностному психопатологическому механизму, их количество составляет более 70% от числа лиц, направленных в ПБСТИН [7].

Эти лица являются наиболее трудным контингентом в плане их психосоциальной реабилитации. Их часто отличает выраженная социальная дезадаптация, отрицание социально-приемлемых форм поведения, высокая степень общественной опасности [3; 5]. Судебными психиатрами выделены психопатологические и социально-психологические критерии общественной опасности лиц с тяжелыми психическими расстройствами. Для уточнения критериев выбора или изменения принудительной меры медицинского характера представляется важным изучение патопсихологических факторов риска совершения повторных ООД с обязательным учетом нарушений регуляторных способностей у такой категории пациентов [2].

Постановка проблемы

Сторонники различных теоретических подходов к пониманию осознанной произвольной саморегуляции поведения в общей и клинической психологии едины в том, что на эффективность саморегуляции поведения в конкретной ситуации влияют:

1) сформированность и слаженное функционирование отдельных компонентов регуляторного процесса: планирования целей, моделирования условий, программирования действий, оценки и коррекции результатов деятельности;

2) наличие способности к адекватному восприятию и интерпретации социального контекста ситуации, продуцированию альтернатив ее исхода и выбору наиболее адекватного варианта ее разрешения, включающего способность к распознаванию эмоционального контекста ситуации [4; 6; 9].

Анализ эмпирических исследований свидетельствует о недостаточной изученности особенностей когнитивных подпроцессов саморегуляции у лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших повторные ООД. Кроме того, отечественные авторы отмечают роль дефицита социального познания (в частности социальной апперцепции) в качестве предиктора нарушений социального функционирования и социальной адаптации психически больных [8].

Социальная апперцепция является когнитивным подпроцессом в структуре моделирования значимых условий деятельности. Исследование данного параметра важно при оценке способности психически больных лиц регулировать поведение с учетом ситуационных факторов в целях прогноза их общественной опасности.

Необходимо отметить, что в междисциплинарных исследованиях по общей, социальной психологии и психофизиологии накоплен обширный эмпирический материал о взаимосвязи устойчивых индивидуальных характеристик с особенностями функционирования регуляторной системы. Изначально конструкт «самоконтроль» вызывал интерес у криминологов и социологов [11]. Он изучался в контексте агрессивного криминального поведения, в том числе в рамках общей модели агрессии [10], а также – когнитивной нейрофизиологической модели саморегуляции [12]. Согласно психологической концепции Р. Грасмика, самоконтроль является латентной чертой (предиспозицией), имеющей эмпирически подтвержденную шестифакторную структуру, включающую предпочтение простых задач, склонность к риску, физическую активность, эгоцентризм, импульсивность, несдержанность. Следует добавить, что в зарубежной практике недостаточная способность к самоконтролю рассматривается в качестве одного из предикторов криминального поведения.

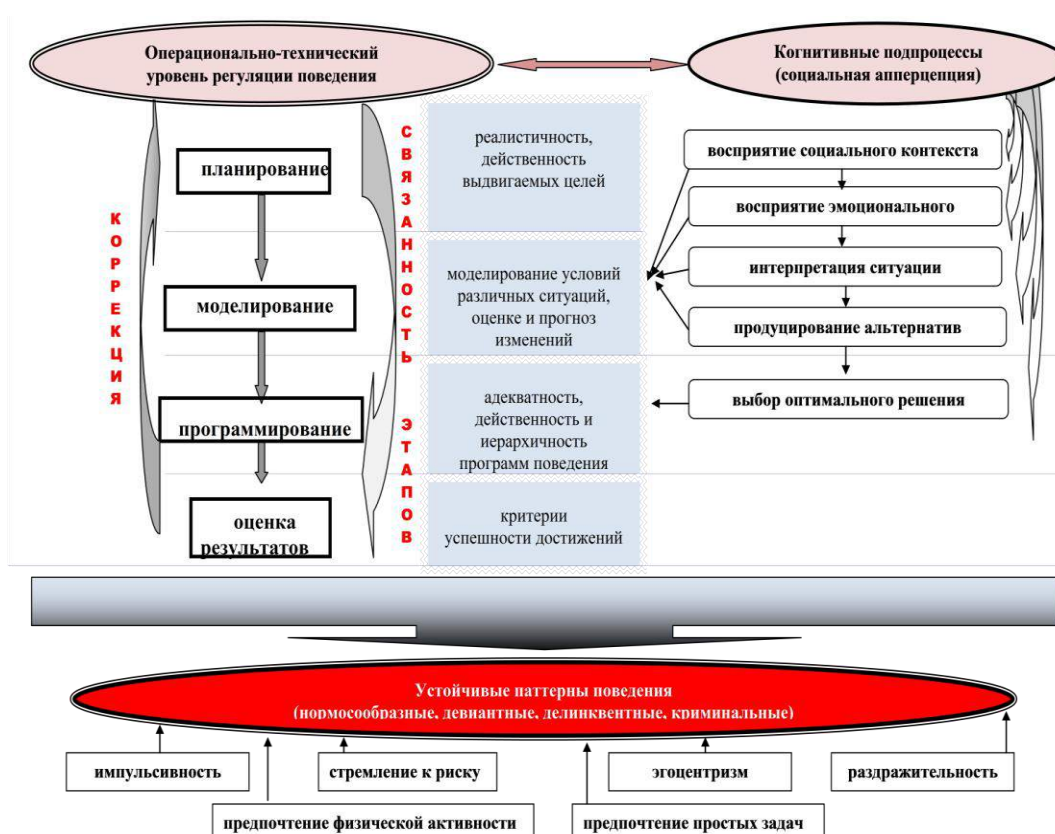
Ряд современных работ по судебной и клинической психологии, выполненных с использованием новых теоретических моделей и методических инструментов, был посвящен изучению самоконтроля и социального интеллекта у подростков с выраженными психическими расстройствами и взрослых, больных шизофренией [1; 12].

Анализ зарубежных и отечественных исследований позволяет сделать вывод, что составляющие социальной апперцепции (восприятие и интерпретация ситуационного контекста; продуцирование альтернативных вариантов развития ситуации, а также выбор оптимального способа ее разрешения) во взаимодействии с регуляторными процессами и самоконтролем отражают особенности функционирования потенциальной системы саморегуляции поведения в конкретных условиях.

Понимание причин общественно опасного поведения в судебной психиатрии базируется на концепции взаимодействия психопатологических, личностных и ситуационно-социальных факторов. Согласно взглядам отечественных исследователей, основными ситуационными факторами, влияющими на регуляцию

поведения, являются сложность стоящей перед субъектом задачи и эмоциогенность ситуации [6; 9].

Таким образом, анализ особенностей функционирования потенциальной системы саморегуляции лиц с тяжелыми психическими расстройствами в ситуации неопределенности требует дополнительного изучения *особенностей социальной апперцепции и самоконтроля* психически больных лиц. Также психологические переменные, связанные со способностью к осознанной регуляции поведения, необходимо учитывать при определении степени риска совершения повторных ООД больными, к которым ранее применялись принудительные меры медицинского характера. Операциональная схема изучения взаимосвязи представлена ниже.

Оценка регуляторных возможностей позволит прогнозировать успешность социальной адаптации лиц с тяжелыми психическими расстройствами с преобладанием негативной симптоматики и изменений личности, что особенно важно при высокой вероятности возвращения этих больных в асоциальное окружение, недостаточной поддержке со стороны членов семьи и отсутствии стабильного источника дохода.

Материал исследования

Были обследованы две группы больных с тяжелыми психическими расстройствами, представляющих особую общественную опасность 1) больные с диагнозом «шизофрения» 2) пациенты с органическими психическими расстройствами (ОПР). Основную группу составили 94 пациента мужского пола, в возрасте от 23 до 59 лет. Среди обследованных – 38 пациентов с органическими

психическими расстройствами (ОПР) и 56 пациентов – с диагнозом шизофрения, находящихся на ПЛ в Московской ПБ № 5 и Орловской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением (ПБСТИН). Были обследованы лица мужского пола (71 человек) в возрасте от 19 до 50 лет, с диагнозом ОПР – 40% и шизофрения (F20) – 60% наблюдений. 55% больных находились на стационарном принудительном лечении (ПЛ) в ПБСТИН в связи с совершением повторных ООД, 45% – на стационарном принудительном лечении специализированного типа.

Группа сравнения состояла из 90 лиц мужского пола условной нормы с нормосообразным поведением.

Методы и методики исследования

Для сбора объективных сведений о пациенте использовалась формализованная карта обследования, включающая социально-демографические, криминологические, клинические, психологические переменные. Помимо стандартного патопсихологического обследования познавательных процессов и психологического анализа материалов уголовного дела применялись специфические методики.

Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1999), диагностирующий степень развитости осознанной саморегуляции поведения и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы. Опросник состоит из 46 утверждений и работает как единая шкала «Общий уровень саморегуляции», которая характеризует уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности человека. Утверждения опросника входят в состав шести шкал (по 9 утверждений в каждой), выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также и регуляторно-личностными свойствами: гибкости и самостоятельности.

Опросник диагностики самоконтроля (Р. Грасмик, в адаптации В.Г. Булыгиной, А.М. Абдраязковой, 2010), направленный на исследование многомерного конструкта, включающего в себя разные элементы, образующие устойчивую характеристику – самоконтроль, которая является латентной чертой. Данный конструкт имеет шестифакторную структуру, которой соответствуют шкалы опросника: импульсивность, предпочтение простых задач, стремление к риску, физическая активность, эгоцентризм, несдержанность.

Проективная методика изучения социальной апперцепции (М.Ю. Беляковой, В.Г. Булыгиной, 2011), направленная на исследование когнитивных подпроцессов, относящихся к операционально-техническому уровню саморегуляции. Состоит из изображений 22 ситуаций (социально-бытовых, криминальных и связанных с болезнью) с неоднозначным исходом.

Статистическая обработка результатов включила в себя следующие методы исследования.

- 1) Описательные статистики и частотный анализ для выделения социально-демографических и клинико-психологических характеристик изучаемых групп.
- 2) Метод кросстабулирования.
- 3) Однофакторный дисперсионный анализ.
- 4) Непараметрический метод сравнения групп U Манна-Уитни.
- 5) Кластерный анализ по методу К-средних.
- 6) Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).
- 7) Дискриминантный анализ.
- 8) Множественный регрессионный анализ.

Обработка данных производилась с помощью статистического пакета SPSS Version 17.0.

Результаты исследования

Социально-демографическая и клинико-патопсихологическая характеристика выборки.

Около половины больных имели среднее образование (46,2%), неполное среднее образование получили 25,8% обследованных, 12,9% пациентов обучались во вспомогательной школе, при этом 48,4% от общего числа обследованных учились плохо и пропускали занятия.

В полных семьях воспитывались 29% обследованных, в неполных – 23,7% пациентов, 10,8 % в возрасте до 16 лет находились на попечении родственников. Конфликтные отношения со сверстниками были характерны для 48,4% пациентов, с учителями – для 34,1%. Преобладающими с юношеского возраста патохарактерологическими особенностями являлись возбудимость (40,9% случаев), эмоциональная неустойчивость (34,4% случаев) и шизоидность (22,6% случаев).

Многократные госпитализации в психиатрический стационар (в период до совершения первого ООД) были в анамнезе у 83,9% больных: из них 54,9% больных были госпитализированы в связи с агрессивным поведением, а 31,9% – в связи с ухудшением клинического состояния. Суицидальные попытки в течение жизни были зафиксированы у больных в 39,6% случаев от общего числа наблюдений.

Экзогении в виде неоднократных черепно-мозговых травм наблюдались у 19,4% пациентов. Злоупотребление алкогольными напитками отмечалось у 58,1% обследованных (зависимость от алкоголя была зафиксирована в 29% случаев). Сочетанное употребление ПАВ и алкоголя – было выявлено в 21,5% случаев.

Трудовой стаж отсутствовал у 30,1% пациентов. 17,2% обследованных имели трудовой стаж менее года, около 24% – до трех лет; стаж 9,7% больных составил более 6, но менее 10 лет, и лишь 9,7% обследованных проработали свыше 10 лет. Количество больных, пребывающих в официальном или гражданском браке, составило 11,8% от общего числа обследованных, 26,9% больных были в разводе или овдовели, 61,3% были холосты.

В 67,4% случаев повторное правонарушение было совершено обследованными в состоянии алкогольного опьянения.

Среди повторных ООД, совершенных обследованными, отмечается уменьшение количества имущественных преступлений и увеличение доли убийств. Большая часть повторных ООД (36,7%) была совершена ими по прошествии года после отмены предыдущего ПЛ, 27,8% повторных преступлений – в течение первого года, 14,4% – спустя 3 года, в 14,4% случаев – не ранее чем через 5 лет после отмены предыдущего ПЛ.

На момент обследования 77% больных были инвалидами второй группы. Течение заболевания квалифицировалось врачами как стабильное в 33,3% случаев, быстропрогредиентное – в 24,7%, медленно прогредиентное – в 18,3%, патологическое развитие личности – в 10,8% наблюдений. За период настоящего ПЛ не нарушали режимные требования отделения 57,8% больных, вербальная агрессия отмечалась в 30,1% наблюдений, физическая агрессия – в 11,8%, негативизм – в 19,6%, аутоагрессия – у 7,6% обследованных.

С целью выявления наиболее существенных переменных для разделения больных *по степени общественной опасности* был проведен дискриминантный анализ переменных, полученных в ходе исследования, а также патопсихологических характеристик испытуемых (табл. 1).

Таблица 1

Результаты дискриминантного анализа переменных, существенных для разделения испытуемых по типу ПЛ

Коэффициенты стандартизованной канонической функции	Function
Порядковый номер функции	1
Нарушения критичности	0,501
Суб-эмоциональные критерии обобщения	0,364
Низкое развитие эмоциональной сферы	0,330
Снижение уровня обобщения	0,308
Несоответствие интерпретации контексту	0,218
Субъективизм ассоциаций	0,215
Наличие социально неприемлемых вариантов	0,136

Наличие агрессивных вариантов	0,105
Преобладание неадекватных вариантов	0,101

При повышении степени общественной опасности наиболее значимыми переменными являются: нарушение критичности, снижение уровня обобщения и опора на субъективно-эмоциональные критерии при понимании условных смыслов, низкое развитие эмоционально-волевой сферы, неспособность интерпретировать ситуации в соответствии с заданным контекстом, субъективизм ассоциативной сферы; продуцирование агрессивных и социально неприемлемых вариантов решения проблем; склонность предлагать не соответствующие содержанию и социальному контексту варианты развития ситуации.

Данные результаты подтверждаются проверкой значимых различий (U-критерия Манна-Уитни) между больными, находящимися на ПЛ в ПБСТИН, и больными, находящимися на ПЛ в психиатрической больнице специализированного типа. Для больных, обладающих более высокой степенью общественной опасности (направленные на ПЛ в ПБСТИН) в большей степени свойственно давать интерпретации ситуаций, не соответствующие заданному контексту, предлагать агрессивные и социально неприемлемые варианты развития ситуации.

Далее был проанализирован такой значимый для оценки эффективности проведенной лечебно-реабилитационной работы и для оценки риска совершения повторных ООД показатель, как *период времени, прошедший с момента прекращения ПЛ и совершения нового ООД*.

Лиц, совершивших повторное ООД в течение периода меньше года с момента отмены ПЛ, значимо отличали такие клинично-социальные характеристики, как низкий образовательный уровень и злоупотребление спиртными напитками в анамнезе. При проведении патопсихологического обследования были выявлены трудности в установлении больными логических связей.

В качестве психологических предикторов совершения повторных ООД в течение первого года после выписки с ПЛ можно выделить такие, как: снижение общего уровня осознанной саморегуляции поведения, не связанность звеньев регуляторной системы, раздражительность, эгоцентризм (табл. 2).

Таблица 2

Результаты множественного регрессионного анализа совершения повторных ООД в течение первого года после окончания ПЛ

Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	,207	,260		,797	,428
Планирование	,113	,031	,425	3,620	,001

Смысл ситуации	,048	,026	,196	1,829	,071
ОУ	-,044	,011	-,538	-4,178	,000
Склонность к риску	,012	,012	,107	1,018	,312
Раздражительность	,020	,012	,170	1,676	,098
Физическая активность	-,023	,012	-,191	-1,830	,071
Эгоцентризм	,028	,011	,260	2,496	,015

а. Dependent Variable: Период менее года между совершением повторного ООД и прекращением предыдущего принудительного лечения

Predictors: (Constant), Самостоятельность, Физическая Активность, Планирование, Раздражительность, Эгоцентризм, Склонность к риску, Общий уровень саморегуляцииУ

Результаты дискриминантного анализа показали, что данным лицам также были свойственны недопонимание смысла ситуации и ее интерпретация вне заданного контекста, неспособность к четкой дифференциации эмоций персонажей по модальности и продуцирование большего числа социально неприемлемых вариантов развития ситуации (табл. 3).

Таблица 3

Результаты дискриминантного анализа переменных, существенных для совершения повторного ООД в течение первого года после окончания ПЛ

Коэффициенты канонической функции	стандартизованной	Function	
		1	
Программирование		-0,235	
Эгоцентризм		0,207	
Несоответствие интерпретации контексту		0,201	
Распознавание эмоций по модальности		-0,171	
Раздражительность		0,161	
Склонность к риску		0,156	
Моделирование		-0,155	

Оценка результатов д-ти	-0,143	
Общий уровень саморегуляции	-0,139	
Недопонимание ситуационного контекста	0,139	
Преобладание социально неприемлемых ответов	0,122	

Заключение

Особенности психологической структуры саморегуляции, самоконтроля и социальной апперцепции у лиц с негативно-личностными психическими расстройствами характеризуются сочетанием дефектности этапов планирования и программирования деятельности, неадекватным восприятием ситуации из-за недостаточной оценки ее значимых условий и деталей. Предпочтение агрессивных, социально неприемлемых и неконструктивных альтернатив дальнейшего развития ситуации связано с такими индивидуально-типическими особенностями, как импульсивность и стремление к риску.

Существуют нарушения психологической структуры саморегуляции, самоконтроля и социальной апперцепции, специфичные для различных нозологических групп. Больных с ОПР значительно отличает стремление к риску, эгоцентризм и импульсивность. При понимании основного смысла ситуации отсутствует способность к восприятию нюансов взаимоотношений между персонажами, больные демонстрируют равнозначность выбора агрессивных и неагрессивных вариантов дальнейшего развития событий, склонность идентифицироваться с персонажем-агрессором. У больных шизофренией дефектным звеном социальной апперцепции является снижение способности адекватно понимать смысл ситуации. При этом больные склонны предлагать социально-приемлемые способы разрешения ситуации, исходя из субъективного видения ее контекста.

Для лиц с негативно-личностными расстройствами, совершивших повторные ООД, характерно раннее возникновение поведенческих нарушений, неспособность к поддержанию стабильных межличностных отношений во взрослом возрасте, злоупотребление алкоголем и неоднократные суицидальные попытки в течение жизни. При наличии в анамнезе многократных госпитализаций в психиатрический стационар в связи с неадекватным поведением и гетероагрессией больные способны удерживаться от нарушений режима в условиях стационарного принудительного лечения.

Лиц, совершающих повторные ООД в течение первого года после отмены ПЛ, значительно отличают наличие нарушений социальной апперцепции в виде трудностей понимания смысла ситуации, интерпретация ситуаций вне заданного контекста, неспособность к дифференциации эмоций персонажей по модальности и продуцирование большего числа социально неприемлемых вариантов развития ситуации; нарушения саморегуляции в виде несвязанности регуляторных процессов между собой, а также нарушения самоконтроля в связи с преобладанием раздражительности и эгоцентризма.

Литература

1. Булыгина В.Г. Диагностика и коррекция расстройств поведения и агрессивных форм реагирования у несовершеннолетних с органическим и психическими расстройствами, совершивших общественно опасные действия // Агрессия и психические расстройства/ под ред проф. В.В. Вандыша. ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» М.,2006. Т.2. С. 149–179.
2. Булыгина В.Г. Роль клинической психологии в профилактике общественно опасных действий психически больных / Психология и право. 2011. № 1. С. 44–54.
3. Кондратьев Ф.В. Аспекты проблемы общественной опасности лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. М. 2006. №3. С. 64–68.
4. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект)//Вопросы психологии. 1995. №1. С. 5–13.
5. Котов В.П., Мальцева М.М. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре: руководство для врачей. М.:ГНЦ ССП им. В.П. Сербского. – 2006. – 346 с.
6. Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н. Психологические подходы к проблеме саморегуляции и их прикладное значение для решения вопросов судебно-экспертной практики (ст. 22 УК РФ): Аналитический обзор. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010. 38 с.
7. Макушкина О.А., Казаковцев Б.А. Оценка эффективности профилактики и общественно опасных действий психически больных // Психическое здоровье –2012ю –№4 (71). – С. 3-11.
8. Руденко С.Л., Рычкова О.В. Нарушения социального интеллекта и социального функционирования при шизофрении // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. №1. С. 27–33.
9. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
10. DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J. The general aggression model:Theoretical extensions to violence // Psychology of Violence. 2011. №1. P. 245–258.
11. Gottfredson M.R., Hirschi T. Commentary: Testing the general theory of crime // J. Res. Crime Delinq. – 1993. – Vol. 30. – P. 47–54.

12. *Heatherton T.F., Wagner D.D.* Cognitive neuroscience of self-regulation failure // Trends in Cognitive Science. 2011. №15. P.132–139.

Socio-psychological and pathopsychological factors of risk of reoffending among mentally ill with negative personality disorders

***Belyakova M.Y.**, science researcher of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry (ver210@yandex.ru)*

***Bulygina V.G.**, Head of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry, Ph.D., Associate Professor (ver210@yandex.ru)*

***Tokareva G.M.**, medical psychologist of the Branch of the Psychiatric clinic №4 name P.B.Gannushkina «Psychoneurologic dispensary №4» (e-mail:galatgala@gmail.com)*

The article presents the results of a study of socio-psychological and psycho-pathological risk factors of reoffending among mentally ill with negative personality disorders. 94 male patient with severe mental disorders aimed at compulsory treatment in specialized hospitals of varying degrees of security were examined using the complex of diagnostic instruments. It included standardized battery of psychopathological tests, questionnaire Styles of self-regulation of behavior (Morosanova V. I., 1988), Self-control questionnaire (Grasik G., 1993), projective method for the study of social apperception (Belyakov M. Y., Bulygina V.G., 2011). There were identified characteristics of regulatory processes specific for different nosology in the examined group of patients, the variables that significantly distinguish individuals with different degree of social dangerousness, and variables that distinguish patients, which were reoffended during the first year after the discharge. Violations of the self-regulation as a holistic process, the deficiency of its individual links, low profile of the self-control and social apperception should be considered not only as psychological factors risk of criminal recidivism among mentally ill with negative personality disorders, but as targets of correctional interventions during the compulsory treatment.

Keywords: social dangerousness, risk of reoffending, self-regulation, self-control, social apperception.

References

1. *Bulygina V.G.* Diagnostika i korekcija rasstrojstv povedenija i agres-sivnyh form reagirovanija u nesovershennoletnih s organicheskim psihicheskim rasstrojstvami, sovershivshih obshhestvenno opasnye dejstvija / Sb. Agressija i psihicheskie rasstrojstva. – M.2006. – T.2. – P. 149-179.
2. *Bulygina V.G.* Rol' klinicheskoj psihologii v profilaktike obshhestvenno opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh / Psihologija i pravo. – 2011. – № 1. – P. 44-54.
3. *Kondrat'ev F.V.* Aspekty problemy obshhestvennoj opasnosti lic s psihicheskim rasstrojstvami // Rossijskij psichiatricheskij zhurnal. – M. – 2006. – №3. – P. 64-68.
4. *Konopkin O. A.* Psihicheskaja samoreguljacija proizvod'noj aktivnosti cheloveka (strukturno-funkcional'nyj aspekt)//Voprosy psihologii.– 1995. – №1. – P. 5-13.
5. *Kotov V.P., Mal'ceva M.M.* Prinuditel'noe lechenie v psichiatricheskom stacionare: rukovodstvo dlja vrachej. M.:GNC SSP im. V.P. Serbskogo. – 2006. – 346 p.
6. *Kudrjavcev I.A., Lapshina E.N.* Psihologicheskie podhody k probleme samoreguljacie i ih prikladnoe znachenie dlja reshenija voprosov sudebnokspertnoj praktiki (st. 22 UK RF): Analiticheskij obzor. – M.: FGU «GNC SSP Roszdrava», 2010. – 38 p.
7. *Makushkina O.A., Kazakovcev B.A.* Monitoring jeffektivnosti profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh na jetape prinuditel'nogo lechenija // Sudebnaja psichiatrija / Pod red. V. V. Vandysha. – M.: FGBU «GNCSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdravsocrazvitija Rossii, 2012.
8. *Rudenko S.L., Rychkova O.V.* Narushenija social'nogo intellekta i social'nogo funkcionirovanija pri shizofrenii // Social'naja i klinicheskaja psichiatrija. – 2013. – T. 23. – №1. – P. 27-33.
9. *Safuanov F.S.* Psihologija kriminal'noj agressii. – M.: Smysl, – 2003. – 300 p.
10. *DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: Theoretical extensions to violence // Psychology of Violence. – 2011. – №1. – P.245-258.
11. *Gottfredson M.R., Hirschi T.* A general theory of crime. Stanford, CA: Stanford University Press. – 1990.
12. *Heatherston T.F., Wagner D.D.* Cognitive neuroscience of self-regulation failure // Trends in Cognitive Science. – 2011. - №15. – P.132-139.

К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ограниченной дееспособности

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГОУ ВПО МГППУ, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Шишков С.Н., кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (shishkov50@mail.ru)

В статье обсуждается законодательное предложение о включении в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации нормы об обязательном производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам об ограничении дееспособности гражданина или о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства. Возражения против введения такой нормы аргументируются тем, что данная законодательная новелла противоречит закрепленным в федеральном законодательстве общим принципам назначения и производства комплексных судебных экспертиз, а также законодательному требованию, по которому производство любой судебной экспертизы должно проводиться на основе единого научно-методического подхода. Кроме того, это законодательное новшество чревато осложнениями в организации производства комплексной экспертизы при тяжелых психических расстройствах подэкспертного. На основе статистических данных о деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации показано, что внедрение предлагаемой нормы приведет к необходимости увеличения штата медицинских психологов (в структуре судебно-психиатрических экспертных учреждений страны) в два раза, подготовки дополнительных экспертных кадров и связанному с этим значительному увеличению финансовых затрат.

Ключевые слова: ограниченная дееспособность, недееспособность, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе, обязательное назначение судебной экспертизы.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ограниченной дееспособности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Safuanov_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Safuanov F.S. On the issue of mandatory appointment of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of limited capacity [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Safuanov_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)

История развития комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) относительно коротка: первая публикация, посвященная одновременному применению психологических и психиатрических знаний при производстве судебной экспертизы, состоялась в 1971 г. [17]. Работы, появившиеся в печати в период 70–80-х гг. прошлого века [6; 7; 8; 15; 18], проторили дорогу практике КСППЭ – их стали назначать следователи и суды. Однако число таких экспертиз было еще невелико и в основном они проводились для определения способности несовершеннолетних обвиняемых в полной мере отдавать себе отчет в своих действиях и диагностики аффекта у совершеннолетних обвиняемых.

Вместе с тем само признание возможности производства КСППЭ как со стороны органов и лиц, назначающих экспертизу, так и со стороны самого психиатрического и психологического экспертного сообщества, а также выделение предметных видов таких экспертиз, дали толчок бурному развитию исследовательской деятельности по разработке и освоению целого комплекса проблем, связанных с применением психологических и психиатрических знаний в форме судебной экспертизы (теоретических, методологических, организационно-правовых)¹. Этот процесс отразился и на экспертной практике: по некоторым данным, удельный вес комплексных экспертиз к концу 80-х гг. составлял 10–15% от проводимых в стране судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе [1; 2].

Изменения отечественного законодательства, начиная с вступления в силу 1 января 1997 г. нового Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), привели к дальнейшему развитию всей проблематики КСППЭ: видоизменились традиционные предметные виды (например, экспертиза аффекта у обвиняемого), появились новые экспертные понятия (ограниченная вменяемость, возрастная невменяемость и др.), возникли такие виды экспертиз в гражданском процессе как диагностика морального вреда, или экспертизы, связанные с защитой интересов ребенка, причем последние было необходимо еще разработать [4; 12; 16]. Количество назначаемых КСППЭ стало заметно возрастать, и в последние годы указанные экспертизы

¹ Своеобразным итогом таких исследований явилось издание монографии И.А. Кудрявцева «Судебная психолого-психиатрическая экспертиза» в 1988 г.

составляют уже около 30 % от всех проводимых в стране судебно-психиатрических экспертиз [5].

Вступление в силу с 1 марта 2015 г. новых для нашей страны гражданско-правовых норм об ограниченной дееспособности, казалось бы, расширяет возможности производства КСППЭ в отношении тех лиц, чье психическое расстройство не исключает в полной мере их способность понимать значение своих действий и руководить ими.

Согласно п. 2 ст. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством (ГПК РФ). Над таким гражданином устанавливается попечительство. Он вправе совершать сделки с письменного согласия попечителя, но имеет право самостоятельно:

- распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами;
- совершать мелкие бытовые сделки, а также сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;
- совершать сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

В настоящее время, согласно ст. 283 ГПК РФ, по делам о признании недееспособными лиц с психическими расстройствами обязательно производство «судебно-психиатрической экспертизы». Как свидетельствует многолетняя экспертная практика, в случае необходимости указанная экспертиза может быть назначена и проведена не только в форме однородной судебно-психиатрической экспертизы, но и в форме КСППЭ. Сама же эта необходимость определяется конкретными особенностями экспертного случая и, прежде всего, особенностями имеющегося у испытуемого психического расстройства.

Поначалу всем казалось, что аналогично будет решен вопрос и с экспертизами, назначаемыми по делам об ограничении дееспособности лиц с психическими расстройствами. В соответствии с той же ст. 283 ГПК РФ такая экспертиза, оставаясь обязательной, будет по-прежнему именоваться «судебно-психиатрической», что не исключает возможности проводить ее в форме КСППЭ. Причем по этой категории дел (об ограничении дееспособности) комплексных экспертиз станет гораздо больше, чем по делам о признании граждан «полностью» недееспособными. Обусловлено это различиями в характере психических расстройств, которые исключают дееспособность больного, и психических расстройств, которые лишь ограничивают ее. Во втором случае КСППЭ может потребоваться при органических психических расстройствах, не достигших степени слабоумия, пограничных формах умственной отсталости, некоторых формах шизофрении и целом ряде других психических расстройств. Словом, речь идет о психических заболеваниях, не сопровождающихся глубокими изменениями психической деятельности, выраженным интеллектуально-мнестическим

снижением, грубыми эмоционально-волевыми нарушениями, регрессом личности, не критичностью и т.п.

Однако, вопреки этим ожиданиям, в настоящее время предпринимается попытка иного законодательного решения. В Государственную думу поступил проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях повышения степени реализации прав и свобод недееспособных и не полностью дееспособных граждан, а также о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»².

В названном проекте (пункт 4 статьи 5) неожиданно для психологического и психиатрического научного и экспертного сообщества предлагается изменить статью 283 ГПК РФ, изложив ее первую часть в следующей редакции:

«Статья 283. Назначение экспертизы для определения психического состояния гражданина.

Судья в порядке подготовки к судебному разбирательству дела об ограничении дееспособности гражданина вследствие психического расстройства или о признании гражданина недееспособным при наличии достаточных данных об имеющемся у гражданина психическом расстройстве, а также дела об отмене ограничения дееспособности вследствие психического расстройства или о признании гражданина дееспособным, назначает для определения психического состояния, а также *психологических особенностей*³ гражданина *комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу*».

Такое законодательное нововведение беспрецедентно, ибо в настоящее время ни в процессуальных кодексах, ни в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» нет ни одной нормы, которая предусматривала бы случаи обязательного назначения и проведения комплексных судебных экспертиз. Комплексный характер экспертизы определяется только в рамках производства по конкретному делу либо органом, назначающим экспертизу, либо руководителем государственного судебно-экспертного учреждения, которому она поручена⁴.

Предложение авторов законопроекта о включении в ст. 283 ГПК РФ нормы об обязательном производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по всем гражданским делам определенной категории вызывает следующие принципиальные возражения.

---

² Одним из инициаторов проекта выступает благотворительная общественная организация «Центр лечебной педагогики».

³ Курсив наш (авт.).

⁴ Ст. 200 и 201 УПК РФ, ст. 82 ГПК РФ, а также абзац 2 ст. 21 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 № 73-ФЗ. Согласно указанным законодательным нормам, комплексная экспертиза является разновидностью комиссионной.

1. Поскольку, как уже отмечалось, комплексный характер судебной экспертизы, определяется индивидуально в рамках конкретного дела либо органом, назначающим экспертизу, либо руководителем государственного судебно-экспертного учреждения, предлагаемое нововведение нарушает закрепленные федеральным законодательством:

- общий принцип назначения и производства комплексных судебных экспертиз;
- право органа, назначающего экспертизу, и право руководителя государственного судебно-экспертного учреждения на самостоятельный выбор комплексной экспертизы.

2. В экспертной практике встречаются случаи назначения судом (следователем) комплексной экспертизы, когда однородной было бы вполне достаточно для ответа на все экспертные вопросы. Комплексная экспертиза здесь не требуется, а ее проведение ведет лишь к излишней трате времени и сил экспертов, а также нарушает права подэкспертного, подвергаемого ненужным исследованиям [9; 11]. Возникают сложности с организацией такой экспертизы и с оформлением ее результатов. Проблема становится особенно острой, если комплексная экспертиза оказывается не просто ненужной или излишней, а невозможной (неисполнимой). Так, в рамках психолого-психиатрической экспертизы эксперт-психолог не в состоянии провести исследование личности подэкспертного с выраженной деменцией, слабоумием. И если производство такой экспертизы будет императивно предписано законом, то ситуация окажется безвыходной: не провести комплексную экспертизу нельзя (это нарушит закон), но провести ее тоже невозможно (это неисполнимо фактически).

3. Согласившись с необходимостью проводить обязательные КСППЭ лишь по одной категории гражданских дел, мы неизбежно приходим к выводу о необходимости их производства также и по другим делам. В конечном итоге окажется, что психолого-психиатрическая экспертиза должна проводиться по всем делам, гражданским, и уголовным, по которым требуется установление юридически значимых психических расстройств, исключающих или ограничивающих вменяемость, вызывающих беспомощное состояние потерпевшего, препятствующих даче показаний и пр. Такой вывод неизбежен логически (сказав «а», уже невозможно будет не сказать «б»).

Таким образом, рассматриваемое законодательное нововведение, которое, на первый взгляд, носит частный характер, фактически направлено на упразднение однородной судебно-психиатрической экспертизы. Примечательно, что эти изменения иницируются:

- людьми, никогда профессионально не занимавшимися судебно-психиатрической экспертизой;
- вопреки мнению самих судебных психиатров, профессиональная самостоятельность которых тем самым грубо нарушается.

4. Основной причиной введения в ст. 283 ГПК РФ нормы об обязательном производстве КСППЭ являются концептуальные расхождения во взглядах на

некоторые психические расстройства между инициаторами данной законодательной новеллы и психиатрами. По мнению первых, психиатры в ряде случаев неверно оценивают психические расстройства в плане терапии, психокоррекции и медико-социальной реабилитации страдающего ими больного. В результате тот подвергается необоснованным ограничениям – лишается дееспособности, помещается в стационар и т. п.⁵

Такую позицию авторов рассматриваемого законодательного нововведения можно охарактеризовать как «антипсихиатрическую». По их мнению, одним лишь психиатрам нельзя доверить решение вопросов, связанных с возможным наложением на больного ограничений, и, в частности, судебно-экспертных вопросов по делам о признании граждан недееспособными или ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства. В сложившейся ситуации обязательная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза видится авторам законопроекта гарантией от неверных экспертных выводов: при необходимости психологи «подкорректируют» выводы психиатров, а в случае расхождения между ними окончательное решение примет суд, обязанный рассмотреть и разрешить все разногласия между экспертами по правилам состязательного судопроизводства.

Между тем возложение функций арбитра в споре психиатров с «антипсихиатрами» на суд было бы абсолютно неправомерным по следующим основаниям.

Во-первых, судье пришлось бы самостоятельно решать вопросы, которые, не являясь юридическими, лежат в плоскости научной теории. Такого рода вопросы в принципе не должны быть предметом судебного разбирательства.

Во-вторых, были бы нарушены некоторые требования, предъявляемые законом к методологической основе судебно-экспертных исследований одного профиля. Согласно абзацу 2 ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ, «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». В абзаце 5 ст. 11 того же Федерального закона сказано, что «государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов». Обе законодательные нормы содержат адресованное судебным экспертам недвусмысленное требование придерживаться общепринятых данных и единой методологии.

---

⁵ В дискуссиях с авторами данной статьи представителями «Центра лечебной педагогики» в качестве примера приводился аутизм. По их мнению, при оказании помощи лицам, страдающим аутизмом (даже в его самых тяжелых формах), собственно медицинские аспекты составляют не более 10%. Однако, по данным А.Р. Мохонько, Л.А. Муганцевой, доля психических расстройств, не относящихся к органическому психическому расстройству и умственной отсталости (шизофрения и пр.), в практике экспертизы (по РФ) по определению недееспособности не превышает 15–16 % [5].

5. Предложение авторов рассматриваемого законопроекта об обязательности по делам о признании граждан ограниченно дееспособными или недееспособными вследствие психического расстройства КСППЭ поднимает вопрос об увеличении числа медицинских психологов в судебно-психиатрических экспертных учреждениях (СПЭУ) в случае, если указанное предложение будет принято законодателем. Данный вопрос уже поднимался в ходе дискуссии на эту тему, однако пока не было предпринято ни одной попытки произвести хотя бы приблизительные расчеты соответствующей потребности в дополнительных экспертных кадрах.

За последние годы как минимум дважды при внесении изменений в действующее законодательство отсутствие подобных расчетов и непринятие на их основе надлежащих организационных мер приводило к серьезной дезорганизации в работе судебно-психиатрической экспертной службы страны. Первый раз это случилось тогда, когда в феврале 2012 г. ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса РФ («Обязательное назначение судебной экспертизы») была дополнена пунктом 3.1 о необходимости экспертным путем устанавливать наличие педофилии у лиц, обвиняемых в некоторых видах сексуальных преступлений. Второй раз аналогичная проблема возникла в мае 2014 г., когда вступил в силу пункт 3.2 той же 196 статьи УПК РФ об обязательности судебной экспертизы для установления диагноза наркомании и решения вопросов относительно нуждаемости обвиняемого, больного наркоманией, в лечении и медико-социальной реабилитации. В обоих случаях произошло значительное увеличение объема экспертной работы (в некоторых СПЭУ – в два-три раза) и образование очередей из лиц, неделями и месяцами ожидающих проведения назначенной им экспертизы. Между тем такого рода последствия можно было заранее предвидеть и постараться укрепить СПЭУ дополнительными экспертными кадрами, произведя с этой целью необходимые расчеты. Подобная ситуация угрожает повториться и в третий раз, если по делам о признании граждан недееспособными либо ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства комплексная психолого-психиатрическая экспертиза действительно станет обязательной.

Разговоры о неизбежном увеличении в этой связи числа медицинских психологов ведутся уже с прошлого года (когда соответствующий законопроект был разработан и стал известен специалистам), но никаких расчетов никто не производил, хотя их необходимость не вызывает сомнений.

Приказом Минздрава России от 19.05.2000 № 165 «О медицинском психологе в судебно-психиатрической экспертизе» были введены в штатное расписание СПЭУ одна должность медицинского психолога на 250 судебно-психиатрических экспертиз в год (в амбулаторных СПЭУ) и одна должность медицинского психолога на 15 коек (для стационарных). В пособии, разработанном во исполнение п. 4 данного приказа [3], приведены следующие нормы нагрузки: для медицинского психолога амбулаторной СПЭУ – 100 КСППЭ или 200 экспериментально-психологических исследований для судебно-психиатрической экспертизы; для психолога стационарной СПЭУ – соответственно, 80 КСППЭ или 160 психодиагностических обследований для судебно-психиатрической экспертизы в год. Иначе говоря, руководитель СПЭУ может привлекать медицинского психолога и к производству КСППЭ, и к участию в судебно-психиатрической экспертизе: например, если психолог провел 50 амбулаторных КСППЭ, то за этот же год он

должен провести экспериментально-психологическое исследование 100 подэкспертных в рамках судебно-психиатрической экспертизы.

Доступные данные о количестве медицинских психологов СПЭУ и проведенных ими совместно с психиатрами КСППЭ можно найти в последнем аналитическом обзоре, опубликованном Центром имени В.П. Сербского [5].

В табл. 17 обзора указано, что количество занятых должностей медицинскими психологами: в амбулаторных СПЭУ – 320,75 (при имеющихся 704,25 штатных), в стационарных – 82,25 (при имеющихся 124,25 штатных). Таким образом, согласно вышеупомянутым нормативам психологи должны участвовать в производстве $100 \times 320,75 = 32075$ амбулаторных КСППЭ и $80 \times 82,25 = 6580$ стационарных КСППЭ. Из табл. 25 мы узнаем, что на самом деле за год по РФ проведено 49890 амбулаторных КСППЭ и 7508 стационарных, т.е. медицинские психологи (на 1 штатную единицу) имеют нагрузку выше нормативной.

Из проекта обсуждаемого закона следует, что практически все экспертизы на определение недееспособности будут проводиться в форме КСППЭ и для определения ограниченной дееспособности. К 57398 (49890+7508) КСППЭ прибавляем 27447 экспертиз на определение недееспособности (табл. 72), получаем 84845 экспертиз. Делим это число на 403 психолога, получаем в среднем нагрузку 210,5 КСППЭ в год, т.е. больше, чем двойная нагрузка!

Теперь возьмем идеальную ситуацию – все штатные единицы должности медицинского психолога заполнены (что трудно себе представить: на 2013 г. укомплектованность медицинскими психологами составляла 48,6 %). Тогда при существующих нормах нагрузки имеем амбулаторных КСППЭ $100 \times 704,25 = 70425$, стационарных – $80 \times 124,75 = 9980$, в сумме 80405 КСППЭ. Последнее число вполне сопоставимо с ожидаемым потоком в случае принятия закона (84845), только тогда судебно-психиатрическим экспертам придется забыть об участии медицинских психологов при производстве однородных судебно-психиатрических экспертиз, а руководителям СПЭУ – приложить титанические усилия по увеличению штата медицинских психологов в два раза и их обучению (в прежних условиях финансирования заработной платы сотрудников СПЭУ).

Конечно, расчет несколько грубый (ряд комплексных экспертиз могут проводиться без психологов, например, сексолого-психиатрические, это обстоятельство мы не можем учесть, исходя из имеющихся данных), но порядок расчета в целом показывает существующую картину дел⁶.

Думается, что при решении судьбы обсуждаемого законопроекта в части, касающейся обязательности комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о признании граждан недееспособными или ограниченно дееспособными, подобные расчеты должны быть проведены и представлены в качестве одного из приложений к законопроекту. Подготовка дополнительных

⁶ Более того, в неопубликованном отчете А.Р. Мохонько и Л.А. Муганцевой «Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2014 г.» приводятся сведения о том, что укомплектованность СПЭУ медицинскими психологами снизилась до 45 %, а число судебных экспертиз по определению недееспособности увеличилось на 4,5 тыс.

экспертных кадров потребует определенного времени, так что крайне желательно, чтобы обновленная редакция статьи 283 ГПК РФ вступила в действие не сразу, а лишь с того момента, когда судебно-психиатрическая экспертная система будет к этому готова. Судебно-психиатрические экспертные учреждения еще не успели оправиться от прежних двух потрясений, о которых говорилось выше, чтобы их подставлять под новый удар. Вместе с тем нельзя не отметить, что сами сторонники изменения статьи 283 ГПК РФ должны этот довод учитывать. Иначе их предложение, в случае его реализации, не сможет исполняться из-за недостатка экспертов-психологов. Поэтому одновременно с предложением об изменении ст. 283 ГПК РФ необходимо представить расчеты, касающиеся потребности в дополнительных экспертных кадрах, планов их подготовки, а также связанных с этим финансовых затрат.

В заключение отметим, что за рамками настоящей статьи осталась самая важная проблема – разработка критериев экспертной оценки юридического критерия ограниченной дееспособности, которая раскрывается в ГК РФ через формулировку способности «понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц». Традиционно юридически значимые способности подэкспертных в уголовном и гражданском законодательстве определяются через психологические категории, раскрывающие наиболее интегративные, обобщенные особенности окружающего мира и регуляции поведения [10; 14]. Например, квалификация ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) требует определения неспособности «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими», беспомощного состояния потерпевших по половым преступлениям (ст. 131, 132 УК РФ) – неспособности «понимать характер и значение действий виновного или оказывать сопротивление», недееспособности (ст. 29 ГК РФ) – неспособности «понимать значение своих действий или руководить ими» и т.д. Какие клинико-психологические особенности осознанной регуляции поведения обуславливают способность «понимания значения своих действий лишь при помощи третьих лиц»? Попытки операционализации таких критериев уже ведутся [13], однако данная проблема на современном этапе представляется чрезвычайно актуальной, вне зависимости от того, будет КСППЭ ограниченной дееспособности обязательной или нет.

Тем не менее, свою однозначную и твердую позицию к введению в ст. 283 ГПК РФ нормы об обязательности комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы мы уже выразили. Мы считаем, что такой нормы быть не должно и ст. 283 ГПК РФ следует оставить в ее действующей ныне редакции.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология. М.: Издательство Московского университета, 1991. 248 с.
2. *Кудрявцев И.А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.

3. *Кудрявцев И.А., Морозова М.В., Савина О.Ф.* О должностных обязанностях и нормативах нагрузки психолога амбулаторных судебно-психиатрических экспертных комиссий и отделений стационарной судебно-психиатрической экспертизы: пособие для врачей. М.: ФГБУ ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2000. 37 с.
4. *Медицинская и судебная психология: Курс лекций / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова.* М.: Генезис, 2004. 606 с.
5. *Мохонько А.Р., Муганцева Л.А.* Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2013 г. / Под ред. Е.В. Макушкина. Вып.22. М.: ФГБУ ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2014. 188 с.
6. *Печерникова Т.П., Станишевская Н.Н.* Некоторые вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Вопросы судебно-психологической экспертизы / Под ред. Г.В. Морозова. М.: ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 1974. С.14–25.
7. *Печерникова Т.П., Станишевская Н.Н.* Вопросы организации судебной комплексной психиатрической экспертизы // Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы / Под ред. Г.В. Морозова. М.: ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 1975. С.94–105.
8. *Печерникова Т.П., Кудрявцев И.А., Криворучко С.И.* Некоторые вопросы компетенции судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Социалистическая законность. 1980. № 1. С.38–39.
9. *Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы: практическое пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой.* М.: ФГБУ ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2010. 62 с.
10. *Сафуанов Ф.С.* Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психологический журнал. 1994. № 3. С.51–54.
11. *Сафуанов Ф.С.* Ошибки при назначении судебной психолого-психиатрической и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. 2007. № 2. С.19–21.
12. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.

13. Сафуанов Ф.С., Зейгер М.В. Актуальные проблемы определения меры недееспособности субъекта с психическим расстройством // Юридическая психология. 2014. № 2. С.7–11.
14. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
15. Станишевская Н.Н., Азбукина В.Д., Бурштын И.Б., Владимирская М.Т., Гульдан В.В. Практика проведения стационарных комплексных психолого-психиатрических экспертиз // Вопросы судебно-психологической экспертизы/ Под ред. Г.В. Морозова . М.: ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 1974. С.41–45.
16. Судебная психиатрия. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. Вып.4 / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: ФГБУ ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2007. 268 с.
17. Фелинская Н.И., Станишевская Н.Н. Использование психологических знаний в уголовном процессе // Советская юстиция. 1971. № 7. С.5–7.
18. Фелинская Н.И., Печерникова Т.П. Компетенция комплексных судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз // Социалистическая законность. 1973. № 12. С.44.

On the issue of mandatory appointment of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of limited capacity

Safuanov F.S., *Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

Shishkov S.N., *PhD, Associate Professor, Chief Research Associate, Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (shishkov50@mail.ru)*

The article discusses the legislative proposal for the inclusion into the Code of Civil Procedure of the Russian Federation of rules on compulsory production of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in cases of limited legal capacity of a citizen or of incapacity due to mental disorder. Objections to the introduction of such a rule argue that this is contrary to legislative innovation contradicts to the general principles of appointment and production of complex forensic examinations, as well as the legislative requirement that the production of any forensic examination should be carried out on the basis of common scientific and methodical approach. Furthermore, this legislative innovation is fraught with complications in organizing the production of complex examination in severe mental disorders of a subject. Based on the statistical performance of forensic psychiatric expert service of the Russian Federation, we show that the implementation of the proposed rules will lead to the need to double the number of medical psychologists (in the structure of forensic expert institutions of the country), provide additional training and expertise associated with this significant increase in financial costs.

Keywords: limited capacity, disability, comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychiatric examination in civil proceedings, mandatory appointment of judicial examination.

References

1. Antonjan Ju.M., Gul'dan V.V. Kriminal'naja patopsihologija. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1991. 248 c.

-
2. *Kudrjavcev I.A.* Sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza. M.: Juridicheskaja literatura, 1988. 224 s.
  3. *Kudrjavcev I.A., Morozova M.V., Savina O.F.* O dolzhnostnyh objazannostjah i normativah nagruzki psihologa ambulatornyh sudebno-psihiatricheskikh jekspertnyh komissij i otdelenij stacionarnoj sudebno-psihiatricheskoi jekspertizy: posobie dlja vrachej. M.: FGBU GNCSSP im. V.P. Serbskogo, 2000. 37 s.
  4. Medicinskaja i sudebnaja psihologija: Kurs lekcij / Pod red. T.B. Dmitrievoj, F.S. Safuanova. M.: Genezis, 2004. 606 s.
  5. *Mohon'ko A.R., Muganceva L.A.* Osnovnye pokazateli dejatel'nosti sudebno-psihiatricheskoi jekspertnoj sluzhby Rossijskoj Federacii v 2013 g. / Pod red. E.V. Makushkina. Vyp.22. M.: FGBU GNCSSP im. V.P. Serbskogo, 2014 188 s.
  6. *Pechernikova T.P., Stanishevskaja N.N.* Nekotorye voprosy kompleksnoj psihologo-psihiatricheskoi jekspertizy // Voprosy sudebno-psihologicheskoi jekspertizy / Pod red. G.V. Morozova. M.: VNII obshej i sudebnoj psihiatrii im. V.P. Serbskogo, 1974. S.14–25.
  7. *Pechernikova T.P., Stanishevskaja N.N.* Voprosy organizacii sudebnoj kompleksnoj psihiatricheskoi jekspertizy // Voprosy organizacii sudebno-psihiatricheskoi jekspertizy / Pod red. G.V. Morozova. M.: VNII obshej i sudebnoj psihiatrii im. V.P. Serbskogo, 1975. S.94–105.
  8. *Pechernikova T.P., Kudrjavcev I.A., Krivoruchko S.I.* Nekotorye voprosy kompetencii sudebnoj kompleksnoj psihologo-psihiatricheskoi jekspertizy // Socialisticheskaja zakonnost'. 1980. № 1. S.38–39.
  9. Podgotovka sledovatelem materialov dlja sudebno-psihiatricheskoi jekspertizy: prakticheskoe posobie / Pod red. T.B. Dmitrievoj. M.: FGBU GNCSSP im. V.P. Serbskogo, 2010. 62 s.
  10. *Safuanov F.S.* Ob osnovnyh kategorijah sudebno-psihologicheskoi jekspertizy v ugolovnom processe // Psihologicheskij zhurnal. 1994. № 3. S.51–54.
  11. *Safuanov F.S.* Oshibki pri naznachenii sudebnoj psihologo-psihiatricheskoi i sudebno-psihologicheskoi jekspertizy // Juridicheskaja psihologija. 2007. № 2. S.19–21.
  12. *Safuanov F.S., Haritonova N.K., Rusakovskaja O.A.* Psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza po sudebnym sporam mezhdu roditeljami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. M.: Genezis, 2011. 192 s.

13. *Safuanov F.S., Zejger M.V.* Aktual'nye problemy opredelenija mery nedeesposobnosti sub#ekta s psihicheskim rasstrojstvom // Juridicheskaja psihologija. 2014. № 2. S.7–11.
14. *Safuanov F.S.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. M.: Jurajt, 2014. 421 s.
15. *Stanishevskaja N.N., Azbukina V.D., Burshtyn I.B., Vladimirskaia M.T., Gul'dan V.V.* Praktika provedenija stacionarnyh kompleksnyh psihologo-psihiatricheskikh jekspertiz // Voprosy sudebno-psihologicheskoi jekspertizy/ Pod red. G.V. Morozova . M.: VNII obshhej i sudebnoj psihiatrii im. V.P. Serbskogo, 1974. S.41–45.
16. Sudebnaja psihiatrija. Sudebno-psihiatricheskaja jekspertiza v grazhdanskom processe. Vyp.4 / Pod red. T.B. Dmitrievoj. M.: FGBU GNCSSP im. V.P. Serbskogo, 2007. 268 s.
17. *Felinskaja N.I., Stanishevskaja N.N.* Ispol'zovanie psihologicheskikh znanij v ugolovnom processe // Sovetskaja justicija. 1971. № 7. S.5–7.
18. *Felinskaja N.I., Pechernikova T.P.* Kompetencija kompleksnyh sudebno-psihiatricheskikh i sudebno-psihologicheskikh jekspertiz // Socialisticheskaja zakonnost'. 1973. № 12. S.44.

Учет мотивации социальной желательности при обследовании психически больных с криминальным анамнезом

Кабанова Т.Н., научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии психиатрии и наркологии» (tatianak0607@yandex.ru)

Макурина А.П., научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии психиатрии и наркологии» (apulyakina@yandex.ru)

Булыгина В. Г., руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии» МЗ РФ, кандидат психологических наук (ver210@yandex.ru)

Макурин А.А., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии психиатрии и наркологии» МЗ РФ.

В статье представлены результаты использования методики «Опросник социальной желательности BIDR» (Paulhus, 1988) в адаптации Е.Н. Осина (2007) при изучении субъективных оценок 140 лиц мужского пола с психическими расстройствами. Все пациенты дополнительно были проинтервьюированы с помощью диагностического комплекса, включающего Проверочный лист отношения к лечению и пребыванию в стационаре (В.Г. Булыгина, Т.Н. Кабанова, 2011); самоотчета «Самооценка имеющихся проблем»; Опросника выраженности психопатологической симптоматики SCL-90.

Проанализированы взаимосвязи профиля мотивации социальной желательности с клиничко-социальными переменными, особенностями поведения в стационаре, субъективными оценками имеющихся проблем в социальном функционировании и различных аспектов принудительного лечения, а также имеющихся психопатологических симптомов.

Выявлено, что мотивационный профиль определяет количество заявляемых проблем в социальном функционировании, восприятие тяжести заболевания и субъективную вероятность совершения повторных ООД, специфику установочного поведения в отношении медицинского персонала, оценку успешности лечения.

Ключевые слова: мотивация социальной желательности, психически больные, субъективные оценки, принудительное лечение.

Для цитаты:

Кабанова Т.Н., Макурина А.П., Булыгина В.Г., Макурин А.А. Учет мотивации социальной желательности при обследовании психически больных с криминальным анамнезом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Kabanova_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

*Kabanova T.N., Makurina A.P., Buligina V.G., Makurin A.A. Considering the motivational social desirability at the psychodiagnostic of the mentally ill with criminal history [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Kabanova_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)*

Введение

Проблема социальной желательности возникает перед исследователями уже на протяжении многих десятилетий, в течение которых было предпринято множество попыток нейтрализовать ее влияние на результаты тестирования. Разрабатывались правила формулирования вопросов, снижающие степень проявления социальной желательности, респондентам гарантировалась полная анонимность, при построении опросников вводились специальные «шкалы лжи», создавались также специальные методы сбора информации по чувствительной тематике. Следует подчеркнуть, что тенденция к выбору социально одобряемых ответов не обязательно означает сознательный обман или стремление дать недостоверные сведения. Такое стремление может быть связано с затруднениями при самостоятельном анализе своих установок, желаний, мнений.

Понятие социальной желательности имеет двойное определение. Первое определение связано с валидностью личностных методик, а второе – с тем, что социальная желательность является неким личностным качеством. Широко используемым опросникам измерения личностных качеств присущи многие атрибуты эффективных тестов: надежность, дискриминативность и стандартизованность. Однако, в силу природы личностных переменных, труднее всего бывает установить валидность именно этих методик. В 60-е гг. значительное место в критике тест-опросников заняли исследования социальной желательности, как фактора искажения [5]. Например, А. Эдвардс, Д. Джексон и другие исследователи показали, что при факторизации ответов на каждый вопрос (тест ММРІ) в качестве первого и самого главного выявляется фактор социальной желательности, что резко снижает достоверность полученного профиля. В последующих зарубежных работах, а также в исследованиях А.Г. Шмелева и В.И. Похилько факторной структуры пунктов тест-опросников было выявлено, что фактор социальной желательности имеет особую силу в ситуациях «экспертизы», т. е. принудительного обследования, когда испытуемые имеют основания маскировать свои психологические особенности [2; 4]. Для того чтобы избежать социальной

желательности некоторые авторы создают шкалу лжи, в которую вводят особую группу заданий для выявления тех лиц, которые склонны давать социально одобряемые ответы. Однако количество таких опросников в арсенале медицинских психологов крайне мало.

Второе определение связано с созданием шкалы мотивации одобрения окружающими [6]. Авторы понимали социальную желательность не как просто тенденцию отвечать на вопросы социально положительно, а как личностную характеристику, которая определяет поведение человека в социуме.

Проблема социальной желательности представляется значимой при необходимости изучения психологических переменных субъективного плана. Особую актуальность приобретает учет мотивации ответов при обследовании лиц с психическими расстройствами, имеющими криминальный анамнез. Это обусловлено тем, что любое обследование может влиять на экспертные решения в разных юридически релевантных ситуациях.

Необходимо напомнить, что на результаты выполнения конкретных функциональных проб, и тем более проективных методик, выполняемых больными, находящимися на ПЛ, существенное влияние оказывает ряд факторов. К ним следует отнести: контекст выполнения психодиагностических проб (интенсивная психофармакотерапия и т.п.); мотивацию экспертизы, которая претерпевает существенные изменения в зависимости как от актуальной ситуации ПЛ, так и от динамики клинического состояния больного; «искушенность» большинства испытуемых в выполнении стандартных методик ППЭ [1]. Так, в исследованиях сотрудников лаборатории психологии ГНЦ ССП им. В.П. Сербского было показано, что компенсаторный принцип применим и в отношении латентных, социально неодобряемых потребностей, диагностируемых проективными методами. При этом существенной детерминантой ответов испытуемых является сама ситуация обследования, когда проявления агрессии строго контролируются [3].

В связи с вышесказанным в исследование субъективных оценок больными различных аспектов социального функционирования был включен опросник социальной желательности BIDR (Paulhus, 1988 в адаптации Е.Н. Осина, 2007), для определения влияния мотивации социальной желательности на мотивировки поведения и особенности реагирования пациентов.

Материал и методы исследования

Исходя из поставленной цели были обследованы две группы больных, которые представляют особую общественную опасность и вместе составляют более половины пациентов, находящихся на принудительном лечении: 1) больные с диагнозом «шизофрения» (группа Ш), 2) пациенты с органическими психическими расстройствами (группа ОПР).

Были использованы следующие методики.

1. *Опросник социальной желательности BIDR* (Paulhus, 1988 в адаптации Е.Н. Осина, 2007). Данная методика предназначена для исследования влияния социальной желательности ответов при психологическом дистрессе. Опросник включает три шкалы: Самообман, Управление впечатлениями, Защитное отрицание.

Состоит из 60 утверждений, каждое из которых надо оценить по семибалльной шкале.

2. *Проверочный лист отношения к лечению и пребыванию в стационаре* (В.Г. Булыгина, Т.Н. Кабанова, 2011). Данная методика предназначена для определения субъективных оценок больных, находящихся на ПЛ, и их установок в отношении лечения. Методика включает следующие блоки: отношение к лечению, отношение к пребыванию в стационаре, отношения с врачом и персоналом, отношения доверия между врачом и пациентом, отношения с другими пациентами, атрибуция изменений клинического состояния.

3. *Самоотчет «Самооценка имеющихся проблем» (CuCOP)*. Данная методика используется для оценки риска, который представляет правонарушитель, и идентификации факторов, которые влияют на совершение правонарушения. Методика была разработана совместно Тюремной Службой и Службой Пробации США. Самоотчет состоит из 28 утверждений. Испытуемому предлагается отметить, что является для него проблемой, и связана ли эта проблема с его противоправным поведением.

4. *SCL-90. Опросник выраженности психопатологической симптоматики* (L. Derogatis, 1973 в адаптации Н.В. Тарабриной, 2001)). Методика предназначена для оценки глубины психических нарушений и динамики психотерапевтического воздействия. Опросник включает 90 симптомов и ощущений; испытуемому необходимо указать из пяти предложенных вариантов тот, который наиболее точно отражает степень выраженности или отсутствия в его состоянии перечисленных симптомов. Опросник состоит из следующих шкал: соматизации (SOM), межличностной сенсензитивности (INT), обсессивно-компульсивных расстройств (O-C), депрессии (DEP), тревожности (ANX), враждебности (HOS), фобической тревожности (PHOB), шкалы паранойяльной симптоматики (PAR) и психотизма (PSY). Методика содержит два индекса, отражающих степень выраженности симптоматики (GSI) и наличие симптоматического дистресса (PSDI).

Обсуждение результатов исследования

Был проведен кластерный анализ по методу К-средних с разбиением на три кластера по сырым баллам методики Bidr для группы обследованных. Полученные графики демонстрируют сходные тенденции в выделенных профилях (рис. 1, 2).

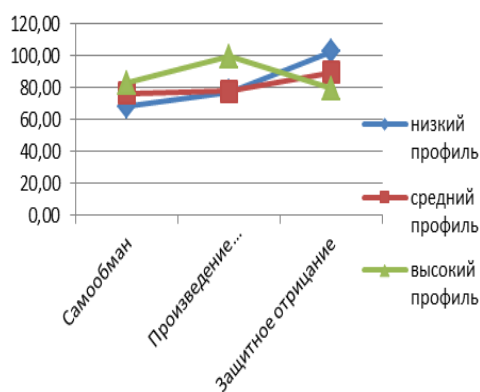

Рис. 1. Профили средних по

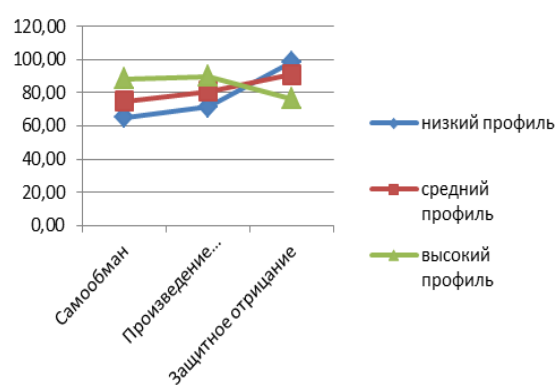

Рис. 2. Профили средних по

методике Bidr в кластерах, полученных для группы ОПР

методике Bidr в кластерах, полученных для группы Ш.

Вследствие этого был проведен однофакторный дисперсионный анализ для выяснения вопроса о правомерности их объединения как общей характеристики обеих групп. В результате значимые различия были получены только для высоких профилей по параметру «Произведение впечатления». Таким образом, данный результат можно считать общим для всей выборки в целом.

Поскольку для индексов методики Bidr не было получено значимых различий по группам ОПР и Ш, исследование влияния мотивационных тенденций проводилось на объединенной выборке. Для решения поставленной задачи был сделан кластерный анализ по методу К-средних с разбиением на три кластера по сырым баллам методики Bidr (рис. 3).

Посредством однофакторного дисперсионного анализа с применением попарных межгрупповых сравнений по методу Шеффе были проанализированы средние полученных кластеров по итоговым показателям методики Bidr.

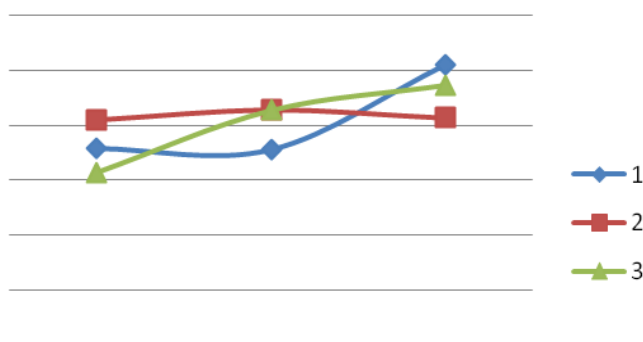

Рис.3. Графики средних значений по методике BIDR в выделенных кластерах

Все три кластера значимо различаются по средним показателям «самообман» и «защитное отрицание». По шкале «произведение впечатления» средние кластеров с низкими индексами «самообман» и «защитное отрицание» значимо отличаются от третьего, не различаясь при этом между собой.

С целью выявления значимых взаимосвязей между принадлежностью к выделенным кластерам и клинико-социальными показателями был использован критерий χ^2 . Для простоты интерпретации кросстабуляции считались отдельно для каждой градации качественных переменных. Ниже перечисляются только те значимые взаимосвязи, которые важны для осуществления лечебно-реабилитационных мер в стационаре.

Больные, отнесенные в кластер с «низким защитным отрицанием» значимо чаще, а с «низким произведением впечатления» – реже нарушают режимные требования отделения. Причем в группе больных с «низким защитным отрицанием» нарушения отмечаются в начальный период ПЛ, а меры взыскания в этом кластере значимо чаще, чем в других, имеют позитивное влияние. Для пациентов, вошедших в

кластер с «низким производением впечатления» характерны адекватно-негативные оценки во время пребывания в стационаре.

Анализ графиков средних значений субъективных оценок имеющихся проблем в социальном функционировании в трех выделенных мотивационных профилях выявил следующее (рис.4).

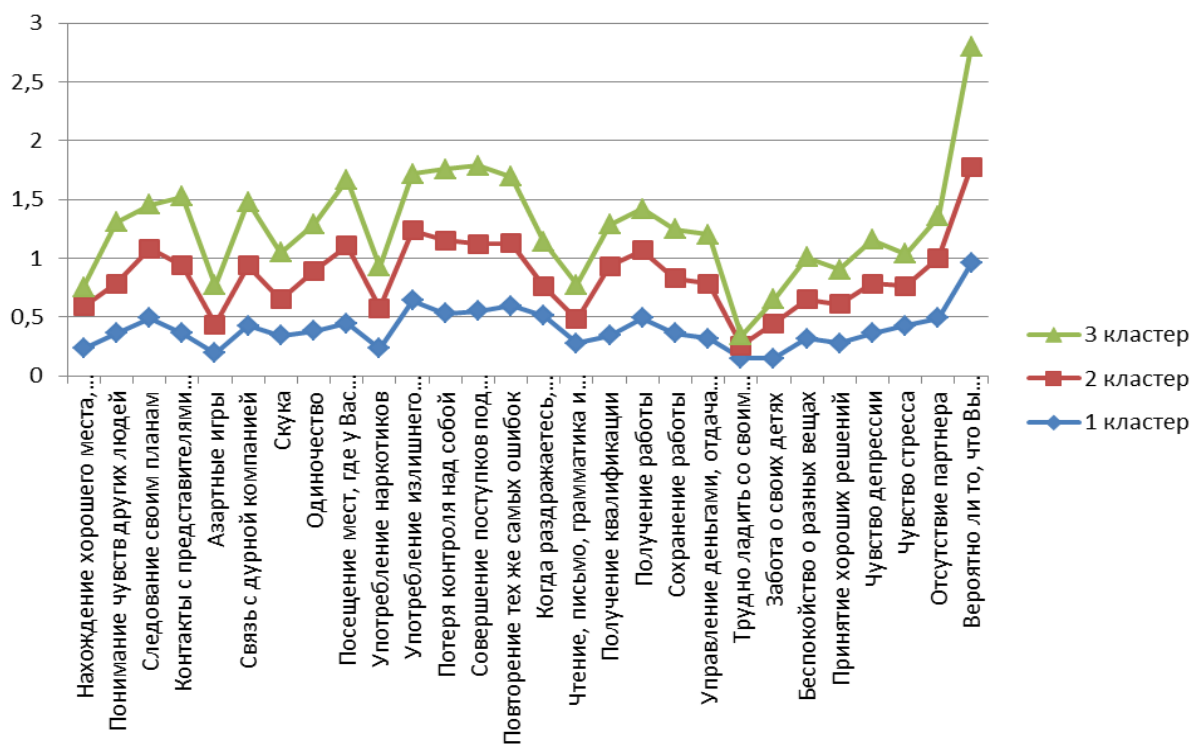

Рис 4. График средних по самоотчету СиСОП для трех кластеров: 1 – самообман; 2 – произведение впечатления; 3 – защитное отрицание

Анализ средних значений по методике СиСОП демонстрирует, что наибольшее количество проблем в социальном функционировании и максимальные показатели оценки вероятности совершения повторного ООД отмечаются в группе с низкими показателями защитного отрицания. В этой же группе выше показатели наличия проблем, связанных с зависимостью от наркотиков и алкоголя и переменными, отражающими низкий уровень регуляции своего поведения («совершение поступков под влиянием момента, неспособность контролировать себя, повторение тех же самых ошибок»). Наименьшее количество заявленных проблем отмечается в группе больных с низким уровнем самообмана. Профиль средних значений у лиц, отнесенных в кластер с низким уровнем произведения впечатления схож с таковым у лиц с низким уровнем защитного отрицания. Однако выраженность заявленных проблем по данной группе ниже.

Для анализа особенностей субъективных оценок, обусловленных спецификой мотивационного профиля, был выбран непараметрический метод сравнения групп U Манна–Уитни для попарного сравнения всех трех кластеров.

Исследование взаимосвязей мотивационных профилей и субъективных оценок по методике СиСОП. Были получены следующие значимые взаимосвязи. Испытуемые

в кластере с низким значением по шкале «защитное отрицание» значимо чаще, а остальные реже рассматривают как проблему для себя «повторение тех же самых ошибок». Агрессивность в периоды раздражительности, а также управление деньгами чаще ожидаемого рассматривают как проблему лица в кластере с низким «произведением впечатления». Связывают неспособность контролировать агрессию, возникающую из-за раздражительности с совершением правонарушений лица, отнесенные к кластеру с низким «защитным отрицанием», и реже ожидания – не считают это проблемой пациенты из группы с низким значением «самообман». Управление деньгами и отдача долгов является проблемой для кластеров с низким «произведением впечатления» и «защитным отрицанием», причем для последнего она чаще ожидаемого оказывается связанной с противоправным поведением, а для кластера с низким значением по шкале «самообман», как и в предыдущем случае, чаще ожидаемого этот аспект не воспринимается как проблема».

Анализ графиков средних значений субъективных оценок различных аспектов ПЛ в трех выделенных мотивационных профилях выявил их схожесть (рис.5). В группе больных с низкими показателями защитного отрицания отмечаются максимальные по всей выборке пики по переменным, связанным с ВКБ (восприятие тяжести заболевания, оценка риска возникновения рецидива, снижение способности распознавать симптоматику), риском внутрибольничной агрессии, характеристиками персонала (отсутствие эмпатии, уровень профессионализма, коммуникативные навыки) и оценкой лечения как неуспешного. Характер плато и минимальные значения имеет профиль средних значений субъективных оценок больными различных аспектов принудительного лечения в группе с низким уровнем самообмана.

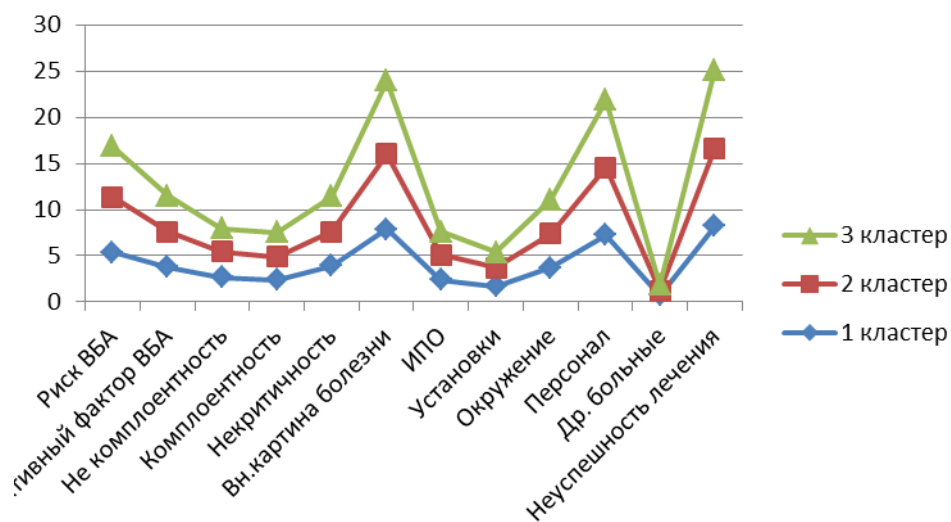

Рис. 5. График средних по методике субъективных оценок ПЛ для трех кластеров: 1 –самообман; 2 – произведение впечатления; 3 – защитное отрицание

Анализ графиков средних значений субъективных оценок выраженности психопатологических симптомов в трех выделенных мотивационных профилях выявил следующее (рис.6). Во всех трех группах отмечаются пики по шкале «депрессия». В группе больных с низким уровнем защитного отрицания

максимальные показатели по ранее указанной шкале, а также по шкалам «соматизация», «О-С» (обсессивно-компульсивные расстройства) и индексу симптоматического дистресса.

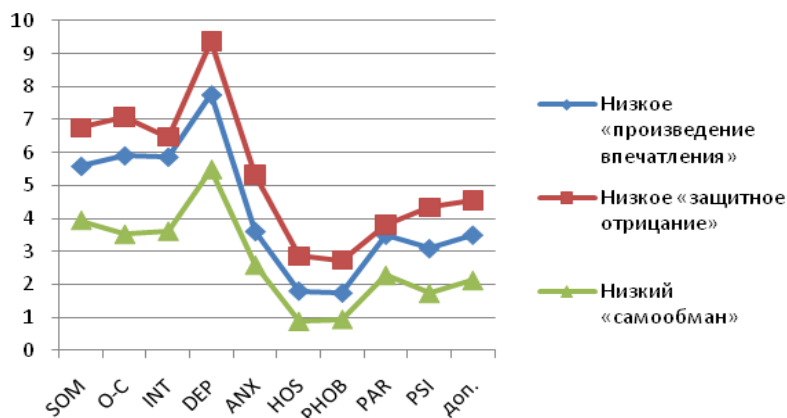

Рис. 6. График средних по методике SCL-90 для трех кластеров

Взаимосвязи субъективных оценок больных шизофренией и ОНР со спецификой мотивационного профиля. Для проверки гипотезы о связях индексов субъективных оценок со спецификой профиля по Bidr, метрические переменные были перекодированы в ранги по 33-му и 66-му процентилю, что позволило получить три уровня выраженности изучаемых показателей. В качестве меры связи использовался критерий χ^2 .

В группе с органическими психическими расстройствами низкий профиль по Bidr оказался сопряжен с тенденцией более высоко оценивать качество своего социального функционирования. Такие люди значимо реже оценивают для себя как проблему: связь с дурной компанией ($\chi^2=10,687$, $p=0,030$), употребление излишнего количества алкоголя ($\chi^2=9,635$, $p=0,047$), потерю контроля над собой ($\chi^2=9,870$, $p=0,043$), агрессивность в периоды раздражительности ($\chi^2=9,795$, $p=0,044$), отсутствие партнера ($\chi^2=14,051$, $p=0,007$).

Больные шизофренией с низким профилем по Bidr демонстрировали сходную склонность значимо реже оценивать как проблему агрессивность в периоды раздражительности ($\chi^2=18,224$, $p=0,001$), совершение поступков под влиянием момента ($\chi^2=10,046$, $p=0,040$), а также меньшую склонность к внутрибольничной агрессии по сравнению с двумя другими профилями ($\chi^2=12,768$, $p=0,012$).

Заключение

Больные, мотивационный профиль которых характеризуется низким защитным отрицанием значимо чаще нарушают режимные требования в отделении, нарушения отмечаются преимущественно в начальный период ПЛ, а меры взыскания имеют позитивное влияние. Такие больные заявляют о большом количестве проблем в социальном функционировании, среди которых значимо преобладают зависимость от наркотиков и алкоголя и переменные, отражающие низкий уровень саморегуляции. Они имеют максимальные показатели оценки вероятности совершения повторного ООД. Эту группу отличает сочетание

восприятия тяжести заболевания и снижение способности распознавать имеющуюся симптоматику. В отношении медицинского персонала и оценки успешности лечения характерны обесценивающие и дискредетирующие персонал тенденции.

У больных, мотивационный профиль которых отличает отсутствие тенденции к произведению впечатления, наиболее значимой проблемой является малоконтролируемая агрессивность в периоды раздражительности. Для них характерны адекватно-негативные оценки различных аспектов ПЛ.

Наименьшее количество заявленных проблем как в отношении социального функционирования, так при оценке различных аспектов ПЛ отмечается в группе больных с низким уровнем самообмана.

Таким образом, мотивационный профиль определяет количество заявляемых проблем в социальном функционировании, восприятие тяжести заболевания и субъективную вероятность совершения повторных ООД, специфику установочного поведения в отношении медицинского персонала, оценку успешности лечения.

Литература

1. Булыгина В.Г., Жумагалиева М.Ю., Макурина А.П., Кабанова Т.Н. Проблема создания новых экспериментальных методов для решения прикладных задач в патопсихологии и судебно-психиатрической практике [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49293.shtml> (дата обращения: 13.03.2015).
2. Забродин Ю., Пахэльян В.Э. Психодиагностика. М.: Эксмо, 2010.
3. Станишевская Н.Н., Гульдман В.В. Значение психологических исследований в судебно-психиатрической экспертизе // Теоретические и организационные вопросы судебной психиатрии. ВНИИ ГНЦ ССП им. В.П. Сербского М., 1977. С. 96–104.
4. Шмелев А. Г., Похилько В.И. Анализ пунктов при конструировании и адаптации личностных опросников: ручные и компьютерные алгоритмы // Вопросы психологии. 1985 № 4. С. 126–133.
5. Edwards T. Comined and Uneven Development. London: New Left Books, 1982. 274 p....
6. Crowne D.P., Marlowe D. A new scale of social desirability independent of psychopathology // Journal of Consulting Psychology. 1960. Vol. 24. P. 349–354.

Considering the motivational social desirability at the psychodiagnostic of the mentally ill with criminal history

Kabanova T.N., senior researcher of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry (tatianak0607@yandex.ru)

Macurina A.P., senior researcher of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry of Russia

Bulygina V.G., Head of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry, Ph.D., Associate Professor (ver210@yandex.ru)

Macurin A.A., science researcher of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry

---

The article presents the results of using the Questionnaire social desirability BIDR (Paulhus, 1988) in the adaptation of E. N. Osin (2007) while studying the subjective assessments of 140 males with mental disorders. Additionally all patients were interviewed by check-list "Attitudes to the aspects of the compulsory treatment" (Bulygina V.G., Kabanova T.N., 2011), self-report about the existing problems in social functioning and Symptom Checklist (SCL-90-R, Derogatis, 1986). There were analyzed the associations between the profile of the motivation social desirable with clinical and social variables, characteristics of behavior in the forensic hospital, subjective assessments of problems in social functioning and various aspects of compulsory treatment and psychopathological symptoms.

It is revealed that the motivational profile determines the amount of the claimed problems in social functioning, perception of disease severity and subjective likelihood of re social dangerous acts, the specificity of representative behavior in relation to medical personnel, evaluation of treatment success.

Keywords: motivation, social desirability, mentally ill, subjective assessment of compulsory treatment.

References

1. *Bulygina V.G., Zhumagalieva M.Ju., Makurina A.P., Kabanova T.N.* Problema sozdaniya novyh jeksperimental'nyh metodov dlja reshenija priklad-nyh zadach v patopsihologii i sudebno-psihiatricheskoj praktike [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2011. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49293.shtml> (data obrashhenija: 13.03.2015)
2. *Zabrodin Ju., Pahjel'jan V.Je.* Psihodiagnostika: Izdatel'stvo: Jeksmo. – Moskva. 2010.
3. *Stanishevskaja N.N., Gul'dan V.V.* Znachenie psihologicheskikh issledovanij v sudebno-psihiatricheskoj jekspertize // Teoreticheskie i organizacionnye voprosy sudebnoj psihiatrii. M.,1977. – P. 96-104.
4. *Shmelev A. G., Pohil'ko V. I.* Analiz punktov pri konstruirovanii i adaptacii lichnostnyh oprosnikov: ruchnye i komp'juternye algoritmy // Vopr. psihol. – 1985 – № 4. – P. 126-133.
5. *Edwards T.* Comined and Uneven Development. London: New Left Books, 1982
6. *Crowne D.P., Marlowe D.* A new scale of social desirability independent of psychopathology// Journal of Consulting Psychology. –1960. – V.24. – P. 349-354.

Возможности социально-психологических моделей для разработки профилактических программ в области здоровья (Часть 2)

Бовина И.Б., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (innabovina@yandex.ru)

В работе продолжается обсуждение возможностей социально-психологического знания для разработки профилактических программ в области здоровья. В фокусе внимания оказывается подход социальной идентичности. В работе рассматриваются исследования, выполненные в рамках теории социальной идентичности и теории самокатегоризации в связи с проблемами здоровья и болезни. Делаются выводы о том, что здоровье не является индивидуализированным феноменом, и социальное измерение играет первостепенную роль в этой связи. Подчеркивается, что группы оказывают позитивное влияние на здоровье человека, этот эффект важно учитывать при формулировании концепции превентивных и профилактических мер в области здоровья. Качество групповой жизни пациентов должно учитываться специалистами в области здравоохранения как ключевой фактор выздоровления этих пациентов. Подчеркивается, что теория социальной идентичности накопила солидное количество знаний за время своего существования – более четырех десятков лет, обращение к проблемам здоровья – это своего рода движение из «лаборатории» в «поле»; приложение идей этой теории к области здоровья достаточно продуктивно и имеет дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: теория социальной идентичности, теория самокатегоризации, болезнь, здоровье.

Для цитаты:

Бовина И.Б. Возможности социально-психологических моделей для разработки профилактических программ в области здоровья (Часть 2) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Bovina.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Bovina I.B. The potential of socio-psychological models for the development of prevention programs (Part 2) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015,

no. 1. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Bovina.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Теория социальной идентичности уже неоднократно оказывалась в поле зрения отечественных социальных психологов (см. подробнее, например, [1,2,3]).

Ключевая идея этого подхода заключается в том, что группы – являются не просто составляющими окружения вокруг нас, но определяют наше чувство социальной идентичности, «знание, что мы принадлежим к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью этой группы для нас» [16, р. 31]. В большинстве контекстов социальная идентичность необходима для того, чтобы структурировать то, что человек понимает окружающий мир, то, как он думает, его ценности, то, как он поступает и взаимодействует с другими [8].

Группы не только позволяют ее членам добиваться целей, недоступных ценой индивидуальных усилий, но придают им чувство места, принадлежности, смысла, повышают самооценку и самоценность, являются источником личной безопасности, эмоциональной связи и интеллектуальной стимуляции [9]. Все это, несомненно, имеет позитивные психологические последствия для индивидов. Ключевым последствием в нашем случае является влияние социальной идентичности на здоровье и физическое благополучие человека.

В фокусе внимания этих теорий находится анализ социального измерения в связи со здоровьем, физическим и психическим благополучием индивида. Если социальное измерение, включенность во взаимодействие с другими в предыдущих теоретических рамках занимало второстепенное место, то здесь оно становится ключевым. Причем, исследователи показывают, что для продолжительной жизни, а также для обладания хорошим здоровьем, важным является не только наличие большого числа социальных контактов (фиксируемое посредством индекса социальных сетей – [5]), но именно социальная идентичность, порождаемая принадлежностью к этим различным группам [13]. Таким образом, включенность в группу является фактором, снижающим угрозу психическому и физическому здоровью.

С 90-х гг., как отмечают Ж.Жеттен с коллегами, наблюдается рост числа исследований, в которых связаны такие понятия, как социальная идентичность и здоровье, физическое и психическое благополучие [11].

По сути, потенциал теории социальной идентичности [3,16] и социальной самокатегоризации [9,11] дает теоретическую базу для понимания того, почему у тех, кто имеет адекватные социальные отношения в 50% больше вероятность иметь хорошее здоровье по сравнению с теми, кто имеет плохие социальные отношения.

Ключевая идея теории социальной идентичности, предложенной Г.Тэшфелом и Дж. Тернером, сводится к тому, что для понимания поведения человека в различных социальных контекстах требуется принимать во внимание тот факт, что индивид может определять себя не только в терминах «Я», но в терминах «Мы». Резюмировать центральные положения этой теории можно следующим образом: 1) люди стремятся достигнуть положительного чувства *self*; 2) во многих социальных

контекстах человек определяет себя в терминах значимой социальной идентичности; 3) при *вытуклости* социальной идентичности индивид стремится поддержать позитивную социальную идентичность путем позитивной дифференциации собственной группы [1,2,3,9,11,16].

Ключевые понятия теории – воспринимаемая проницаемость границ; воспринимаемая стабильность и легитимность позиции группы по отношению к другим группам [9]. Если члены низкостатусных групп верят, что границы группы проницаемы, то для преодоления негативных межгрупповых сравнений они выбирают стратегию индивидуальной мобильности, что выражается в диссоциировании от стигматизируемой группы (так, выход из стигматизируемой группы (к примеру, - группа инвалидов) осуществляется за счет индивидуальных усилий - будь то терапия или иные действия, позволяющие *преодолеть* недуг) и переход в группу с высоким статусом (в группу здоровых). С другой стороны, если индивиды воспринимают границы группы как непроницаемые, при этом социальные отношения видятся как безопасные (стабильные и легитимные), то члены низкостатусной группы стремятся к социальной креативности, т.е. будут предпринимать усилия для того, чтобы заменить негативные стереотипы, сопровождающие данную группу, - на позитивные. В случае же непроницаемости границ и небезопасности (нестабильные и нелегитимные отношения) члены группы определяют себя в терминах данной группы и стремятся предпринимать действия, направленные на социальное изменение, т.е. имеет место социальная мобильность. Так, в эпоху эпидемии ВИЧ-инфекции ВИЧ-позитивные стали активно бороться за исследования в области разработки терапии ВИЧ-инфекции, позже – за снижение цен на комплексную терапию, кроме того – за дестигматизацию и против дискриминации ВИЧ-позитивных [7]. Как подчеркивают А.Хэслам с коллегами, воспринимаемая непроницаемость границ с большей вероятностью побуждает индивидов определять себя через свою социальную идентичность и действовать в соответствии с ней. В противоположном случае – при воспринимаемой проницаемости границ – индивиды в меньшей степени будут использовать свою социальную идентичность [9].

В рамках теории самокатегоризации развивается идея о важности социальной идентичности для понимания социального поведения: «социальная идентичность – это когнитивный механизм, который делает возможным групповое поведение» [цит. по 9, р.7]. Так, если люди с синдромом Аспергера, определяют себя в терминах групповой принадлежности, то они могут взаимодействовать как группа для того, чтобы совместно бороться со стигматизацией и пр. [9].

Существуют категории различных уровней, используя которые индивид определяет себя тем или иным образом. Это в свою очередь влияет на то, как он ведет себя. Например, на нижележащих уровнях человек определяет себя и действует как индивид, сравнивая себя с другими в терминах личной идентичности. На среднем уровне – человек определяет себя и действует как член группы, сравнивая с другими в терминах социальной идентичности. Наконец, на вышележащих уровнях – человек определяет себя и действует через видовую принадлежность, противопоставляя другим видам [11]. То, какая именно социальная категория будет выбрана для идентификации в том или ином контексте, зависит от социального контекста, в котором находится индивид.

Тот факт, что индивид может рассматривать свое взаимодействие с социальным миром через призму различных уровней самокатегоризации, как он себя определяет в том или ином контексте, влияет на его здоровье, психическое и физическое благополучие. К примеру, женщина, подвергающаяся воздействию стрессогенных факторов, может категоризовать себя как «пациентку», «маму», «жену», «работающую женщину». В зависимости от этого – эффективным оказывается то или иное сообщение, касающееся здоровья [9].

Когда люди воспринимают друг друга как членов одной группы, то это побуждает их к активным действиям для достижения согласия и координации поведения, соответствующего их идентичности [9].

А.Хэслам с коллегами [9] предлагают различать ряд ситуаций, в которых проявляется тот или иной аспект влияния социальной идентичности индивида на здоровье индивида. В частности, предлагается изучать социальную идентичность в связи с такими конструктами, как оценка симптомов болезни, а также соответствующая реакция на них; поведение, регулируемое нормами, связанными со здоровьем; социальная поддержка; копинг-ресурс; процессы выздоровления индивида. Остановимся подробнее на связи социальной идентичности с каждым из этих конструктов.

Итак, можно рассматривать социальную идентичность в связи с оценкой симптомов болезни и реакцией на них. Пожилые люди, например, с большей вероятностью склонны думать, что они страдают потерей слуха обращаться за медицинской помощью в том случае, когда активизируется категория «пожилые люди» [9]. Сходным образом – приверженность терапии определяется тем, идентифицирует ли человек себя с соответствующей категорией больных или нет [9].

Социальная идентичность влияет на поведение, которое регулируется нормами, связанными со здоровьем. Например, при преобладании идентичности работающего, а не семейного мужчины, испытуемые в большей степени отдавали предпочтение в пользу незащищенных сексуальных отношений, чем при преобладании идентичности семейного мужчины. Сходным образом в исследованиях, когда информация о здоровье (например, следованию диете) исходила от белого представителя среднего класса, то испытуемые, принадлежащие к иной этнической группе, воспринимали сообщение как не являющееся нормативным для их группы. Соответственно, они не стремились к здоровому поведению, демонстрируя фаталистический взгляд на здоровье [9].

Социальная идентичность может выступать в качестве основы для социальной поддержки. Так, в исследовании на примере косовских албанцев было показано, что психическое здоровье тех, кто пережил военный конфликт в 1999 и оценивал его как подтверждающий свою групповую идентичность, было лучше (более низкий уровень депрессии, более низкий уровень тревожности), по сравнению с теми, кто отрицал свою групповую идентичность. Но самое главное – позитивная оценка войны открывала возможность обсуждать последствия пережитого опыта с близкими другими, получать социальную поддержку. Таким образом, обращаясь к групповым процессам, к понятию социальной идентичности, исследователи объясняют тот факт, что у части косовских албанцев, переживших

трагические события, не наблюдалось ухудшения психического здоровья. При том, как подчеркивают авторы [14], что из 1,8 млн. населения косовских албанцев – 800 тыс. были вынуждены покинуть страну, 400 тыс. покинули дома в Косово и прятались. 10 тыс. были убиты, 3 тыс. – похищены. Кроме того, жители подвергались систематическому насилию.

Социальная идентичность может быть рассмотрена как копинг-ресурс. Так, есть основания говорить о том, что группы поддержки, основанные на социальной идентичности, помогают людям, страдающим биполярной депрессией, аутизмом, бороться со стигмой и негативными стереотипами [9].

В исследовании А.Хэслама и С.Рейчера [15], по сути, была продемонстрирована эта же функция социальной идентичности в отношении здоровья в ситуации тюремного эксперимента (так называемого *тюремного эксперимента*, выполненного при поддержке радиовещательной компании Би-Би-Си). Заключенные смогли совместно противостоять стрессогенному воздействию ситуации заключения (замеры выгорания, депрессии позволили утверждать это), благодаря разделенной социальной идентичности. В случае же охранников - невозможность сформировать разделенную социальную идентичность негативным образом отразилось на здоровье испытуемых.

Социальная идентичность, наконец, может выступать в качестве детерминанты выздоровления индивида. По сути, эта идея имплицитно присутствует во всех предыдущих случаях. Однако, выделяя такую функцию социальной идентичности, исследователи рассматривают ее непосредственное влияние на процесс выздоровления или, соответственно, на процесс ухудшения здоровья индивидов. В частности, в лонгитюдном исследовании С.Коула, М. Кемени и Ш. Тейлор [6] было показано, что развитие ВИЧ-инфекции в стадию СПИДа и последующая смерть происходили быстрее среди геев, которые были уязвимы к отвержению, связанному с невозможностью поддерживать гомосексуальную идентичность, по сравнению с теми ВИЧ-позитивными мужчинами, которые приняли свою идентичность.

Сходным образом, из 655 пациентов с инсультом, по данным Б. Боден – Албала с коллегами [4], вероятность повторного инсульта в ближайшие пять лет была выше в два раза среди тех, кто пребывал в социальной изоляции, по сравнению с теми, кто имел значимое социальное окружение. Причем, социальная изоляция оказывается, как свидетельствуют авторы, более сильным фактором, чем традиционные – сердечнососудистые заболевания, отсутствие физической активности. Сходная картина была показана и в случае потери памяти. Ситуация была более опасна для тех (из 16, 638 американцев, наблюдения за которыми велись на протяжении шести лет), кто имел меньше социальных контактов и социальной активности [12]. Усиление социальной идентичности в доме престарелых путем создания соответствующих групп оказало позитивное воздействие на здоровье людей, обитателей дома престарелых [10].

Вопрос, который вполне закономерен – может ли принадлежность к группе иметь негативное влияние на наше здоровье? С точки зрения Ж.Жеттен и А.Хэслама, принадлежность к группе может оказывать негативное влияние на членов группы в том случае, когда группа обладает низким статусом, когда на члены группы

подвергаются дискриминации, но все ли так однозначно? По данным исследования, в целом афроамериканцы, являющиеся объектом дискриминации, сообщали о плохом физическом благополучии. Однако, те из них, кто в ответ на дискриминацию в наибольшей степени идентифицировался со своей расовой группой, чувствовали себя лучше, чем те, кто в ответ на дискриминацию в меньшей степени идентифицировался со своей группой [11]. Парадоксально, но в данном случае групповая принадлежность действует двояко – с одной стороны – оказывается фактором негативного влияния на здоровье, с другой – смягчает это негативное влияние.

Выводы, которые можно сделать, опираясь на подход социальной идентичности к анализу здоровья, таковы: здоровье не является индивидуализированным феноменом, и социальное измерение играет первостепенную роль в этой связи; группы оказывают позитивное влияние на здоровье человека, этот эффект важно учитывать при формулировании концепции превентивных и профилактических мер в области здоровья. Наконец, качество групповой жизни пациентов должно учитываться специалистами в области здравоохранения как ключевой фактор выздоровления этих пациентов. Теория социальной идентичности накопила солидное количество знаний за время своего существования – более четырех десятков лет, обращение к проблемам здоровья – это своего рода движение из «лаборатории» в «поле» [8]; приложение идей этой теории к области здоровья, как мы продемонстрировали выше, достаточно продуктивно и имеет дальнейшие перспективы.

Литература

1. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 1990, 240 с.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект пресс, 2005, 288 с.
3. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М. Институт психологии РАН, КСП+, 1999, 448 с.
4. *Boden-Albala B., Litwak E., Elkind M.S.V., T.Rundek, Sacco R.L.* Social isolation and outcomes post stroke / *Neurology*. 2005. Vol. 64. N11. P.1888–92.
5. *Cohen S., Doyle W. J., Skoner D. P., Rabin B. S., Gwaltney J. M.* Social ties and susceptibility to the common cold // *The Journal of the American Medical Association*. 1997. Vol. 277. N 2. P. 1940–1944.
6. *Cole S., Kemeny M., Taylor S.* Social identity and physical health: accelerated HIV progression in rejection-sensitive gay men // *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 72. N2. P. 320–335.
7. *Epstein S.* Impure science: AIDS, activism and politics of knowledge. Berkley: University of California Press, 1996.

-
8. *Haslam S.A.* Making good theory practical: Five lessons for an applied social identity approach to challenges of organisational, health and clinical psychology // *British journal of social psychology*. 2014. Vol. 53. N 1. P. 1–20
  9. *Haslam S.A., Jetten J., Postmes T., Haslam C.* Social identity, health and well-being : an emerging agenda for applied psychology // *Applied psychology: an international review*. 2009. Vol. 58, N 1. P. 1–23.
  10. *Gleibs I.H., Haslam C., Jones J.M., Haslam S.A., McNeill J., Connolly H.* No country for old men? The role of a ‘Gentlemen’s Club’ in promoting social engagement and psychological well-being in residential care // *Aging and mental health*. 2011. Vol. 15. No. 4. P. 456–466
  11. *Jetten J., Haslam C., Haslam S. A.* The case for social identity analysis of health and well-being // *The social cure: identity, health and well-being* N.Y.: Psychology Press, 2012. P. 3–20.
  12. *Jetten J., Haslam C., Haslam S.A., Branscombe N. R.* The social cure? // *Scientific american mind*. 2009. Vol. 20. P. 26–33.
  13. *Jetten J., Jones J., Branscome N., Hornsey M., Liu J.* Every group counts: the benefits of multiple group memberships for the self-esteem // Paper presented at the 16 General meeting EASP. Stockholm. 2011. 12–16 July.
  14. *Kellezi B., Reicher S., Cassidy C.* Surviving the Kosovo conflict: a study of social identity, appraisal of extreme events, and mental well-being // *Applied psychology: an international review*. 2009. Vol. 58 (1). P. 59–83.
  15. *Reicher S.D., Haslam S.A.* Tyranny revisited: Groups, psychological well-being and the health of societies. // *The Psychologist*. 2006. Vol. 19. P.46–50.
  16. *Tajfel H.* Social psychology of intergroup relations // *Annual review of psychology*. Vol. 33. P.1–39.

The potential of socio-psychological models for the development of prevention programs (Part 2)

Bovina I.B., PhD, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (innabovina@yandex.ru)

The paper discusses the possibilities of socio-psychological knowledge for the development of prevention programs in the field of health. The focus of attention is the approach of social identity. The paper deals with studies carried out in the framework of the theory of social identity and self-categorization theory in connection with the problems of health and disease. We conclude that health is not an individualized phenomenon, and the social dimension plays primary role in this regard. We emphasize that the group has a positive influence on human health, this effect is important to take into account while formulating the concept of prevention measures in the field of health. The quality of patients' social life should be considered by health professionals as a key factor in the recovery of these patients. We note that social identity theory has gained a solid amount of knowledge during its existence for more than four decades, and addressing the health problems is kind of a shift from the "laboratory" into the "field"; the application of this theory to the field of health is enough productive and has future prospects.

Keywords: theory of social identity, self-categorization theory, illness, health.

References

1. *Ageyev V.S.* Mezhrupovoye vzaimodeystviye: sotsial'no-psikhologicheskiye problemy. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990, 240s.
2. *Andreyeva G.M.* Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya. M.: Aspekt press, 2005, 288 s.
3. *Shikhirev P.N.* Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya. M. Institut psikhologii RAN, KSP+, 1999, 448 s.
4. *Boden-Albala B., Litwak E., Elkind M.S.V., T.Rundek, Sacco R.L.* Social isolation and outcomes post stroke// *Neurology*, 2005, vol.64, N11, p.1888-92.
5. *Cohen S., Doyle W. J., Skoner D. P., Rabin B. S., Gwaltney J. M.* Social ties and susceptibility to the common cold// *The Journal of the American Medical Association*, 1997, vol.277, N2, pp. 1940-1944.

6. *Cole S., Kemeny M., Taylor S.* Social identity and physical health: accelerated HIV progression in rejection-sensitive gay men// *Journal of personality and social psychology*, 1997, vol.72, N2, pp.. 320-335.
7. *Epstein S.* *Impure science: AIDS, activism and politics of knowledge*, Berkley: University of California Press, 1996.
8. *Haslam S.A.* Making good theory practical: Five lessons for an applied social identity approach to challenges of organisational, health and clinical psychology// *British journal of social psychology*, 2014, vol. 53, N1, pp. 1-20
9. *Haslam S.A., Jetten J., Postmes T., Haslam C.* Social identity, health and well-being : an emerging agenda for applied psychology// *Applied psychology: an international review*, 2009, vol.58, N 1, pp..1-23.
10. *Gleibs I.H., Haslam C., Jones J.M., Haslam S.A., McNeill J., Connolly H.* No country for old men? The role of a 'Gentlemen's Club' in promoting social engagement and psychological well-being in residential care//*Aging and mental health*, 2011, Vol. 15, No. 4, pp..456–466
11. *Jetten J., Haslam C., Haslam S. A.* The case for social identity analysis of health and well-being// *The social cure: identity, health and well-being/* Eds. by J.Jetten, C.Haslam, S.A.Haslam. N.Y.: Psychology Press, 2012, p.3-20.
12. *Jetten J., Haslam C., Haslam S. A., Branscombe N. R.*The social cure?// *Scientific american mind*, Sep/Oct., 2009, Vol. 20, pp..26-33.
13. *Jetten J., Jones J., Branscome N., Hornsey M., Liu J.* Every group counts: the benefits of multiple group memberships for the self-esteem//Paper presented at the 16 General meeting EASP, Stockholm, July, 12-16, 2011.
14. *Kellezi B., Reicher S., Cassidy C.* Surviving the Kosovo conflict: a study of social identity, appraisal of extreme events, and mental well-being// *Applied psychology: an international review*, 2009, 58 (1), pp..59-83.
15. *Reicher S. D., Haslam S. A.* Tyranny revisited: Groups, psychological well-being and the health of societies. // *The Psychologist*, 2006, vol.19, pp.46–50.
16. *Tajfel H.* Social psychology of intergroup relations// *Annual review of psychology*, vol.33, pp..1-39.

Особенности моральных суждений и социального интеллекта студентов

Коваленок Т.П., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Российский государственный аграрный университет, Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева (tkovalenok@yandex.ru)

Целью представленного в работе исследования стало рассмотрение особенностей морального сознания студентов и анализ связей между показателями социального интеллекта и уровнем социоморальной зрелости. В исследовании принимали участие студенты в возрасте от 18 до 20 лет, обучающиеся на разных факультетах Российского государственного аграрного университета. В исследовании использовались тест социального интеллекта Гилфорда–Салливена и опросник СРД-КФ (Социоморальной рефлексии диагностика — короткая форма) Д. Джибса, К. Бэсинджера, Д. Фуллера, модифицированный А.А. Хвостовым. В статье приводятся результаты количественного и качественного анализа полученных данных; описаны особенности морального сознания студентов, определен средний уровень зрелости моральных суждений; выявлена прямая связь между показателем социоморальной зрелости и способностью быстро и правильно понимать речевую экспрессию, различные смыслы, которые принимают одни и те же вербальные сообщения в зависимости от характера взаимоотношений людей и контекста ситуации общения. Результаты исследования могут стать отправной точкой в разработке мероприятий по развитию и коррекции морального сознания формирующейся личности.

Ключевые слова: студенты, моральное сознание, социальный интеллект, социоморальная зрелость.

Для цитаты:

Коваленок Т.П. Особенности моральных суждений и социального интеллекта студентов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Kovalenok.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kovalenok T.P. Features of moral judgments and social intelligence of students [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Kovalenok_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Одной из социально-значимых задач современной психологической науки является изучение отношения человека к моральным и правовым нормам как фактора его социального поведения. Традиционно проблемы этики и морали

являются предметом философского анализа, однако в работах отечественных психологов подчеркивается, что на настоящем этапе развития Российского общества, остро встает необходимость изучения особенностей морального сознания личности, нравственно-ценностных аспектов поведения, мышления и мотивации человека [1].

Одним из важных периодов нравственного развития является возраст юности или первый период зрелости, совпадающий обычно по времени с профессиональной подготовкой. В исследованиях, посвященных изучению становления личности, подчеркивается, что характерной чертой нравственного развития в возрасте юности является усиление сознательных мотивов поведения, формирование волевых качеств личности, повышение интереса к моральным проблемам. Вместе с тем, отмечается неустойчивость способности к сознательной регуляции поведения, неумение предвидеть последствия своих поступков, в основе которых могут быть асоциальные мотивы. Психологические новообразования юношеского возраста тесно связаны с происходящими социальными изменениями, определяющими всю динамику процесса социализации. В свою очередь, особенности системы ценностей молодого поколения во многом определяют будущее состояние общества. Все это делает актуальным систематический анализ процесса формирования личности студента, в частности, становления морального сознания.

В исследованиях, посвященных проблеме моральной детерминации поведения подчеркивается, что переход от декларации моральных ценностей к соответствующему реальному действию включает в себя много этапов. Попытки исследования факторов, сопровождающих реализацию таких действий, сталкиваются с трудностями. Изучение связи личностных особенностей и моральных суждений, указывает на отсутствие непосредственной связи между этими психологическими характеристиками [2]. При этом отмечается зависимость зрелости моральных суждений от возраста и общего уровня интеллектуального развития.

В качестве одного из факторов, определяющих успешность общения и социальной адаптации, в настоящее время рассматривается социальный интеллект. В работах Дж. Гилфорда, создателя теста для измерения социального интеллекта, интеллект рассматривается как система интеллектуальных способностей, независимых от фактора общего интеллекта и связанных с познанием поведенческой информации. В отечественной психологии под социальным интеллектом понимается способность человека понимать самого себя, других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события [3]. Считается, что социальный интеллект как коммуникативная компетенция формируется благодаря интериоризации социальных контекстов. Нормы общественной морали и нравственности можно рассматривать как характеристики социальных контекстов и предположить, что особенности их усвоения будут проявляться в уровне моральных суждений и в успешности выполнения тех заданий теста социального интеллекта, выполнение которых предполагает опору на систему правил, определяющих достойное и логичное поведение в конкретной ситуации.

Для проверки этой гипотезы было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие студенты одного из Московских вузов. Им было предложено выполнить опросник СРД-КФ (Социоморальной рефлексии диагностика

— короткая форма). Данная методика была разработана в 1991 г. Д. Джибсом, К. Бэсинджер, Д. Фуллером и модифицирована А.А. Хвостовым [2]. Вопросник СРД-КФ состоит из 10 пунктов — вопросов, относящихся к социоморальным ценностям. Автор оригинальной методики Дж. Джиббс, опираясь на представления Л. Колберга, предложил выделять два уровня развития социоморального сознания и оценивать их по характеру обоснования суждений, относящихся к моральным ценностям. Заменяя понятие «моральные ценности» на понятие «социоморальные ценности» Дж. Джиббс подчеркнул связь морали с социальным взаимодействием.

В модифицированной методике испытуемым предлагается письменно ответить на 10 вопросов:

1. Подумайте о том, как Вы давали обещание своему другу. Насколько для людей важно, что они могут держать слово, данное друзьям?

2. Что Вы думаете по поводу выполнения обещаний, данных любому человеку? Насколько для людей важно, что они могут выполнять обещания, данные даже кому-то малознакомому (почти незнакомому)?

3. Насколько для человека важно прощать того, кто причинил ему какой-либо вред?

4. Если говорить в целом, насколько для людей важно говорить правду?

5. Подумайте о том, как Вы помогли Вашей матери или отцу. Насколько для детей важно помогать своим родителям?

6. Допустим, Ваш друг нуждается в помощи и может даже умереть, и Вы — единственный, кто может его спасти. Насколько для человека важно (без риска для собственной жизни) спасти жизнь друга?

7. Что Вы думаете о спасении жизни любого человека? Насколько важно для человека (без потери собственной жизни) спасти жизнь незнакомца?

8. Насколько для человека важно жить, даже если он этого не хочет?

9. Насколько для людей важно не брать вещи, принадлежащие другим людям?

10. Насколько для людей важно подчиняться закону?

Ответы на каждый вопрос подвергаются контент-анализу, в результате которого, их можно отнести к одной из четырех стадий социоморальной зрелости. В работе А.А. Хвостова, приводятся критерии анализа моральных суждений, обосновываются качественные различия суждений, утверждается, что изменения в характере моральных суждений от первой к четвертой стадии отражают переход к более зрелым стадиям морального сознания.

К первой стадии социоморальной зрелости относятся суждения, в которых ценности обосновываются необходимостью подчиняться внешней силе, авторитету. Для второй стадии моральной зрелости характерны суждения, обосновывающие ценность с точки зрения ее практической полезности, рациональности «я – тебе, ты – мне», к третьему уровню социоморальной зрелости были отнесены суждения, в

которых проявляется ориентация на отношения и чувства других людей: «жить для других», «осознавать, что ты нужен». Зрелыми социоморальными суждениями считаются суждения, в которых ценности обосновываются интересами общества, существующей системы социальных отношений.

Для измерения уровня развития социального интеллекта использовался Тест социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена. Данная методика позволяет не только измерить уровень развития социального интеллекта в целом, но и оценить частные способности к познанию поведения людей. Тест состоит из четырех субтестов, имеет четкий алгоритм использования и позволяет оценить уровень развития составляющих социального интеллекта и получить его общую оценку в стандартных баллах.

Участниками исследования стали студенты в возрасте от 18 до 20 лет, обучающиеся на гуманитарном и техническом факультетах РГАУ МСХА имени К.А. Тимирязева (всего 41 человек, из них 13 юношей). Исследование проводилось в рамках учебных занятий по психологии. Вначале испытуемые выполняли тест социального интеллекта Гилфорда–Салливена, затем письменно отвечали на вопросы методики Дж. Джиббса.

Обработка результатов по тесту социального интеллекта осуществлялась по стандартной инструкции, определялся показатель каждого испытуемого по четырем субтестам и производилась композитная оценка. На рис. 2 представлены результаты распределения стандартных баллов по тесту социального интеллекта. В данной выборке отсутствуют испытуемые с высокими и низкими способностями к познанию поведения. Большая часть имеет средние для выборки соответствующего возраста способности к познанию поведения, испытуемых со сниженным социальным интеллектом в два раза больше, чем с более высоким.

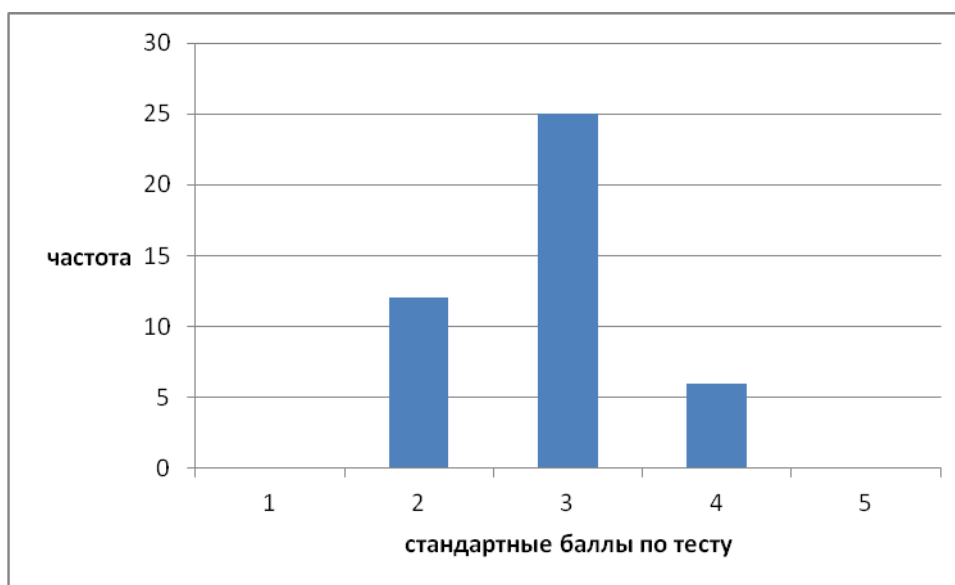

Рис. 1. Гистограмма частот распределения стандартных баллов по тесту социального интеллекта Гилфорда–Салливена

Обработка результатов, полученных с помощью вопросника СРД-КФ Д. Джиббса, проводилась путем контент-анализа обоснований ценностных суждений.

При этом каждому суждению приписывалось число от 1 до 4, соответствующее выявленной стадии моральной зрелости. 1 и 2 характеризуют низкий уровень зрелости суждений, 3 и 4 свидетельствуют о развитом моральном сознании личности.

Статистический анализ показал, что средний уровень зрелости моральных суждений в данной выборке составляет 2,79. Этот показатель соответствует приведенным в статье А.А. Хвостова данным по выборке россиян в возрасте 20 лет (среднее значения – 3,048, стандартное отклонение – 0.485). Кроме общей оценки определялся показатель для каждого из десяти суждений в отдельности. Полученные результаты представлены на рис.2.

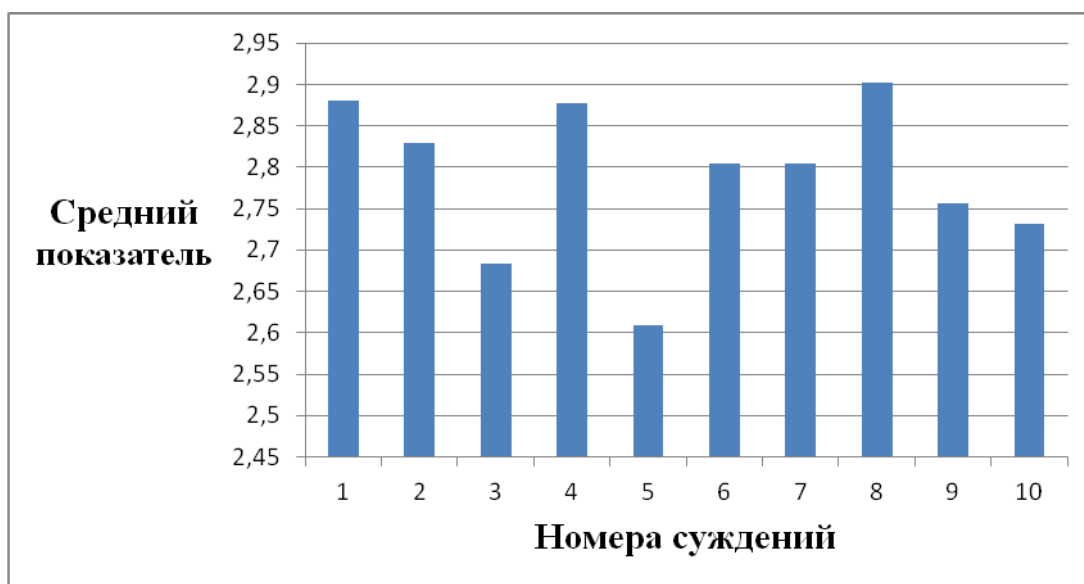

Рис. 2. Усредненные показатели социоморальной зрелости

Самый низкий показатель по пятому суждению объясняется тем, что достаточно распространенным вариантом обоснования этого суждения было следующее: « Дети всегда хотят заслужить внимание, поощрение, какие-либо материальные вещи, поэтому дети и помогают родителям. Через помощь они могут заслужить то, что хотят». Такого рода обоснования рассматривались как относящиеся ко второй стадии моральной зрелости. Сниженный показатель обоснований по третьему суждению «Насколько для человека важно прощать того, кто причинил ему какой-либо вред?» объясняется аналогичным образом. Распространенным обоснованием необходимости прощать, было примерно такое: «Ты не простишь, в следующий раз тебя не простят». Десятое суждение требовало обоснования важности подчиняться закону. Нужно отметить, что 10 испытуемых (почти 25% выборки) подвергают сомнению необходимость подчиняться закону, обосновывая это тем, что «законы жизни расходятся с законами государства», «некоторые законы созданы, чтобы их нарушать» и т.п. . При этом, многие, признающие важность соблюдения законов, обосновывают это тем, что за несоблюдение закона могут наказать. Такого рода ответы расценивались как показатели низкого уровня развития морального сознания.

Достаточно высокий уровень моральной зрелости, продемонстрировали испытуемыми в обоснованиях к первому, четвертому и восьмому вопросам. Большая

часть обоснований содержала ориентацию на чувства других людей, особенности межличностных отношений. В качестве примеров таких обоснований, можно привести следующие: «...важно сдерживать свои обещания, чтобы не подорвать доверие окружающих к вам...», «...говорить правду важно, ложь может обидеть людей, причинить кому-то боль», «в жизни нужно думать не только о себе, но и о других, родных, они родили ребенка не для того, чтобы он закончил жизнь самоубийством».

Анализ всего массива ответов на вопросы теста социоморальной рефлексии, показал, что в более 10% ответов (45) отрицается важность ценностей, упоминающихся в вопросах методики. В ответах 21 студента встречается отрицание важности минимум одной из ценностей, чаще всего отрицается важность соблюдения закона (14 ответов), важность правды (12 ответов). Таким образом, можно говорить об определенной степени морального или этического нигилизма у половины испытуемых. Так, в ответ на вопрос: «Насколько для людей важно не брать вещи, принадлежащие другим людям?», испытуемый отвечает: «Кто вообще придумал это? Точнее, почему люди уверены, что хоть что-то им принадлежит?». С точки зрения морального нигилизма, мораль — искусственное построение, сложный набор правил, придерживаясь которых можно достичь определенных выгод, психологических, социальных, экономических, но говорить об истинности этих правил нельзя, потому что придать смысл этому утверждению невозможно [4]. В цитируемой работе, в качестве одной из форм морального нигилизма рассматривается «экспрессивизм». «Экспрессивисты», рассуждая о морали, считают, что объективно моральности и аморальности нет, а есть чувства, относящиеся к определенным явлениям – осуждение, отвращение и др. Большая часть обоснований ценностей, в обследованной нами выборке испытуемых, может быть отнесена как раз к такому типу. Испытуемые, аргументируя важность той или иной ценности, часто используют местоимение «Я», обращаются к примерам из своего жизненного опыта, описывают чувства связанные с реализацией ценности. Таким образом, можно говорить о «стихийном экспрессивизме» испытуемых.

Часто встречаются ответы, в которых проявляется релятивизм личностных ценностей, когда испытуемые отвечают, что «...важно, но зависит от ситуации, воспитания и т.п.». А.А. Хвостов рассматривает такого рода суждения как признак переходного этапа от третьей к четвертой высшей стадии моральной зрелости.

Для проверки гипотезы о наличии связи между уровнем развития морального сознания и показателями социального интеллекта определялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистический анализ позволил выявить только одну значимую корреляцию ($\rho = 0.37$, $p \leq 0,05$), – прямую связь между средним показателем социоморальной зрелости и успешностью выполнения субтеста «Вербальная экспрессия». Этот субтест позволяет определить способность быстро и правильно понимать речевую экспрессию, понимать различные смыслы, которые принимают одни и те же вербальные сообщения в зависимости от характера взаимоотношений людей и контекста ситуации общения. Установленная связь требует проверки на более объемной выборке испытуемых и, в случае подтверждения, дополнительной интерпретации.

Проведенное исследование позволило выявить ряд феноменов, связанных с моральным развитием личности современного студента; указало на проблемные

области, которые требуют научного осмысления и практических мер, направленных на оптимизацию формирования моральных норм и ценностей обучающихся аграрного вуза.

Литература

1. *Ольшевская Э.Н.* Психологическое содержание когнитивного и эмоционального компонентов морального сознания личности студента [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3(60) 148. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2009_3g/35.pdf (дата обращения: 20.03.2015)
2. *Хвостов А.А.* Сравнительный анализ моральных суждений – от подростков до среднего возраста в России и США [Электронный ресурс] // Развитие личности. 2001. №. С. 26—47. URL: <http://rl-online.ru/articles/1-01/21.html> (дата обращения: 20.03.2015).
3. *Щербаков С.В.* Комплементарность межличностных отношений и социальный интеллект студентов [Электронный ресурс] // РГЖ. 2013. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/komplementarnost-mezhlichnostnyh-otnosheniy-i-sotsialnyu-intellekt-studentov> (дата обращения: 20.03.2015).
4. *Russ S.L.* The Fundamentals of Ethics. 2nd ed. N. Y.: OUP, 2012. 322 p.

Features of moral judgments and social intelligence of students

Kovalenok T.P., Associate Professor, Chair of Legal Pedagogy & Psychology of Professional Education, Russian Timiryazev State Agricultural University, PhD in Psychology, Associate Professor (tkovalenok@yandex.ru)

The aim of the research presented in this paper was to consider the features of the moral consciousness of students and the analysis of relationships between indicators of social intelligence and sociomoral maturity level. Participants were students aged 18 to 20 years enrolled in various faculties of the Russian State Agricultural University. The study used the Guilford–Sullivan Test of Social Intelligence and Sociomoral Reflection Measure – Short Form Objective (SRM-SFO) questionnaire by J. Gibbs, K. Basinger, & D. Fuller, modified by A.A. Khvostov. The article presents the results of a quantitative and qualitative analysis of the data obtained. We describe the features of the moral consciousness of students, determine the average moral judgments maturity level. A direct relationship is revealed between the index of sociomoral maturity and ability to quickly and correctly understand the speech expression and different meanings of the same verbal messages, depending on the nature of the relationship of people and context of the communication situation. The results can be a starting point in the development of measures for the development and correction of the moral consciousness of the developing individual.

Keywords: students, moral consciousness, social intelligence, sociomoral maturity.

References

1. *Ol'shevskaya E. N.* Psikhologicheskoe sodержanie kognitivnogo i emotsional'nogo komponentov moral'nogo soznaniya lichnosti studenta [Elektronnyi resurs] [Psychological Content of Cognitive and Attitudinal Components of Student's Moral Consciousness]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical Bulletin] No. 3-2009 (60) Available at:
2. http://vestnik.yspu.org/releases/2009_3g/35.pdf (Accessed: 20.03.2015) (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. *Khvostov A.A.* Sravnitel'nyi analiz moral'nykh suzhdenii - ot podrostkov do srednego vozrasta v Rossii i SShA studenta [Elektronnyi resurs] [Comparative Analysis Moral Judgment - From Teenagers to Middle-Aged in Russia and US] *Razvitie lichnosti* [Development of Personality] №1 / 2001 Pp. 26—47. Available at: <http://rl-online.ru/articles/1-01/21.html> (Accessed: 20.03.2015) (In Russ., Abstr. in Engl.).

4. *Shcherbakov S.V.* Komplementarnost' mezhlichnostnykh otnoshenii i sotsial'nyi intellekt studentov. studenta [Elektronnyi resurs]. [Complementarity of Interpersonal Relation and the Social Intelligence of Students] RGZh. 2013. №5. [Liberal Arts in Russia] 2013.Vol 2. № 5Pp 459-481. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/komplementarnost-mezhlichnostnyh-otnosheniy-i-sotsialnyy-intellekt-studentov> (Accessed: 20.03.2015) (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. *Russ S. L.* The Fundamentals of Ethics. 2nd ed. N. Y.: OUP, 2012. 322 p

Эмпатические способности сотрудников УИС - возможности исследования и перспективы

Борисова Д. П., магистрант 1 курса факультета юридической психологии ГБОУ ВПО МГППУ (borisovad.p@mail.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dvorian@gmail.com)

В настоящее время тема эмпатии становится все более интересна для исследователей. Исследования по данной теме начинают проводить в различных областях и направлениях деятельности, преимущественно связанных с взаимоотношениями с людьми. Большое внимание уделяется таким профессиям, как психолог, педагог, журналист и так далее. Но наравне с этим исследование эмпатических способностей у сотрудников УИС не менее актуально, так как их деятельность связана непосредственно с общением со спецконтингентом, что имеет свои особенности и может наносить определенный отпечаток на личность сотрудника. Так как эта тема стала популярна среди исследователей не так давно, существует ряд трудностей, связанных с неоднородностью подходов к изучению данного вопроса. В литературе встречаются работы, посвященные не только эмпирическим исследованиям, но и отмечается большой объем теоретических обзоров. Среди работ, описывающих особенности эмоциональной сферы сотрудников УИС, основную массу занимает рассмотрение вопросов эмоциональной активности, эмоционального интеллекта, эмоционального выгорания, эмпатии как личностной черты. Проблема взаимосвязи эмпатических способностей у лиц, непосредственно контактирующих с осужденными, должным образом еще не описана в научной литературе и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатические способности, структура эмпатии, сотрудники УИС.

Для цитаты:

Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В. Эмпатические способности сотрудников УИС - возможности исследования и перспективы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Borisova_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Borisova D.P. Empathic abilities of the penitentiary system staff: research opportunities and prospects [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Borisova_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Актуальность исследования эмпатии у сотрудников УИС обусловлена задачами, стоящими перед ними в работе с лицами из числа спецконтингента, среди которых:

- проведение воспитательных мероприятий, направленных на исправление осужденных;
- подготовка к жизни на свободе, адаптация в социуме;
- предотвращение рецидива преступления.

Развитие таких качеств, как рефлексивность поведения, сензитивность и эмпатия, представляется чрезвычайно важным при решении вышеперечисленных задач. Люди, которым свойственна эмоциональная скупость и низкий эмоциональный интеллект, характеризуются душевной холодностью, опустошенностью, черствостью, бессердечием. Их эмоциональный репертуар резко ограничен. Отсутствие у человека способности к сочувствию и сопереживанию другим людям, к пониманию их состояний, а также к готовности оказать им посильную помощь, отражает также и личностные особенности сотрудника. Появляется потребность в совершенствовании эмоционального мира, богатства эмоций, прочувствовании себя и других людей, эмпатии, эмоциональной устойчивости. Эмпатия способствует сбалансированности межличностных отношений.

Понятие «эмпатия» встречается еще в философских учениях, но там оно упоминается в русле этики и эстетики и восходит, прежде всего, к термину «симпатия». Основой же для появления термина «эмпатия» стала теория вчувствования Т. Липпса – вид познания сущности предмета или объекта. Позже Э.Б. Титченер предложил новое определение – сопереживание [4].

Обратившись к психологическому словарю, увидим следующее определение: «Эмпатия – постижение эмоционального состояния, проникновение, вчувствование в переживания другого человека» [17, с. 463].

Последние годы тема эмпатии стала интересовать большое количество специалистов различных областей, но несмотря на разнообразие исследований до сих пор нет единого подхода к ее пониманию. Наравне с эмпирическими исследованиями встречаются также теоретические, в которых авторы, рассматривая различные подходы к пониманию процесса «вчувствования», пытаются выделить четкую структуру процесса эмпатии. Анализируя эти исследования, можем наблюдать значительные расхождения в понимании этого термина и процесса в целом.

Так, например, Т.П. Гаврилова [3] в своей работе выделяет четыре наиболее встречающиеся трактовки данного определения:

- понимание чувств и потребностей другого,
- вчувствование в событие, объект искусства, природу,
- аффективная связь с другими, разделение состояния другого,

- свойство психотерапевта.

В своих работах Басова А.Г. [1] и Горбатова Е.А. [4] отмечают наличие двух групп концепций, авторы которых подходят к пониманию процесса эмпатии с разных сторон. Первая группа заключается в эмоциональном понимании эмпатии – «опосредованный ответ на воспринятое эмоциональное состояние другого человека» [1, с. 254], причем эмоции взаимодействующих сторон могут иметь различную природу (вплоть до противоположных ощущений (радость-страдание). Эмоциональная эмпатия объединяет в себе механизмы проекции и подражания моторным и аффективным реакциям. Вторая группа опирается на когнитивное понимание того же процесса – «понимание другого человека, принятие роли, интерпретация поведения» [1, с.254]. Когнитивная эмпатия основывается на интеллектуальных процессах. Однако, в своей статье Дорошенко И.С. выделяет еще один вид – предикативную эмпатию – способность человека предсказывать аффективные реакции другого в конкретных ситуациях [7].

Исследованиями в данном направлении занимались S. Baron-Cohen и J. Blair (эмоциональная эмпатия), а когнитивная эмпатия находит отражение в концепции ТоМ (theory of mind) [11].

В литературе существует большое разнообразие выделяемых видов эмпатии. Этот феномен затрудняет процесс изучения эмпатических способностей, так как нет единой системы, которая могла бы объединить все описанные виды эмпатии. Авторы, в зависимости от направления своего исследования, обращали внимание на различные особенности протекания данного процесса. Соответственно, это способствовало появлению отличных видов эмпатии. Существует выделение в общем понятии некоторого рода отдельных черт, но, в основном, во всех выделенных классификациях представляется деление на два вида. Выделим некоторые примеры из таких делений [1; 3]:

1. сочувствие и сопереживание (Гаврилова Т.П.) – в основе лежит критерий переживания чувств,
2. кратковременная и долговременная (Пономарева М.А.) – критерий времени общения с людьми,
3. ситуационная и диспозиционная – зависимость от ситуации (поведение, свойственное человеку в широком плане, поведение, детерминированное определенной ситуацией).

Отметим еще одно значительное расхождение в исследованиях эмпатии, касающееся ее структуры. В основном, можно выделить три компонента [1;8]:

1. Когнитивный,
2. Аффективный (эмоциональный),
3. Поведенческий (действенный или конативный).

Изначально рассмотрение эмпатии исходило из акцентирования внимания исследователей на каком-либо одном компоненте: либо на когнитивном (N. Eisenberg [по: 1]), либо на аффективном (А. Шопенгауэр,

А. Валлон, Т. Липпс, Т. Гаврилова [по: 3; 8]). Одной из первых N. Feshach [по: 1], объединила когнитивный и аффективный компоненты. Также этой концепции придерживались Д. Майерс, И.П. Петровская, К. Роджерс, И.М. Юсупов [по: 8], но они дополняли ее коммуникативным элементом.

Самой поздней тенденцией рассмотрения процесса эмпатии стала трехкомпонентная модель, объединяющая все составляющие. К ней относятся исследования, которые проводили Л.П. Выговская, М.А. Пономарева, Л.П. Стрелкова (однако, последний автор заменяет названные компоненты другими понятиями и обозначает как: сопереживание, сочувствие, внутреннее содействие) [2; 15; 20].

Исходя из вышеописанных разногласий в направлениях исследований и трактовке процесса эмпатии целесообразным будет привести более полное определение данного понятия: «сложное многоуровневое личностное образование, структура которого представляет собой совокупность эмоциональных, когнитивных и поведенческих характеристик человека, заключающихся в постижении эмоционального состояния, проникновения, вчувствования в переживания другого» - Е.С. Гончаренко [8, с. 34].

Проблема развития эмпатии становится с каждым годом все актуальнее за счет общих тенденций развития современного общества, которое становится более жестоким, прагматичным и в некоторой степени ригидным [19]. Ряд исследователей, таких как А.А. Бодалев, С. Гмарин, Г. Калеро, Р. Мэй, Д. Ниренберг, Е.И. Рогов, К. Рудестам, П.Г. Щедровицкий, И.М. Юсупов, характеризуют эмпатию как ключ к подлинному пониманию человека [21]. Эмпатия составляет ядро коммуникации, способствует сбалансированности межличностных отношений, социальной адекватности поведения человека [8].

В настоящее время большое внимание уделяется исследованию эмпатийных способностей профессий, связанных с взаимодействием между людьми – педагогов, психологов и т.д. В подобных исследованиях рассматривается взаимосвязь эмпатических способностей человека с различными компонентами, а чаще с воздействием, оказываемым на лицо, с которым происходит контакт (например, взаимосвязь эмпатических способностей преподавателя с успеваемостью студентов).

Одной из деятельностей, связанной с непосредственным контактом с человеком является служба в уголовно-исполнительной системе, которая также находится в поле зрения ученых и требует детального изучения. Профессиональная деятельность сотрудников пенитенциарной системы касается организации своей работы в социально-психологическом поле и является напряженной и стрессогенной. Сотрудники постоянно включены в деятельность, которая может повлечь возникновение негативных эмоций, что требует, в свою очередь, использования психологических защит. Исходя из этого, служащие становятся менее эмпатичными и проявляют более жесткие способы общения со спецконтингентом. Это связано с тем, что деятельность уголовно-исполнительной системы - это один из видов государственной службы, который обладает рядом специфических особенностей. Так, сотрудник УИС должен проявлять сдержанность в профессиональном общении, ограничивать круг контактов, постоянно

контролировать свое поведение, чувства, эмоции. Условия работы таковы, что служащие обладают одновременно полярной ролью: находясь в атмосфере чужих отрицательных эмоций, они служат раздражителем (необходимость подавлять проявления негативных личностных качеств, требовать подчинение режиму) и одновременно утешителем, что проявляется в требовании быть эмпатичным (вникать в проблемы, оказывать помощь в их разрешении). Данный факт, а также переживания, связанные с чужими проблемами, не могут не сказаться на личности сотрудника и его работоспособности [12; 13; 17].

Исходя из вышеперечисленных особенностей труда пенитенциарных служащих, возникает необходимость в детальном исследовании эмоционального компонента личности сотрудников, а в частности эмпатических способностей, так как, имея дело с людьми, находящимися в трудной и неприятной жизненной ситуации, человек, обладающий достаточным уровнем развития эмпатии, находит эмоциональный отклик у себя на сложившиеся обстоятельства. Данный факт имеет две стороны: с одной – чрезмерное эмпатичное поведение по отношению к спецконтингенту будет мешать выполнению служебных задач, с другой – отсутствие эмпатии способно провоцировать коммуникативные трудности.

Способность к эмпатии позволяет сотруднику не только понять эмоциональное состояние осужденного, но и иметь возможность оценивать достоверность поступающей от него информации, давать более точный прогноз в отношении его поведения в той или иной ситуации. Более того, проявление сопереживания или сочувствия по отношению к партнеру по взаимодействию приводит к установлению психологического контакта между сотрудником и осужденным. Наличие определенной степени доверия у осужденного к сотруднику приводит к искренности в беседе, а также обеспечивает возможность действенных воспитательных и коррекционных воздействий со стороны сотрудника.

На современном этапе исследования эмпатии сотрудников уголовно-исполнительной системы еще не так популярны и обширны. Существуют различные направления исследования эмоциональной сферы, например, такие, как эмоциональная активность, эмоциональный интеллект. К таким работам относится исследование Погадаевой Е.В. [13; 14], которая рассматривает эмпатию в русле эмоционального интеллекта. Подобной темой занимался также Ю.В. Синягин [по: 13]. Рассмотрению факторов, способствующих снижению и повышению способности к быстрому и адекватному восприятию других людей в деятельности УИС, посвящена работа Рогова А. В. [по: 13]. Данный компонент позволяет рассматривать феномен как эмоционально-волевою особенность личности. Эмоциональная составляющая выражается в аффективном компоненте: в чуткости к людям, развитой эмпатии и умении сопереживать. Волевая составляющая данного элемента отвечает за способность противостоять внешнему давлению [13].

Многие авторы тему эмпатии рассматривают в контексте эмоционального выгорания, ссылаясь на сложные условия работы, экстремальный и в то же время относительно властный характер деятельности. Плотникова А.Н. [12], Гордеева М.А. [5] рассматривали в своих работах факторы и стадии эмоционального выгорания государственных служащих, и описывали процессы изменения эмоциональной сферы сотрудников, подверженных этому процессу. Также обозначались условия работы, способствующие развитию эмоционального выгорания, затрагивается

эмоциональный компонент при изучении мотивационной составляющей службы (работа Рожкова О.А. [17] - в рамках изучения взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации личности ссылается на эмоциональные ресурсы человека и описывает происходящую деформацию с эмоциональной сферой). Ильин Е.П. указывает ряд состояний человека, в которых резко уменьшается его мотивационный потенциал: «Так, при монотонности жизни, психическом пресыщении, утомлении исчезает желание выполнять работу, к которой вначале имелся положительный мотив. Но особенно сильно и длительно влияет на снижение мотивационного потенциала состояние депрессии, возникающей у здоровых людей. Сила потребностей, влечений резко снижается, что приводит к пассивному поведению, безынициативности» [17, с. 64].

Анализ научных трудов позволяет выделить малочисленные диссертационные работы, затрагивающие тему эмпатии у сотрудников силовых структур. К таким работам относятся диссертация Тарновской Н.Н. [22] (она рассматривала взаимосвязь эмпатии и внутренней конфликтности как психологическое условие жизнеобеспечения сотрудников при внештатных ситуациях) и Качкиной Л.С. [9] (затрагивала эмоциональный и коммуникативный компонент при исследовании формирования социально-психологической компетентности личности).

Исследования эмпатии, как одной из структур эмоциональной сферы также встречаются, но они не так распространены и рассматривают интересующий нас компонент с точки зрения личностных черт, важных и необходимых особенностей для поступления на службу и, соответственно, качественного ее выполнения. Так, Семенова Ю.В. [18] в работе «Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов» исследует уровень эмпатии сотрудников в русле личностных особенностей и во взаимосвязи с толерантностью. Разработкой данного направления занимались Коданев В.Л. [10] («Эмпатия как профессионально важное качество сотрудников УИС») и Гришкова Н.М. [6] («Эмпатия в профессиональной деятельности юриста»).

Вопрос непосредственного общения с людьми, относящимися к группе спецконтингента, как самостоятельная область исследования не выделяется: нет конкретной обращенности на выявление оказываемого воздействия на личность человека. На наш взгляд, помимо экстремального характера службы необходимо обращать внимание на тесный контакт сотрудников с лицами, имеющими судимость, рассмотреть, какую роль это общение может оказать на проявление и развитие эмпатии. Соответственно, разработка данной темы в уголовно-исполнительной системе является актуальной и позволит рассматривать различные компоненты этого процесса. Особое внимание необходимо уделить сотрудникам, работающим в уголовно-исполнительных инспекциях, так как исследований на этой базе практически нет, в отличие от изучения различных особенностей личности сотрудников следственных изоляторов и колоний. Важно изучить специфические условия труда и коммуникативной деятельности сотрудников в инспекциях, так как они во многом отличаются от условий службы в других подразделениях. Так, например, они не находятся в контакте с криминальной субкультурой в замкнутом пространстве.

На данном этапе развития общества, служба, связанная с исполнением наказания, становится более популярной среди потенциальных кандидатов на службу и более необходимой для общества, так как численность преступлений, к сожалению, с годами не уменьшается. Поэтому наравне с улучшением и развитием правовой основы деятельности сотрудников набирает популярность и значимость психологическая служба в структуре УИС. Это открывает новые возможности для детального изучения всех мало освещенных вопросов и является перспективным направлением в исследованиях в области юридической психологии.

Данные, полученные в ходе изучения обозначенной темы, позволят детально изучить вопрос, касающийся эмоциональной составляющей личности сотрудника УИС и выявить особенности эмпатии, которые проявляются в ходе взаимодействия с осужденными. Также полученные данные можно использовать для разработки программ, направленных на эффективную организацию работы сотрудников с осужденными. Так как эмпатические способности являются важным элементом, определяющим личность сотрудника, при приеме на службу планируется большее внимание уделять эмоциональной сфере, что будет способствовать более качественному подбору сотрудников, которые должны обладать эмоциональной устойчивостью в условиях службы и, в дальнейшем, профессиональным мастерством при исполнении своих обязанностей. Помимо этого станет возможным определение направления психологической работы, способствующей развитию компонентов эмоциональной составляющей: профилактике на ранних этапах и выявлению элементов эмоционального выгорания, а также сопровождение сотрудников на разных этапах их службы.

Литература

1. *Басова А. Г.* Понятие эмпатии в отечественной и зарубежной психологии // Молодой ученый. 2012. №8. С. 254–256.
2. *Выговская Л.П.* Эмпатийные отношения младших школьников, воспитывающихся вне семьи: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Киев: НИИ психологии, 1991. 20 с.
3. *Гаврилова Т.П.* Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. №2. С. 147–158.
4. *Горбатова Е.А.* Эмпатия: психологическая структура и механизмы реализации // Ученые записки СПбГИПСР. 2014. Вып. 1. Т. 21. С. 23–29.
5. *Гордеева М.А.* Эмоциональное выгорание государственных служащих // Теория и практика общественного развития. 2014. №9. С. 43–45.
6. *Гришкова Н.М.* Эмпатия в профессиональной деятельности юриста // Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей (Вологда, 30 апреля 2010 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. С. 124–127.

-
7. *Дорошенко И.С.* Об опыте формирования у осужденных эмпатийного поведения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2010. №11. С. 50–52.
  8. *Елефференко И.О.* Эмпатия как основание коммуникации // Культурная жизнь Юга России. 2010. №4 (38). С. 33–36.
  9. *Качкина Л.С.* Психолого-педагогические условия формирования социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Кемерово, 2012. 25 с.
  10. *Коданев В.Л.* Эмпатия как профессионально важное качество сотрудников УИС // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России: проблемы формирования и реализации: Тезисы Международной научно-практической конференции (Вологда, 14–15 декабря 2006 г.): В 2 ч. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2006. Ч. 2. С. 215–216.
  11. *Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Аликситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. №4. С. 98–114.
  12. *Плотникова А.Н.* Факторы, способствующие развитию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников пенитенциарной системы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. №2 (29). С. 44–46.
  13. *Погадаева Е.В.* Специфика эмоционального интеллекта сотрудников уголовно-исполнительной системы // Молодой ученый. 2014. №4. С. 711–713.
  14. *Погадаева Е.В.* Теоретический анализ взаимосвязи эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Молодой ученый. 2014. №4. С. 714–716.
  15. *Пономарева М.А.* Эмпатия: теория, диагностика, развитие: монография. Минск: Бестпринт, 2006. 76 с.
  16. Психология. Словарь 2-е изд., испр. и доп / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
  17. *Рожков О.А.* Взаимосвязь профессиональной деформации и мотивации личности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Профилактика профессиональных деформаций. 2012. № 6. С. 61–72.

18. *Семенова Ю.В.* Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 175–181.
19. *Смольянинова Е.Ф.* Развитие эмпатии как фактора профессиональной мобильности // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. №4. С. 114–121.
20. *Стрелкова Л.П.* Психологические особенности развития эмпатии у дошкольников: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М.: АПН СССР, НИИ дошк. воспитания, 1987. 24 с.
21. *Сутурина Ю.В.* Роль эмпатии и алекситимии в педагогической деятельности преподавателей вуза // Гуманитарный вектор. 2010. №2 (22). С. 75–79.
22. *Тарновская Н.Н.* Взаимосвязь эмпатии и внутренней конфликтности как психологическое условие жизнеобеспечения сотрудников ГПС МЧС России при внештатных ситуациях: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 05.26.03. Санкт-Петербург: МЧС России. Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы, 2008. 24 с.

Empathic abilities of the penitentiary system staff: research opportunities and prospects

Borisova D.P., 1st year Master Student, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia (borisovad.p@mail.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dvorian@gmail.com)

At present, the theme of empathy is becoming increasingly interesting to the researchers. Research on this topic is now carried out in different areas and activities, primarily related to the relationship with people. Much attention is paid to such occupations as a psychologist, teacher, journalist, and so on. But on par with this study, research of the empathic abilities in penitentiary system staff employees is no less important, since their activities are directly related to communication with special contingent that has its own characteristics and can apply a certain effect on the personality of the staff. As this topic has become popular among researchers not so long ago, there is a number of difficulties associated with the heterogeneity of approaches to the study of this issue. In the literature there are works devoted not only to empirical studies, but also a large amount of theoretical reviews. Among the works that describe the features of the emotional sphere of penitentiary system employees, the most discussing issue is consideration of emotional activity, emotional intelligence, emotional burnout, empathy as a personality trait. The problem of the relationship of empathic abilities in persons being directly in contact with the prisoners, has not been properly described yet in the scientific literature and requires further study.

Keywords: empathy, empathic ability, structure of empathy, penitentiary system staff.

References

- i. *Basova A. G.* Ponjatie jempatii v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii // Molodoj uchenyj. 2012. №8. S. 254–256.
2. *Vygovskaja L.P.* Jempatijnye otnoshenija mladshih shkol'nikov, vospityvajushhihsja vne sem'i: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.07. Kiev: NII psihologii, 1991. 20 s.
3. *Gavrilova T.P.* Ponjatie jempatii v zarubezhnoj psihologii // Voprosy psihologii. 1975. №2. S. 147–158.
4. *Gorbatova E.A.* Jempatija: psihologicheskaja struktura i mehanizmy realizacii // Uchenye zapiski SPbGIPSR. 2014. Vyp. 1. T. 21. S. 23–29.

5. *Gordeeva M.A.* Jemocional'noe vygoranie gosudarstvennyh sluzhashhih // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2014. №9. S. 43–45.
6. *Grishkova N.M.* Jempatija v professional'noj dejatel'nosti jurista // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema Rossii v uslovijah reformirovanija: Sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii ad#junktov, kursantov, studentov i slushatelej (Vologda, 30 aprelja 2010 g.). Vologda: VIPJe FSIN Rossii, 2010. S. 124–127.
7. *Doroshenko I.S.* Ob opyte formirovanija u osuzhdennyh jempatijnogo povedenija // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. Vologodskij institut prava i jekonomiki Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij. 2010. №11. S. 50–52.
8. *Eleferenko I.O.* Jempatija kak osnovanie kommunikacii // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. 2010. №4 (38). S. 33–36.
9. *Kachkina L.S.* Psihologo-pedagogicheskie uslovija formirovanija social'no-psihologicheskoj kompetentnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.07. Kemerovo, 2012. 25 s.
10. *Kodanev V.L.* Jempatija kak professional'no vazhnoe kachestvo sotrudnikov UIS // Ugolovnaja i ugolovno-ispolnitel'naja politika sovremennoj Rossii: problemy formirovanija i realizacii: Tezisy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vologda, 14–15 dekabnja 2006 g.): V 2 ch. Vologda: VIPJe FSIN Rossii, 2006. Ch. 2. S. 215–216.
11. *Moskacheva M.A., Holmogorova A.B., Garanjan N.G.* Aliksitimija i sposobnost' k jempatii // Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2014. №4. S. 98–114.
12. *Plotnikova A.N.* Faktory, sposobstvujushhie razvitiju sindroma «jemocional'nogo vygoranija» sotrudnikov penitenciarnoj sistemy // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2007. №2 (29). S. 44–46.
13. *Pogadaeva E.V.* Specifika jemocional'nogo intellekta sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Molodoj uchenyj. 2014. №4. S. 711–713.
14. *Pogadaeva E.V.* Teoreticheskij analiz vzaimosvjazi jemocional'nogo intellekta i social'no-psihologicheskoj adaptacii sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Molodoj uchenyj. 2014. №4. S. 714–716.
15. *Ponomareva M.A.* Jempatija: teorija, diagnostika, razvitie: monografija. Minsk: Bestprint, 2006. 76 s.
16. Psihologija. Slovar' 2-e izd., ispr. i dop / Pod obshh. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Jaroshevskogo. M.: Politizdat, 1990. 494 s.

17. *Rozhkov O.A.* Vzaimosvjaz' professional'noj deformacii i motivacii lichnosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy // Profilaktika professional'nyh deformacij. 2012. № 6. S. 61–72.
18. *Semenova Ju.V.* Individual'no-psihologicheskie osobennosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 5. S. 175–181.
19. *Smol'janinova E.F.* Razvitie jempatii kak faktora professional'noj mobil'nosti // Aktual'nye problemy psihologicheskogo znanija. 2010. №4. S. 114–121.
20. *Strelkova L.P.* Psihologicheskie osobennosti razvitija jempatii u doshkol'nikov: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.07. M.: APN SSSR, NII doshk. vospitanija, 1987. 24 s.
21. *Suturina Ju.V.* Rol' jempatii i aliksitimii v pedagogicheskoj dejatel'nosti prepodavatelej vuza // Gumanitarnyj vektor. 2010. №2 (22). S. 75–79.
22. *Tarnovskaja N.N.* Vzaimosvjaz' jempatii i vnutrennej konfliktnosti kak psihologicheskoe uslovie zhizneobespechenija sotrudnikov GPS MChS Rossii pri vneshtatnyh situacijah: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 05.26.03. Sankt-Peterburg: MChS Rossii. Sankt-Peterburgskij universitet Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby, 2008. 24 s.

Методика диагностики сотрудников ОВД, склонных к искажению служебной информации

Ефимкина Н. В., адъюнкт кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России (e_n_v@inbox.ru)

В статье представлены материалы по разработке экспертной методики выявления сотрудников органов внутренних дел, склонных к искажению служебной информации при осуществлении ими профессиональной деятельности. Использован опросник, состоящий из семи вопросов, три из которых отражают отношение оцениваемых сотрудников к искажению служебной информации; три вопроса – действия сотрудников по обеспечению достоверности служебной информации и один вопрос – интегральный, отражающий ценностные ориентации и правовые установки сотрудников. Установлены критерии оценки склонности к искажению информации, подтвержденные объективными показателями поведенческих проявлений, а также дисциплинарной практикой, определены направления исследований по определению профессионально-психологических механизмов изучаемого феномена.

В качестве экспертов выступили 438 сотрудников четырнадцати территориальных органов и подразделений внутренних дел; оцениваемых сотрудников в этих органах и подразделениях было всего 262 человека. На основании результатов статистического анализа обследуемая выборка сотрудников разделена на три группы относительно интегрального показателя, определяющего выраженность такого психологического качества, как склонность к искажению служебной информации. С высоким уровнем интегрального показателя ($ИП \geq 0,826$); с низким уровнем интегрального показателя ($ИП \leq 0,537$) и промежуточная группа, в которую вошли сотрудники с уровнем интегрального показателя от 0,538 до 0,827. Дальнейшее исследование проводилось с двумя полярными группами, оно включало в себя изучение особенностей их служебного поведения, психологических характеристик, состояния дисциплинарной практики, психодиагностическое обследование ценностно-смысловой сферы и др.

В заключение определены направления для изучения личностных особенностей сотрудников ОВД, склонных к искажению служебной информации.

Ключевые слова: искажение служебной информации, экспертная методика, сотрудник ОВД, юридическая психология.

Для цитаты:

Ефимкина Н.В. Методика диагностики сотрудников ОВД, склонных к искажению

служебной информации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1.
URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Efimkina.phtml> (дата обращения:
дд.мм.гггг)

For citation:

Efimkina N.V. Diagnostic method of law enforcement officers who are prone to distortion of proprietary information [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Efimkina.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Актуальность исследования проблемы искажения служебной информации сотрудниками ОВД подтверждается данными, свидетельствующими о том, что значительное их число чаще всего привлекаются к дисциплинарной и уголовной ответственности за недобросовестное выполнение служебных обязанностей в связи с предоставлением ими ложных сведений, сокрытием фактов обращения к ним в целях склонения к коррупционному правонарушению, размещением недостоверных сведений в отчетных документах для улучшения показателей оперативно-служебной деятельности и т. д. [3]. Анализ данных надзорных органов за деятельностью правоохранительных органов, в частности, актов прокурорского реагирования по устранению нарушений федерального законодательства по линии МВД России, показывает, что в территориальных органах внутренних дел имеются нарушения, связанные с искажением служебной информации. В результате органы прокуратуры Российской Федерации требуют привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности.

Изучение отечественных специальных публикаций показывает, что являются недостаточно изученными вопросы искажения сотрудниками ОВД служебной информации, детерминирующие его профессиональные и психологические факторы, условия и причины, связанные с организацией службы, оценкой результатов деятельности, влияющих на уровень объективности сведений, собираемых и используемых в процессе служебной деятельности сотрудниками ОВД. В необходимости изучения профессиональных и психологических детерминант в фактах искажения сотрудниками ОВД служебной информации, их профилактики в интересах повышения уровня ее достоверности для принятия на их базе адекватных управленческих решений, способствующих повышению эффективности функционирования системы МВД России, и заключается актуальность настоящей работы.

Цель исследования составляет поиск подходов к разработке экспертной методики выявления сотрудников органов внутренних дел, склонных к искажению служебной информации.

В этой связи заметим, что в органах внутренних дел для психологического изучения личности сотрудников используются различные психодиагностические методики, оценивающие степень выраженности тех или иных психологических качеств. Однако эти методики не позволяют выявлять лиц, склонных к искажению служебной информации, на основе установленных индивидуально-психологических особенностей [8]. В ряду широко используемых психодиагностических методик во

многих случаях применяется метод экспертных оценок, имеющий самостоятельную диагностическую ценность. Основным преимуществом этого метода является возможность создания интегративного психологического «портрета» испытуемого, описания его личностных особенностей как системы взаимосвязанных, взаимозависимых и компенсирующих друг друга качеств. Объективность собираемой информации обеспечивается привлечением широкого круга экспертов, которые наблюдают проявления индивидуально-психологических особенностей человека на протяжении длительного времени, при непосредственном общении в различных типах ситуаций, возникающих в процессе его профессиональной деятельности.

Особое место в этом ряду экспертных методик, позволяющих выявить неформальную структуру статусов в коллективе по заданным основаниям, к примеру, склонности к искажению служебной информации, занимает методический подход – широко используемое средство измерения социально-психологических показателей членов группы (А. В. Петровский, И. А. Андреева и др.). Вслед за этим встает вопрос об экспертных методах выявления сотрудников органов внутренних дел, определения их отличительных характеристик, при наличии которых можно отнести их к категории лиц, *проявляющих склонность к искажению служебной информации* [1, 7].

Представляется, что целям настоящего исследования может соответствовать модифицированный вариант процедуры, реализованный в программе социально-психологических исследований «Мониторинг», позволяющей определять сотрудников ОВД, обладающих негативным статусом в коллективе по критериям, отражающим деятельностный характер их взаимоотношений [2, 4] (М. И. Марьин, А. А. Бочкова и др.). Автоматизированная программа создана в среде FoxPro 2.5 для Windows и включает несколько баз данных, процедуры обработки и графической интерпретации результатов тестирования.

Методическая часть программы «Мониторинг» представляет собой опросник, в котором каждый включенный в список сотрудник оценивается по семи вопросам, три из которых отражают отношение оцениваемых сотрудников к искажению служебной информации; три вопроса оценивают действия сотрудников по обеспечению достоверности служебной информации и один вопрос интегрально отражает ценностные ориентации и правовые установки сотрудников. Сотруднику предлагается следующий перечень вопросов:

- Всегда ли Вы стремитесь избежать искажения служебной информации?
- Развито ли у Вас чувство ответственности за точную передачу служебной информации?
- Всегда ли Вы стремитесь передавать только правдивую информацию?
- Является ли служебная необходимость оправданием искажения информации?
- Влияет ли личная заинтересованность на искажение информации?

- Всегда ли Вы стремитесь отстаивать достоверность служебной информации?
- Является ли для Вас примером соблюдение правовых норм и служебной дисциплины?

В исследовании в качестве экспертов (оценщиков) выступали 438 сотрудников четырнадцати территориальных органов и подразделений внутренних дел; оцениваемых сотрудников в этих органах и подразделениях было всего 262 человека. В результате проведенного исследования для каждого оцениваемого сотрудника были получены интегральные показатели (ИП), характеризующие его по признакам отношения к искажению служебной информации, по признакам действия по обеспечению достоверности служебной информации, а также личностным установкам и готовности к соблюдению требований, норм и правил служебного поведения в повседневной служебной деятельности.

Полученные переменные измеряются по шкале отношений, и их распределение близко к нормальному, а числовые значения этих переменных лежат в пределах от 0 до 1, со средним значением 0,682 и стандартным отклонением, равным 0,145.

На основании результатов статистического анализа обследованная выборка сотрудников была разделена на две группы относительно интегрального показателя, определяющего выраженность такого психологического качества, как склонность к искажению служебной информации. Высокий уровень интегрального показателя характеризует сотрудника как человека, не склонного к искажению служебной информации, соблюдающего правовые нормы в повседневной служебной деятельности; низкий уровень интегрального показателя характеризует сотрудника как человека, склонного к искажению служебной информации, допускающего возможность нарушения правовых норм и требований нормативных правовых документов.

В число сотрудников с низким уровнем интегрального показателя вошли 16% обследованных, а в число лиц с высоким уровнем — 18%.

Сотрудники, составившие указанные полярные группы, подверглись углубленному изучению особенностей их служебного поведения, психологических характеристик, состояния дисциплинарной практики, характера дисциплинарных правонарушений (поощрения и наказания), включенности в группу повышенного психолого-педагогического внимания, частоты случаев обращения к психологу подразделения за психологической консультацией и психологической помощью.

Кроме того, была изучена доступная служебная документация личного состава, проведено психодиагностическое обследование ценностно-смысловой сферы сотрудников полярных групп. Ценностно-смысловая сфера, как центральное образование личности, задает направленность жизнедеятельности человека и определяет соотношение «человек—мир». Ценность в сознании человека существует в представлениях о себе, в самоощущении и самоотношении, т. е. выражается в когнитивных, эмоциональных и оценочных характеристиках [6].

Для изучения структуры ценностей была использована адаптированная методика ценностных ориентаций М. Рокича [5], которая состояла из 18 терминов, включавших в себя два класса ценностей: терминальные и инструментальные. Данная методика способна определить жизненную позицию сотрудников двух сравниваемых групп, уровень их вовлеченности в сферу профессиональной деятельности, семейно-бытовую и досуговую активность. Сравнительная характеристика двух обследованных групп сотрудников позволила выявить их ведущие ценности, определить сходства и различия (табл. 1). Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о существовании различий между группами сравнения в показателях ценностно-смысловой сферы, структуре ценностей и их приоритетности в служебной деятельности.

В группе сотрудников, склонных к искажению служебной информации, приоритетными ценностями, отличающими их от сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, являются: карьерный рост; совершенствование личности; материально обеспеченная жизнь. В группе сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, к числу приоритетных ценностей относятся: соблюдение требований закона, приказов; искренность в выражении взглядов, отсутствие двойных стандартов.

Таблица 1

Ранжирование исследованных ценностей в группах сравнения

Ранг	Группа 1	Ранг	Группа 2
	Физическое и психическое здоровье	1	Физическое и психическое здоровье
	Материально обеспеченная жизнь	2	Благополучная семейная жизнь
	Благополучная семейная жизнь	3	<i>Соблюдение требований закона, приказов</i>
	Карьерный рост, совершенствование личности	4	<i>Искренность в выражении взглядов, отсутствие двойных стандартов</i>

Выявленные различия в ценностно-смысловой сфере сотрудников двух групп сравнения говорят о детерминированности феномена искажения служебной информации внутренними базовыми ценностными факторами, затрагивающими его глубинные психологические механизмы, определяющие спектр направленности личности.

Показатели склонности к искажению служебной информации у обследованных сотрудников нашли подтверждение в объективных показателях их профессиональной деятельности, в частности, в дисциплинарной практике, которая была использована в качестве внешнего критерия валидности результатов экспертной методики оценки лиц, склонных к искажению служебной информации.

Анализ статистических данных по привлечению сотрудников к дисциплинарной ответственности показал, что у лиц с высоким уровнем ИП дисциплинарных взысканий (наказаний) более чем в два раза меньше, чем у сотрудников с низким уровнем ИП, а число поощрений на 20% больше, чем у сотрудников противоположной группы. Аналогичным образом сотрудники полярных групп распределились и по частоте обращений за психологической помощью к специалисту: число сотрудников, обратившихся к психологу в группе лиц, склонных к искажению служебной информации, в два раза больше, чем в альтернативной группе.

Значительный интерес представляют данные, представленные на рис. 1 и 2. На рисунках показано, что за один и тот же временной интервал число случаев наказания лиц, склонных к искажению служебной информации, в 3,8 раза больше числа случаев наказания сотрудников в группе, не склонных к искажению служебной информации; а число случаев поощрений соответственно в 2,1 раза меньше, чем в альтернативной группе.

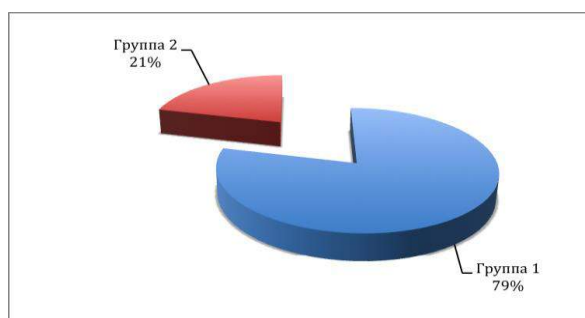

Рис. 1. Соотношение числа случаев наказания в группах сравнения: склонных (группа 1) и не склонных (группа 2) к искажению служебной информации

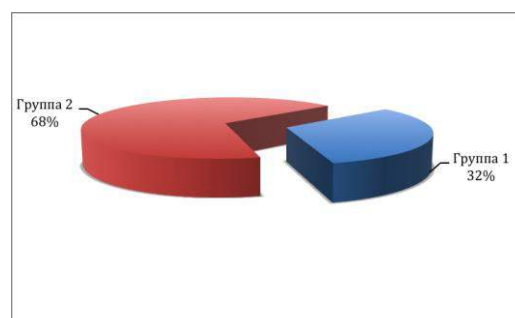

Рис. 2. Соотношение числа случаев поощрения в группах сравнения: склонных (группа 1) и не склонных (группа 2) к искажению служебной информации

Обращает на себя внимание также то, что каждый десятый сотрудник, склонный к искажению служебной информации, состоит в группе повышенного психолого-педагогического внимания, а среди сотрудников полярной группы таких сотрудников, состоящих в группе повышенного психолого-педагогического внимания, не выявлено.

Таким образом, результаты исследования служебных коллективов территориальных органов внутренних дел с помощью экспертной методики продемонстрировали возможность выявления сотрудников, склонных к искажению служебной информации, допускающих возможность нарушения правовых норм и требований нормативных правовых документов в процессе профессиональной деятельности. Результаты экспериментальных исследований нашли свое подтверждение в объективных показателях служебного поведения сотрудников групп сравнения.

Изученные объективные показатели служебного поведения личного состава свидетельствуют о том, что сотрудники, склонные к искажению служебной информации, отличаются от сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, недостаточно примерным поведением, сравнительно низким уровнем служебной дисциплины, наличием у них значительного числа дисциплинарных взысканий и включением их в связи с этим в состав групп повышенного психолого-педагогического внимания.

Практическое применение предлагаемой экспертной методики будет способствовать совершенствованию системы внутреннего контроля среди действующих сотрудников органов и подразделений внутренних дел, решению вопросов методического обеспечения диагностики сотрудников, нуждающихся в коррекции, для включения их в группы психолого-педагогического внимания. Это расширит возможности своевременной психодиагностики и эффективной профилактики противоправного поведения среди сотрудников органов внутренних дел. Данный методический подход может быть использован при формировании резерва кадров на выдвижение на вышестоящие должности, для определения общей направленности ценностно-смысловой сферы как отдельного сотрудника, так и служебного коллектива в целом.

Литература

1. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9–17.
2. Марьин М. И., Бочкова А. А. Психологические особенности сотрудников ОВД, склонных к противоправному поведению // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 47–53.
3. Марьин М. И., Бочкова А. А., Сафронов А. Д., Касперович Ю. Г., Ефимкина Н. В. Психологическое обеспечение профилактики преступлений коррупционной направленности у сотрудников органов внутренних дел: метод. рекомендации. М.: Академия управления МВД России, 2014. 44 с.
4. Методика экспертных оценок эффективности адаптации к управленческой деятельности выпускников Академии управления МВД России: учеб.-практ. пособие / М.И. Марьин, И.О. Котенёв, Л.Е. Киселёва. М.: Академия управления МВД России, 2012. 96 с.
5. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина. Т. 1. М., 2000. 312 с.
6. Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Изд. Института психологии РАН, 2008. 344 с.
7. Экман П. Психология лжи [Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage] / Пер. с англ. Н. Исуповой, Н. Мальгиной, Н. Миронова, О. Тереховой. СПб., 1999. 270 с.

8. Экстремальная психология в особых условиях деятельности: монография / Под науч. ред. Б.Г. Бовина. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, ФЭП МГППУ, Академия ГПС МЧС России, 2015. 514 с.

Diagnostic method of law enforcement officers who are prone to distortion of proprietary information

Efimkina N. V., Adjunct, Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of the Interior Ministry of Russia (e_n_v@inbox.ru)

The article presents the development of an expert technique to identify police officers who are prone to distortion of official information during their professional activities. We used a questionnaire consisting of seven questions, three of which reflect the attitude of employees to distortion of information; three questions to the actions of the staff to ensure the accuracy of information and one integral question reflecting the value orientation and legal setting. We revealed the criteria for assessing the propensity to distort the information, confirmed by objective indicators of behavioral manifestations, as well as disciplinary practices. We also identified the areas of research to determine the professional psychological mechanisms of the phenomenon under study. The experts were 438 employees and 14 regional offices of the Internal Affairs. The estimated staff of these agencies and departments were 262 people. Based on the results of the statistical analysis of the survey, the sample of employees was divided into three groups with respect to the integral index, which determines the severity of the psychological quality of tendency to distort the service information. The three groups were: group with high level of the integral index ($II \geq 0,826$); with the low level of the integral index ($II \leq 0,537$), and the intermediate group, which included staff with the level of the integral index from 0,538 to 0,827. Further research was conducted with two contrast groups, which included: study of the characteristics of their official activity, psychological characteristics, state of disciplinary practices, psychodiagnostic examination of value-semantic sphere and others.

In conclusion, we identify the areas for study of personality characteristics of law enforcement officers who are prone to distortion of proprietary information.

Keywords: distortion of proprietary information, the expert technique, law enforcement officers, legal psychology.

References

1. *Znakov V. V.* Nepravda, lozh' i obman kak problemy psihologii ponimaniya // *Voprosy psihologii.* 1993. № 2. S. 9–17.
2. *Mar'in M. I., Bochkova A. A.* Psihologicheskie osobennosti sotrudnikov OVD, sklonyh k protivopravnomu povedeniju // *Prikladnaja juridicheskaja psihologija.* 2014. № 3. S. 47–53.

3. *Mar'in M. I., Bochkova A. A., Safronov A. D., Kasperovich Ju. G., Efimkina N. V.* Psihologicheskoe obespechenie profilaktiki prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti u sotrudnikov organov vnutrennih del: metod. rekomendacii. M.: Akademija upravlenija MVD Rossii, 2014. 44 s.
4. Metodika jekspertnyh ocenok jeffektivnosti adaptacii k upravlencheskoj dejatel'nosti vypusknikov Akademii upravlenija MVD Rossii: ucheb.-prakt. posobie / M.I. Mar'in, I.O. Kotenjov, L.E. Kiseljova. M.: Akademija upravlenija MVD Rossii, 2012. 96 s.
5. Psihologicheskie testy / Pod red. A.A. Karelina. T. 1. M., 2000. 312 s.
6. Cennostnye osnovanija psihologicheskoy nauki i psihologija cennostej / Otv. red. V.V. Znakov, G.V. Zalevskij. M.: Izd. Instituta psihologii RAN, 2008. 344 s.
7. *Jekman P.* Psihologija lzhi [Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage] / Per. s angl. N. Isupovoj, N. Mal'ginov, N. Mironova, O. Terehovej. SPb., 1999. 270 s.
8. Jekstremal'naja psihologija v osobyh uslovijah dejatel'nosti: monografija / Pod nauch. red. B.G. Bovina. M.: FKU NII FSIN Rossii, FJeP MGPPU, Akademija GPS MChS Rossii, 2015. 514 s.

Специфика проявлений синдрома профессионального выгорания у практикующих психологов

Кулакова С.В., начальник отдела Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт» Федеральной службы исполнения наказаний (orodnii@yandex.ru)

В статье раскрываются этапы изучения феномена эмоционального выгорания, как специфического вида заболевания лиц, работающих с людьми. Причинами развития выгорания специалиста называются особенности профессиональной деятельности и ряд индивидуально-психологических особенностей личности. Раскрываются аспекты влияния синдрома профессионального выгорания на структуру личности психолога и сферы жизни специалиста. Анализируется предел допустимости развития феномена как дисбаланса в соотношении позитивных и негативных изменений личности профессионала. Психодинамика феномена проявляется нарастающим безразличием к происходящему на работе, исполняемым обязанностям, дегуманизацией в форме негативизма по отношению как к клиентам, так и к сослуживцам, ощущением собственной профессиональной несостоятельности, неудовлетворенности работой. Синдром профессионального выгорания показан как процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах умственного, эмоционального истощения, личностной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы. Постепенное изменение отдельных личностных фрагментов не только лишает специалиста возможности в полной мере реализоваться в профессии, но и вызывает привыкание к негативным тенденциям, которые постепенно становятся неотъемлемой частью его самости. Выделены и описаны отдельные, специфичные для психологической деятельности, последствия, обнаруживающие себя в обыденной жизни и затрагивающие не только субъективную сферу специалиста, но и отношение к окружающим и жизни в целом. Декларируются основные пути профилактики развития данного синдрома.

Ключевые слова: феномен профессионального выгорания, практикующий психолог, трансформация структуры, качеств, свойств личности, профессиональное мировоззрение, профессиональная мотивация, размывание профессиональных границ, эмпатия, интроспекция, психокоррекция, психологическая гиперинтерпретация, профессиональный перфекционизм, психологические субкультуральные аспекты, изменение личности профессионала.

Для цитаты:

Кулакова С.В. Специфика проявлений синдрома профессионального выгорания у практикующих психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Kulakova.phtml> (дата обращения:

дд.мм.гггг)

For citation:

Kulakova S.V. The specificity of manifestations of the professional burnout syndrome in practicing psychologists [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Kulakova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Регресс качества и характера межличностных взаимодействий происходит не только в кризисных, экстремальных и неблагоприятных условиях. Исследователи в 70-е гг. прошлого века привели доказательства того, что даже внешне удовлетворительные и стабильные взаимодействия в системе «человек–человек» способствуют развитию особого рода стресса – феномену профессионального выгорания работников. Многочисленные жалобы на сотрудников, оказывающих социально-психологическую помощь, которые не выполняли в должной мере обязанностей по поддержке, облегчению психических состояний, являя собой образцы формального и бездушного отношения, послужили началом для изучения данного феномена.

Общепринятый термин «burnout» – «выгорание», предложенный К. Маслач [15] после опубликования результатов исследований в 1976 г. и получивший широкое применение, на наш взгляд, не дает точного определения происходящих трансформаций личности. Медицинское название данного феномена в МКБ-10 – «расстройство приспособительных реакций» (F43.2) в связи со стрессовыми событиями [12] – также не прибавляет ясности и. Точнее всего, на наш взгляд, отражает происходящее определение «staff burned-out» – «окончание горения (воодушевления)» персонала, предложенное Х.Д. Фрайденбергером; здесь «горение» обозначается как обязательный элемент деятельности, а не отрицательное явление, профессиональное выгорание – это не «сгорание до тла от избытка огня», а прекращение интереса, творчества, здорового любопытства, экспериментирования, энтузиазма – «нет огня в глазах» [10].

Изучение феномена профессионального выгорания выявило его наличие у представителей практически всех социэкономических профессий – учителей, социальных работников, врачей, психологов, сотрудников пенитенциарной системы, правоохранительных органов и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 11; 13; 16].

По данным исследования, проведенного в Белоруссии П.И. Сидоровым [14], различная степень выраженности признаков синдрома выгорания диагностируется у 80% психотерапевтов, врачей психиатров, причем резко выраженный синдром с психосоматическими и психовегетативными нарушениями зафиксирован у 7,8% данной категории профессионалов. Исследования участвующих в программах повышения квалификации психологов-консультантов и врачей психотерапевтов, проведенные Г.А. Макаровой [9] выявили, что признаки синдрома эмоционального выгорания различной степени выраженности имели 73% специалиста, что оценивалось по наличию формирующихся или уже сформировавшихся фаз синдрома. Однако при существовании большого количества исследований выгорания среди медицинских работников (медсестер), преподавателей,

сотрудников органов внутренних дел и представителей других социальных профессий подобные публикации по профессиональному выгоранию психологов – психотерапевтов и консультантов являются достаточно редкими [5].

В числе причин развития выгорания специалиста наиболее часто называются особенности профессиональной деятельности и ряд индивидуально-психологических особенностей личности [6; 13].

Личностные особенности и первоначальная профессиональная мотивация – особенности индивидуальных черт, с рождения присущих человеку, воспринимаемых им как желаемые для последующей деятельности (эмпатия, сострадание, внимательность, вдумчивость, склонность к анализу и т.д.) или неосознанные и подавляемые характеристики личности (любопытство к частной жизни, манипулятивность, эгоцентричность и т.д.).

Деформирование личностных черт и характеристик – учеба и дальнейшая профессиональная деятельность, безусловно, преображают личность человека, он приобретает массу специальных поведенческих, когнитивных, коммуникативных и других навыков, развивается интроспекция, самопонимание [8].

Несомненно, изначальные склонности и мотивация оказывают значительное влияние на выбор деятельности, представляя собой «благоприятный» фон, почву, на которых затем происходит профессиональное становление. Значимые, профессионально востребованные личностные черты оттачиваются, развиваются, и эти, явно позитивные, изменения описываются выражением «личностный профессиональный рост», но одновременно с этим вытесненным, подавляемым чертам находится рациональное оправдание, они выходят на осознаваемый уровень и заостряются, начинает возникать то негативное, что «ломает» личность. Постепенно и неуклонно разрушаются обыденные установки и стереотипы; так, начинаясь еще в период обучения, формируется профессиональная картина мира. Эти новые особенности могут все более глубоко включаться в структуру личности, иерархизируя ее, по принципу изменений, происходящих в личности при акцентуациях. Парадокс в том, что чем выше уровень профессионального мастерства психолога, чем более профессиональное мировоззрение подчиняет себе личность, тем более вероятно развитие профессионального выгорания.

Выделим отдельные, специфичные для психологической деятельности, последствия, обнаруживающие себя в обыденной жизни и затрагивающие не только субъективную сферу специалиста, но и отношение к окружающим и жизни в целом.

Отказ от спонтанности, непрерывная интроспекция – идеализация поведения, состояний, ощущений, почерпнутых из многогранной и разноплановой психологической литературы, призывающей специалиста постоянно наблюдать за собственным поведением, речью, мыслями, эмоциями с целью самодиагностики и своевременной самокоррекции при отклонении от «нормы», что лишает деятельность спонтанности, независимости, творчества.

Размывание профессиональных границ – даже вне рабочих областей жизни профессиональные знания, обязанности и навыки побуждают к развитию «ответственности за психологическое состояние» окружающих людей, что может выражаться в раздаче советов, уничижающих «высокопрофессиональных» оценках,

неявных запросах/предложениях на проведение психокоррекции у окружающих и т.д. Данное отклонение, горячо поддерживаемое окружающими, сужает личностное самоопределение и границы, низводя человека до уровня ремесленника, подчиненного лишь профессиональному долгу: «Я должен ....– я же психолог», «Независимо от происходящего... я обязан не травмировать окружающих».

Психологическая гиперинтерпретация – истолкование большинства жизненных затруднений психологическими причинами, придание психологическим факторам важнейшего значения в объяснении самых разнообразных событий.

Рационализация собственных проблем – освоение психолого-психотерапевтической терминологии и широкий круг знаний о личности человека дает обширное поле для конструирования разумных, рациональных оснований и оправданий своих действий. В отличие от предыдущего пункта, где имеет место гиперболизация психологического фактора, здесь речь идет о сочинении «разумных оснований» для своих поступков и удобных объяснений поведения других людей.

Профессиональный перфекционизм – работа над собственной личностью у психологов широко разрекламирована, является «краеугольным камнем» самообразования, поддерживается на официальном уровне, и это не только непереносимое прохождение личной терапии, обязательное супервизорское сопровождение специалиста, но и персональные установки типа: «У хорошего психолога не бывает личностных проблем», «Какой же я профессионал, если не в силах самостоятельно справиться со своими негативными эмоциями (стрессами, проблемами и т.п.), я не вправе консультировать других людей».

Типологизация профессиональных ситуаций – ежедневно сталкиваясь с множеством разнообразных ситуаций, работая в эмоционально напряженном режиме, психолог вынужден быстро овладевать разноплановым потоком информации, что вынуждает его ограничивать восприятие, классифицировать, типологизировать и т.п. Необычное не кажется ему удивительным, он, в той или иной мере, с этим или подобным этому уже встречался. Так, развитая профессиональная толерантность к неопределенности накладывает отпечаток не только на деятельность, но и на личную жизнь специалиста.

Профессиональный цинизм – практический психолог, для эффективной работы, вынужден вырабатывать способность одновременно с эмпатийным слушанием оставаться «непогруженным» в трудную жизненную ситуацию клиента. Это позволяет ему видеть различные пути выхода, контексты, предоставлять клиенту возможности трансформации и изменения в эмоциональном, концептуальном планах и т.д. Имея важный психотерапевтический смысл, этот «взгляд со стороны» трактуется специалистами по-разному: одни считают, что эта способность развивает циничное отношение, неприемлемое для цивилизованного человека; другие оценивают ее как защитную реакцию от повседневного высоко эмоционального взаимодействия; третьи считают это выработанной стратегией, позволяющей «проще относиться к жизни».

Формирование психологических субкультуральных аспектов – речь идет о ситуации, когда специалисту не хватает позитивной обратной связи, успешных результатов, ясных ориентиров в коррекционном процессе. Распространенной

стратегией компенсации реальной неопределенности и беспомощности в психологической сфере является формирование специфического жаргона для дегуманизации клиентов, навешивание на них ярлыков, введение в деятельность свода неписаных правил поведения и общения, т. е. развитие «психосоциальной субкультуры», которую справедливо критиковал J. Fengler (Ж. Фенглер) [17].

Несмотря на то, что любая деятельность, в том числе профессиональная, накладывает свой отпечаток на человека, фатальной предопределенности в развитии профессионального выгорания каждого работника не существует. Правомерно говорить о наличии некоторого предела допустимости развития данного феномена из-за дисбаланса в соотношении позитивных и негативных изменений личности специалиста. Ограничившись развитием лишь отдельных, «полезных для деятельности», свойств, качеств и характеристик психолог теряет целостность личности. Это достаточно медленное, а значит, незаметное «затухание горения» отдельных личностных фрагментов не только лишает специалиста возможности в полной мере реализоваться в профессии, но и вызывает привыкание к негативным тенденциям, которые постепенно становятся неотъемлемой частью его самости. Следует заметить, что от синдрома профессионального выгорания чаще страдают специалисты, попавшие под влияние своих представлений о мощи и всемогуществе психологии, а затем разочаровавшиеся в них. Профессионально более уместна позиция понимания ее ограниченности, допущение собственной беспомощности, а не реагирование на нее агрессивно, депрессивно, обвиняюще или отчужденно-цинично.

Профилактикой развития данного синдрома также является умение экономно расходовать собственные личностные ресурсы в ходе консультирования, не теряя внутреннего равновесия и не создавая путаницы относительно границ с клиентом. По мнению F.M. Staemmler (Ф.М. Стаеммлера), такое поведение помогающего профессионала отличается присутствием «игрового элемента», «радостью экспериментирования», юмором и живостью, а не рабской зависимостью от жестких парадигм или «фанатизмом новичка» и «культивированием неопределенности» [16].

Таким образом, важнейшим условием профилактики профессионального выгорания психологов становится выработка представлений о собственных перспективах как профессиональных, так и жизненных. Психологическая деятельность предоставляет специалисту широкие возможности для творчества, разрешения действительно значимых индивидуальных и общественных проблем, для полноценного саморазвития и самореализации.

Литература

1. Барбанова М.В. Изучение психологического содержания синдрома «эмоционального сгорания»: учеб. Пособие. М.: Педагогика, 2005. 527 с.
2. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Наука, 1996. 154 с.

3. *Водопьянова Н.Е., Ковальчук Н.С.* Исследования профессиональных деформаций представителей профессий, относящихся к типу «человек-человек». – СПб.: СПбГУ, 2008. – 154 с.
4. *Дебольский М.Г.* Психологическая служба уголовно-исполнительной системы как типовая модель ведомственной психологической службы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39328.shtml> (дата обращения: 25.03.2015).
5. *Коджаспиров А.Ю.* Профессиональное выгорание психологов-консультантов телефона доверия. Специфика, профилактика, возможности коррекции [Электронный ресурс] // Теоретические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи МГППУ. URL: http://psyjournals.ru/cepp/issue/45362_full.shtml (дата обращения: 25.03.2015).
6. *Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб: «Речь», 2005. 256 с.
7. *Кулакова С.В., Фадеева К.Ф.* Психологические аспекты развития и проявления эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарных учреждений как следствие профессиональной деятельности // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. межрег. научн.- практ. конф. Вып. 2. Томский ИПКР ФСИН России. Томск; Иркутск: Изд-во ООО «Мегапринт», 2014. С. 231–233.
8. *Луковцева З.В.* Формирование клинико-диагностических компетенций у будущих психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. №4. С.59–67. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73020.shtml> (дата обращения: 25.03.2015).
9. *Макарова Г.А.* Синдром эмоционального выгорания // Вопросы социального обеспечения. 2005.№8. С 11-21.
10. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Школьный психолог. 2001. Т. 22. № 1. С. 90–101.
11. *Поздняков В.М.* Задачи пенитенциарных психологов при современной реформе уголовно-исполнительной системы России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54185.shtml> (дата обращения: 25.03.2015).

12. Психические расстройства и расстройства поведения (F00 – F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации / Под общ. ред. Б.А. Казаковцева, В.Б. Голланда. М.: МЗ РФ, 1998. 512 с.
13. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. – том 23. – № 3. С.19-24.
14. Сидоров П.И. Синдром эмоционального выгорания. [Электронный ресурс] // Медицинская газета. 2005. № 43. URL: http://medgazeta.rusmedserv.com/2005/43/article_1322.html (дата обращения: 25.03.2015).
15. Maslach C. Burnout the cost of caring. N.Y., Prentice-Hall, 1982. 231 p.
16. Staemmler F.M. Kultivierte Unsicherheit. Gedanken zu einer gestalttherapeutischen Haltung, Integrative Therapie 3. Paderborn, 1994. 279 p.
17. Fengler J. Soziologische und psychologische Gruppenmodelle Modelle der Gruppe in Psychotherapie und sozialer Arbeit / H. Petzold, R. Fruemann (Hrsg.) Bd. 1. Paderborn: JunfermannVerl., 1986. 104 p.

The specificity of manifestations of the professional burnout syndrome in practicing psychologists

Kulakova S.V., Head of the Federal state agency Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (opodnii@yandex.ru)

The article describes the stages of studying the phenomenon of burnout, as a specific type of disease in professionals working with people. The causes of burnout are features of professional work and a number of individual psychological characteristics of personality. We reveal aspects of the impact of professional burnout syndrome in the structure of personality of a psychologist and specialist's areas of life. We analyzed the permissible development of the phenomenon as an imbalance in the ratio of positive and negative personality changes of a professional. Psychodynamics of the phenomenon is manifested by progressive indifference to what is happening at work, professional activities, dehumanization in the form of negativity in relation to both clients and colleagues, a sense of personal professional insolvency and job dissatisfaction. Professional burnout syndrome is shown as a process of gradual loss of emotional, cognitive and physical energy, which is manifested in the symptoms of mental, emotional exhaustion, personal detachment and reducing of satisfaction by professional activities. A gradual change in the individual personality fragments not only deprives the expert from being fully realized in the profession, but also causes addiction to negative trends, which are gradually becoming an integral part of the self. We identified and described certain effects specific for psychological activity which reveal themselves in everyday life, affecting not only the subjective sphere of the specialist, but also his attitude towards others and life in general. We declared major ways of preventing the development of this syndrome.

Keywords: phenomenon of professional burnout, practicing psychologist, transformation of the personality structure, quality, and traits, professional outlook, professional motivation, blurring of professional boundaries, empathy, introspection, psychological correction, psychological over interpretation, professional perfectionism, psychological subculture aspects, professional personality change.

References

1. *Barobanova M.V.* Izuchenie psikhologicheskogo sodержaniya sindroma «emotsional'nogo sgoraniya»: uchebnoe posobie [The study of psychological content syndrome "burnout" a tutorial] M.V. Barobanova. Moscow.: Pedagogika [Pedagogy], 2005. 527 p.
2. *Boiko V.V.* Sindrom «emotsional'nogo vygoraniya» v professional'-nom obshchenii [Syndrome of "emotional burnout" in professional dialogue]. St. Petersburg.: Nauka [Science], 1996. 154 p.

3. *Vodop'yanova N.E., Koval'chuk N.S.* Issledovaniya professional'nykh deformatsii predstavitelei professii, otnosyashchikhsya k tipu «chelovek-chelovek»: Diplomnoe issledovanie [Studies of professional deformation professions related to the type of "man - man": graduate studies] St. Petersburg.: CPBGY, 2008. – 154 p.
4. *Debol'skii M.G.* Psikhologicheskaya sluzhba ugovovno-ispolnitel'noi sistemy kak tipovaya model' vedomstvennoi psikhologicheskoi sluzhby [Psychological Service of the correctional system as a typical model of departmental psychological service] [Elektronnyi resurs] Psikhologiya i pravo. [Psychology and law] 2011. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39328.shtml> (data obrashcheniia: 25.03.2015).
5. *Kodzhaspirov A.Iu.* Professional'noe vygoranie psikhologov-konsul'tantov telefona doveriia. Spetsifika, profilaktika, vozmozhnosti korrektsii [Professional burnout counselors helpline. Specificity, prevention, correction possibilities] [Elektronnyi resurs] Teoreticheskie i prikladnye aspekty deiatel'nosti Tsentra ekstremnoi psikhologicheskoi pomoshchi MGPPU. URL: http://psyjournals.ru/cepp/issue/45362_full.shtml (data obrashcheniia: 25.03.2015).
6. *Korostyleva, L. A.* Psikhologiya samorealizatsii lichnosti: zatrudne-niya v professional'noi sfere [Tekst] [Psychology of self-identity: the difficulties in the professional field [Text] L. A. Korostyleva. St. Petersburg.: «Rech'» [Speech], 2005. 256 p.
7. *Kulakova S.V., Fadeeva K.F.* Psikhologicheskie aspekty razvitiya i proyavleniya emotsional'nogo vygoraniya sotrudnikov penitentsiarnykh uchrezhdenii kak sledstvie professional'noi deyatel'nosti [Psychological aspects of the development and manifestation of burnout prison staff as a result of professional activity] Ugovovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo: mater. mezhhreg. nauchn.- prakt. konf., Vypusk 2; Tomskii IPKR FSIN Rossii. Tomsk Irkutsk: Izd-vo OOO «Megaprint» [Megaprint], 2014. pp. 231-233.
8. *Lukovtseva Z.V.* Formirovanie kliniko-diagnosticheskikh kompetentsii u budushchikh psikhologov [Formation of clinical diagnostic competencies of future psychologists] [Elektronnyi resurs] Psikhologiya i pravo. [Psychology and law] 2014. №4. pp. 59-67. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73020.shtml> (data obrashcheniia: 25.03.2015).
9. *Makarova G.A.* Sindrom emotsional'nogo vygoraniia. [Burnout syndrome] // Voprosy sotsial'nogo obespecheniia [Social security], 2005. no 8, pp. 11-21.

-
10. *Orel V.E.* Fenomen «vygoraniya» v zarubezhnoi psikhologii: empiricheskie issledovaniya i perspektivy. [The phenomenon of "burnout" in foreign psychology : empirical studies and perspectives] *Psikhologicheskii zhurnal* [The school psychologist], 2001. T. 22. no 1, pp. 90-101.
  11. *Pozdniakov V.M.* Zadachi penitentsiarnykh psikhologov pri sovremennoi reforme ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii [Tasks prison psychologists with modern reform the penal system of Russia] [Elektronnyi resurs] *Psikhologiya i pravo.* [Psychology and law] 2012. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54185.shtml> (data obrashcheniia: 25.03.2015).
  12. *Psikhicheskie rasstroistva i rasstroistva povedeniya (F00 – F99) (Klass V MKB-10, adaptirovanniy dlya ispol'zovaniya v Rossiiskoi Federatsii)* [Mental and behavioral disorders (F00 - F99) (Class V of ICD- 10 , adapted for use in the Russian Federation)] Pod obshch. red. B.A. Kazakovtseva, V.B. Gollanda. Moscow.: MZ RF [MoH RF], 1998. 512 p.
  13. *Ronginskaya T.I.* Sindrom vygoraniya v sotsial'nykh professiyakh [Burnout in social professions] [Tekst] [*Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal] № 3., Moscow., 2002. tom 23. – № 3. pp. 19-24.
  14. *Sidorov P.I.* Sindrom emotsional'nogo vygoraniia. [Burnout syndrome] [Elektr. resurs]. *Meditinskaya gazeta* [Medical newspaper] № 43 8 iyunia 2005 g. URL: http://medgazeta.rusmedserv.com/2005/43/article_1322.html (data obrashcheniia: 27.03.2015).
  15. *Maslach C.* Burnout the cost of caring [Burnout the cost of caring] New York, Prentice-Hall, 1982. 231 p.
  16. *Staemmler F.M.* Kultivierte Unsicherheit. Gedanken zu einer gestalttherapeutischen Halting, [Cultured uncertainty. Thoughts on gestalttherapeutischen Halting] *Integrative Therapie 3* [Integrative Therapy 3] Paderborn, 1994. 279 p.
  17. *Fengler J.* Soziologische und psychologische Gruppenmodelle. Modelle der Gruppe in Psychotherapie ind sozialer Arbeit [Tekst] [Sociological and psychological group models models of group psychotherapy in ind social work] Petzold H., Fruemann R. (Hrsg.) Bd. 1. Paderborn: JunfermannVerl. [JunfermannVerl], 1986. 104 p.

Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела

Галкина Е.А., бакалавр кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (cathie-doux@mail.ru)

Дегтярев А.В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (degtyarevAV@mgppri.ru)

Проблема отклоняющегося поведения в подростковом возрасте на протяжении последних лет остается весьма актуальной, в частности, в связи с появлением его различных новых форм. В данной работе демонстрируется, что одной из таких форм может быть разновидность аутоагрессивного (самоповреждающего, аутодеструктивного) поведения, рассматриваемого в рамках понятий: «модификации тела», «телесные модификации» и «бодимодификации».

В эмпирической части исследования приняли участие 35 несовершеннолетних, среди которых 15 подростков, имеющих не менее 8 различных телесных модификаций (татуировок, пирсинг-проколов и пр.) и 20 подростков, не имеющих модификаций. Все испытуемые на момент исследования находились в возрасте от 16 до 18 лет.

В ходе работы было установлено, что несовершеннолетние с модификациями тела имеют повышенный уровень аутодеструкции и склонности к отклоняющемуся поведению, а также, что данная категория несовершеннолетних более склонна к аддиктивному поведению в отличие от сверстников.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, подростковый возраст, суицид, агрессия, аутоагрессия.

Для цитаты:

Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Galkina_Degtyarev.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Galkina E.A., Degtyarev A.V. Deviant behavior and autoaggression in juveniles with body

modification [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Galkina_Degtyarev.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)

В любом обществе существует большое разнообразие социальных норм и правил, которые регламентируют поведение, внешний вид его членов и т.п. Многих из нас часто отталкивают личности «непохожие» на нас, а в некоторых случаях мы считаем поведение и социальные проявления данных индивидуумов отклонением от норм.

В последние годы исследователей, занимающихся изучением отклоняющегося поведения, все чаще стал интересовать вопрос, почему данные формы поведения людей, и в частности подростков, зачастую выражаются не открыто, а в виде аутодеструктивных проявлений.

И действительно, все чаще подростки агрессию направляют именно на себя, а не на внешние объекты. По последним данным ВОЗ количество самоубийств, среди подростков, что является крайней формой аутоагрессивного поведения, в России увеличилось в несколько раз.

За последние двадцать лет появились новые и малоизученные формы поведения, которые можно рассматривать как проявления аутоагрессии. В данном исследовании к ним будут иметь отношения различные телесные модификации: пирсинг, татуирование тела, шрамирование и многие другие.

Тематика психологии телесности в отечественной психологии разработана лишь в незначительной степени, поэтому связь между особенностями аутоагрессии и телесными модификациями у несовершеннолетних остается малоизученной. [1; 2; 15].

В связи с этим целью данной работы является исследование особенностей личности несовершеннолетних с различными телесными модификациями. Термины «модификации тела», «телесные модификации» и «бодимодификации» в данном исследовании рассматриваются как синонимы и обозначают любые изменения хирургического характера, производимые человеком на собственном теле и без медицинских показаний.

Главными предположениями в данной работе являются гипотезы о том, что у подростков, имеющих модификации тела, уровень аутодеструкции выше, а также они обладают более выраженными склонностями к отклоняющемуся поведению, в отличие от своих сверстников, не имеющих телесных модификаций.

Подростковый возраст в современной отечественной психологии рассматривается как период развития индивид, начиная с 11–12 лет и заканчивая 20–21 годом, однако, хронологические границы подросткового периода точно невозможно зафиксировать. Этот этап характеризуется как переходный, переломный, это возраст полового созревания, в котором происходят глубокие изменения в развитии личности ребенка, касающиеся физиологии, развития познавательных процессов, способностей, интеллекта, отношений подростков со сверстниками и взрослыми.

Все стороны развития подвергаются качественной перестройке, возникают и формируются новые психологические образования. Подросток начинает подражать внешним признакам взрослого человека (употребление алкоголя, курение, стремление одеваться как взрослые, первое пользование косметикой, особый лексикон, способы отдыха и развлечений). Эти способы достижения взрослости считаются самыми легкими, и в то же время самыми опасными.

В целом, можно говорить, о парадоксе, который охарактеризуется следующим образом: подросток нарушает многие социальные нормы для того, чтобы чувствовать себя взрослым, самостоятельным, т.е. нормальным с его точки зрения.

Но понимание «нормы» в подростковом возрасте сильно отличается от его понимания взрослыми. Вообще понятие «норма» остается дискуссионным во многих дисциплинах, в том числе и в психологии.

Объективного ответа на вопрос, что же считать нормой не существует, так как он зависит от определенной исторической эпохи и культуры. То, что представителям одной культуры кажется неприемлемым, вполне хорошо вписывается в жизнь другого народа, а то, что сегодня кажется нормальным, вчера, возможно, считалось ненормальным. Признается, что чем чаще встречается какая либо форма поведения, тем меньше вероятность, что ее будут считать отклоняющейся.

С другой стороны, существует множество мнений по поводу того, что считать отклонениями от нормы. Однако и в данном случае исследователям не удалось создать единой классификации девиаций. У разных авторов свои подходы к классификациям форм отклоняющегося поведения, которые строятся на основе ряда критериев (вид нарушаемой нормы, психологические цели и мотивация поведения, результаты этого поведения и ущерб, индивидуально-стилевые характеристики поведения и др.). В данной работе мы придерживаемся классификации, предложенной Е.В. Змановской, в которую вошли «общепринятые» основные формы отклоняющегося поведения [7].

В целом, можно говорить, что основными характеристиками несовершеннолетних, склонных к отклоняющемуся поведению являются: проблемы саморегуляции, отсутствие мотивации, тенденция к уходу от реальности, низкий уровень развития самосознания, отсутствие рефлексии, избегание деятельности, низкий уровень самоуважения до неприятия образа «Я».

В данном исследовании, отклоняющееся поведение, рассматривается в основном через стремление индивида к изменению (разрушению) своего тела, поэтому можно предполагать, что помимо перечисленных характеристик люди с бодимодификациями имеют также нарушения образа тела, высокую склонность к аутоагрессивному и агрессивному поведению.

Самое распространенное понятие, определяющее аутоагрессивное поведение, звучит следующим образом: это действия, направленные на нанесение какого-либо ущерба своему соматическому или психическому здоровью. Данное определение дал Э. Шнейдман в 1975 г. [6].

Самоповреждающее поведение представляет собой осознаваемое или не всегда осознаваемое намерение личности причинить себе вред, которое выражается в психическом или физическом разрушении нормальной жизнедеятельности. Этот поведенческий феномен широко исследуется в рамках культурной антропологии, социологии, психиатрии и психологии, он является распространенным и одним из более разрушительных, неконтролируемых и непредсказуемых видов поведения. Современная психология рассматривает акт самоповреждения в структуре аутоагрессивного и аутодеструктивного поведения и расценивает его как следствие серьезных поведенческих проблем или психических расстройств [9].

Психоанализ определяет самодеструктивное поведение, как результат конфликта «Я» и «Сверх-Я», который порождает противоречия внутреннего и внешнего, реального и психического [3].

Бихевиоризм рассматривает самоповреждающее поведение как отсутствие необходимых навыков для совладания с трудностями повседневной жизни или как приобретение ошибочных паттернов поведения и неправильных навыков, которые подкрепляются и сохраняются [4].

Гуманистическая психология объясняет самоповреждающее поведение несоответствием между реальным «Я», которое страдает от жизненных обстоятельств, и идеальным «Я», которое представляет собой глубинные чувства человека, не способность к самостоятельному, независимому поведению, отсутствием положительной самооценки и уверенности в себе [4].

Западные исследователи более обширно описывают феномен самоповреждающего поведения, возможно, это объясняется большей изученностью этой проблемы именно в зарубежной психологии. В отличие от широкого понятия самодеструктивного, аутодеструктивного, аутоагрессивного, саморазрушительного поведения («self-destructive behaviour») для обозначения преднамеренного ущерба, причиняемого человеком собственному телу, используются понятия «self-injury» – «самоущерб»; «self-harm» – «самовред»; «self-inflicted violence» – «причиненное себе насилие»; «self-mutilation» – «членовредительство», «самоистязание», «самоуродование»; «self-injurious behavior» – «самоповреждающее поведение» [1; 2; 9].

Самоповреждающее поведение часто связано с ощущением невозможности чувствовать или действовать направлено на уменьшение или освобождение эмоций, которые трудно вынести (так человек надеется справиться с душевной болью).

К самоповреждающему поведению так же относится причинение вреда телу посредством нарушений пищевого поведения (булимия и анорексия), пирсинга, татуировок и ряда навязчивых действий: онихофагии (обкусывание ногтей и околоногтевых валиков), онихотилломании (разрушение ногтей и околоногтевых валиков), онихохейлофагии (обкусывание ногтей, околоногтевых валиков и губ), аутодепиляции – трихотилломании (синдром Аллопо, выдергивание волос) с возможной дальнейшей трихофагией (поедание волос), дерматотилломании (щипание кожи), вывихов суставов пальцев, а также включает другие формы несмертельного повреждения, к которым относят: кусание рук и других частей тела (чаще – губ и языка); царапанье кожи; уколы (булавками, гвоздями, проволокой,

пером ручки и др.); расчесывание ран, швов, язв, родимых пятен; самопорезы; самоожоги (чаще сигаретой); перфорация частей тела с помещением инородных предметов в отверстие; удары кулаком и головой о предметы и самоизбиение (чаще кулаком или проводом); неполное самоудушение (без желания достижения сексуального удовлетворения); злоупотребление алкоголем, лекарственными средствами и наркотиками (с отравлением и передозировкой без суицидального намерения); глотание коррозионных химикалий, булавок, батареек [12].

Хотелось бы отметить, что самоповреждающее поведение ошибочно связывают с попыткой самоубийства и привлечением внимания, потому что большинство людей, которые склонны к самодеструкции, не показывают свое поведение другим и стараются скрыть или иначе объяснить причину своих шрамов и ран.

Однако, телесные модификации также можно отнести к формам самоповреждающего поведения, несмотря на то, что результат данных преобразований открыто и явно демонстрируется окружающим. В более обобщенном виде они являются различными способами и формами видоизменения своего тела путем повреждения кожного покрова (шрамирование, нанесение порезов, прокалывание, клеймение, татуировка, имплантации, ампутации и другие вмешательства), которые осуществляются добровольно, с помощью специалистов по бодимодификациям или самостоятельно, ради достижения эстетических, духовных, психологических и идеологических целей. [5]

В античных и современных диких племенах с помощью татуировки, пирсинга, скарификации (шрамирования) и других модификаций, помечали принадлежность человека к той или иной племенной или этнической группе, его племенной статус и уровень достатка. Такие процедуры в некоторых племенах также сопровождали ритуал инициации молодых людей – достижения половой зрелости.

У арабов и полинезийцев считалось, что рисунки на теле имеют магические свойства, по поверьям, они защищали местных жителей от врагов, болезней и несчастий. Тот же оберегающий и религиозный характер носит и пирсинг у представителей африканских племен. Они издавна прокалывали себе носы и уши, вставляя в них кости и другие неожиданные предметы. Позднее туземцы начали украшать себя металлическими предметами, которые привозили попавшие в Африку европейцы [8].

В XVIII в по России стало применяться клеймение людей. Почти повсеместно крестьяне имели на своем теле отметки своих владельцев. В 1712 г. вышел приказ Петра I, согласно которому, рекрутам ставили клеймо на левую руку, а получившийся ожог обрабатывали порохом [10].

К XX в татуировки в России являлись символами аристократичности. Николай II вернулся из Японии с узором на теле в виде дракона. У Великого князя Михаила Александровича также имелись нательные узоры [10].

В советское время в России тату считались уже символами ассоциальной прослойки населения, у которой была своя иерархия, в которой каждый знак показывал место своего владельца в ней.

Узаконенный запрет на татуировки действовал с 1937 по 1939 г., впоследствии он был отменен. Возможно, такое переменчивое отношение к нательной живописи возникло во время великой отечественной войны и связано это с участием в военных действиях уголовного элемента в составе штрафных батальонов.

Учитывая число вернувшихся с войны татуированных героев, всякий запрет на тату перестал быть актуален.

Исходя из вышесказанного, можно заключить следующее: в древности модификации тела имели совершенно иные функции и делались для иных целей, нежели в современности. Практически утеряно серьезное отношение к выбору рисунков, символики, проколов и шрамов, наносимых на тело. Это связано с некой формой протеста в различных субкультурах и с влиянием моды и шоу-бизнеса, где тело выступает объектом особого внимания, которое привлекается дополнительно, с помощью различных телесных модификаций. Особенно этому влиянию подвержены подростки, которые стремятся быть похожими на своих кумиров.

Довольно трудно провести грань между самоповреждающим отношением к телу и модой на своеобразное украшение себя. И все же можно считать, что любые агрессивные модификации тела, которые связаны с повреждениями, причинением боли, экстремальными изменениями и разрушениями тела, относятся к отклоняющемуся поведению.

Для того чтобы понять мотивы, заставляющие людей изменять и разрушать свое тело, необходимо рассмотреть понятие образа тела и его формирование.

Многочисленные исследования рассматривают понятие «образ тела», как важнейший компонент самосознания. Данное понятие ввел Шильдер, охарактеризовав его «субъективным переживанием человеком своего тела», это также можно объяснить как пространственный образ, складывающийся при межличностном контактировании [11].

Однако образ тела не может быть определен как пассивный или «застывший», наоборот, он довольно динамичен, по причине того, что формируется самим человеком в его активной деятельности. Образ тела выстраивается из различных компонентов – в виде телесного осмысления разнородных жизненных ситуаций. У человека он начинает свое формирование в достаточно раннем возрасте и ему отведена немаловажная роль в дальнейшем жизненном пути. Образ тела включает в себе не только ощущение собственного тела, но и его оценку. Эти процессы формируются с младенчества, в связи с прикосновениями родителя. А ребенок, лишенный прикосновений, не ощущавший ласку и заботу, становится ограничен и скуп в выражении своих чувств и переживаний, ему сложно понять других людей и их эмоции. От и его восприятие редко связывают с реальными параметрами, считает Е.М. Черепанова. Она скорее видит связь образа тела с «Я», составляющим основные характеристики личности [9].

Неадекватность телесного образа появляется из-за деформированного самовосприятия. Черепанова видит причины подобных деформаций в психотравме, представляющей собой некую частицу, проникающую в глубинные слои личности и

разрушающую ее. При наибольшей тяжести повреждения возникают более длительные и тяжелые последствия [15].

Посредством психологических травм и стрессовых ситуаций, возникает своеобразная «мышечная броня». В. Райх также отмечал, что механизмы психологической защиты помогают формированию «брони характера» (напряжение мышц, сдавленное дыхание), а также замаскировывают эмоциональные переживания. Характер и «мышечная броня» связаны в их формировании; тут также отмечается постоянное взаимодействие психики и тела. Отсюда утверждение, что при психологической травме у человека зачастую появляются проблемы с соматическим здоровьем, эту связь несложно установить [13].

Ранние травмы и неудовлетворенные потребности, считаются серьезным препятствием на пути естественного формирования человека. При отсечении нормального доступа к своим чувствам человек «подсаживается» на алкоголь, курение или наркотики, зачастую, для снижения постоянно нарастающего уровня внутреннего напряжения, принимает опрометчивые решения. То, что говорит и делает этот человек, обусловлено его нервным состоянием из-за неспособности высвободиться от прошлых чувств.

Отсюда следует предположение о том, что одним из факторов формирования отклоняющегося поведения становится отношение человека к своему образу тела. Неправильное восприятие и замедленное формирование телесного образа могут привести к самоповреждающему поведению, проявляющемуся в аутоагрессии, а как следствие – в модификациях тела [1; 9].

Эмпирический этап данной работы заключался в проведении исследования, в котором приняли участие 35 несовершеннолетних. Среди них 15 подростков, которые имеют не менее 8 различных бодимодификаций (татуировки, пирсинг, шрамирование), и 20 подростков, не имеющих модификации. Все испытуемые находились на момент проведения исследования в возрасте 16–18 лет.

Для определения склонности подростков к реализации различных форм девиантного поведения была использована методика СОП (Определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н.Орел)). Методика «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (В.В. Бойко), использовалась для определения выраженности у испытуемых таких показателей агрессивности, как: спонтанность агрессии, неспособность тормозить агрессию, неумение переключать агрессию, анонимная агрессия, провокация агрессии у окружающих, склонность к отраженной агрессии, аутоагрессия, ритуализация агрессии, склонность заражаться агрессией толпы, удовольствие от агрессии, расплата за агрессию. Для диагностики различных форм агрессивного поведения в исследовании применялся «Тест эмоций» (тест Басса–Дарки в модификации Г.В. Резапкиной). И наконец, для анализа уровня самооценки подростков использовалась методика Дембо–Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Метод анализа осуществлялся с применением статистического U-критерия Манна–Уитни.

Первый этап исследования заключался в получении общей информации от респондентов касающейся их телесных модификаций. Для этого, перед началом

обследования каждому испытуемому из группы «с телесными модификациями» была предложена мини-анкета, содержащая три вопроса:

- Какие Вы имеете модификации тела? (вид, количество, часть тела и т.д.)
- В каком возрасте была сделана Ваша самая первая модификация?
- Планируете ли Вы делать еще модификации?

Ответы были даны в свободной форме. Результаты мини-опроса приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты анкетирования группы с телесными модификациями

Испытуемый	Модификации (количество)	Возраст, в котором была первая модификация	Планы на дальнейшие модификации
1	8 тату , 3 пирсинг-прокола	16	да
2	9 тату, 5 пирсинг-проколов	13	да
3	2 тату, 22 пирсинг-прокола, 2 имплантата	14	да
4	1 тату, 9 пирсинг-проколов	14	да, тату
5	3 тату, 5 пирсинг-проколов	15	да
6	4 тату, 4 пирсинг-прокола	16	да
7	10 пирсинг-проколов	15	Да (столько же)
8	5 тату, 4 пирсинг-прокола	14	Да, тату
9	8 пирсинг-проколов	15	Да (еще не менее четырех)
10	1 тату, 8 пирсинг-проколов	14	Да, и тату и пирсинг
11	4 тату, 5 пирсинг-проколов	15	да

12	6 тату, 4 пирсинг-прокола, 1 шрамирование	14	да
13	9 пирсинг-проколов	13	да
14	2 тату, 7 пирсинг-проколов	14	да
15	4 тату, 6 пирсинг-проколов	15	да

На основании анализа полученных ответов по анкете, можно сделать вывод, о выраженном увлечении респондентами телесными модификациями.

Методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (СОП), позволила получить следующие результаты, изображенные на рис. 1.

Высокие показатели испытуемых по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению (шкала 4 на рис. 1), выявлены у 8 человек из 20 из группы «без модификаций», и у 10 человек из 15 – из группы «с телесными модификациями», что свидетельствует о низкой ценности у них собственной жизни, склонности к риску, выраженной потребности в острых ощущениях, о садо-мазохистских тенденциях. Как показала статистическая обработка данных по U-критерию Манна-Уитни, различие двух групп подростков по данной шкале статистически высоко значимо на уровне $p < 0,05$, это позволяет сделать вывод, что группа с телесными модификациями более склонна к аутоагрессии, чем группа «без модификаций».

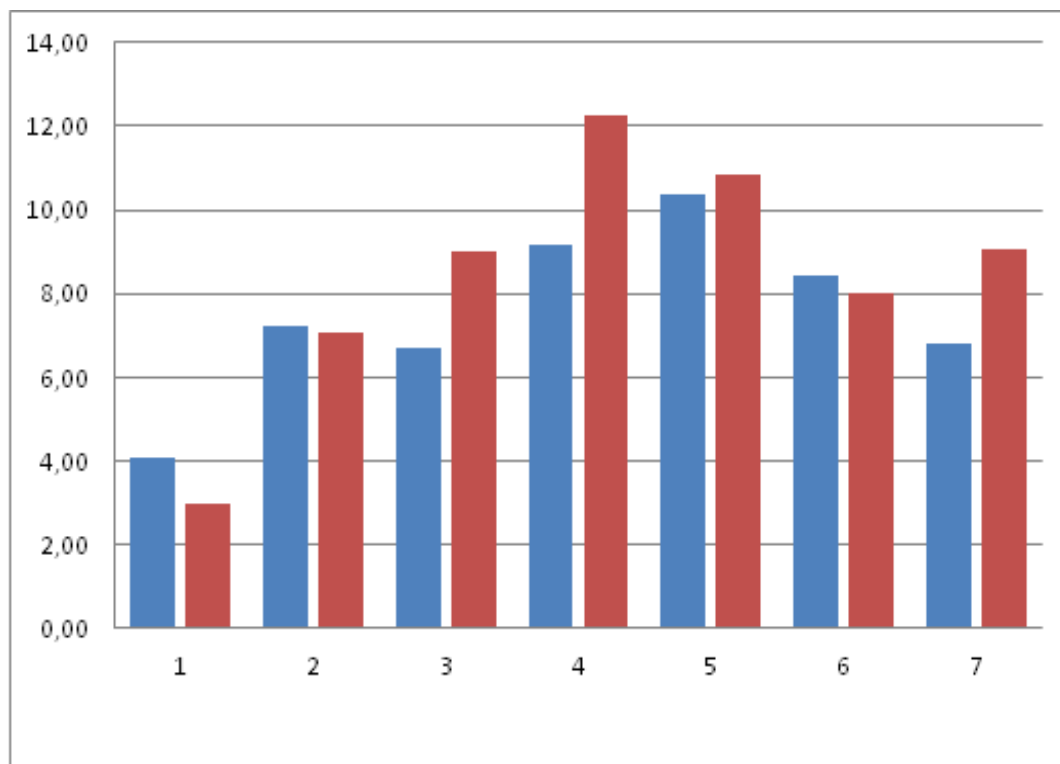

Рис. 1. Гистограмма сравнения средних баллов двух групп, полученных по методике СОП:

- группа «с телесными модификациями»;
- группа «без модификаций»

По шкале склонности к аддиктивному поведению (шкала 3 на рис. 1) также очевидно превышение показателей в группе «с телесными модификациями», высокие баллы имеют 5 человек из 15, что свидетельствует о предрасположенности этих испытуемых к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, о склонностях к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных проблем. Все респонденты группы «без модификаций», напротив, имеют низкие показатели, свидетельствующие либо о не выраженности у них данной тенденции, либо о хорошем социальном контроле поведенческих реакций. Приведенный критерий Манна-Уитни показал высокую значимость различий на уровне $p < 0,05$, что говорит о более выраженной склонности к аддиктивному поведению у подростков группы «с телесными модификациями», по сравнению с подростками группы «без модификаций».

По шкале склонности к делинквентному поведению (по шкале 7 на рис. 1) высокие показатели в группе «без модификаций» получены у 4 человек, в группе «с телесными модификациями» у 9 человек. Математическая обработка результатов показала высокую значимость различий двух групп по данной шкале на уровне $p < 0,05$, исходя из чего, можно говорить о том, что подростки группы «с телесными модификациями» более склонны к девиантному поведению, чем подростки группы «без модификаций».

По остальным шкалам методики результаты обоих выборок не имеют особых различий, как по результатам, так и по статистической обработке.

Результаты методики «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (В.В. Бойко) изображены на рис. 2.

Для проверки предположения о том, что подростки с бодимодификациями более склонны к аутодеструкции, чем подростки без них, необходимо проанализировать, имеет ли значимость шкала 7 «аутоагрессия» по данной методике. В группе «без модификаций» высокие показатели по данной шкале имеют 9 испытуемых из 20. В группе «с телесными модификациями» высокие показатели имеют 12 человек из 15.

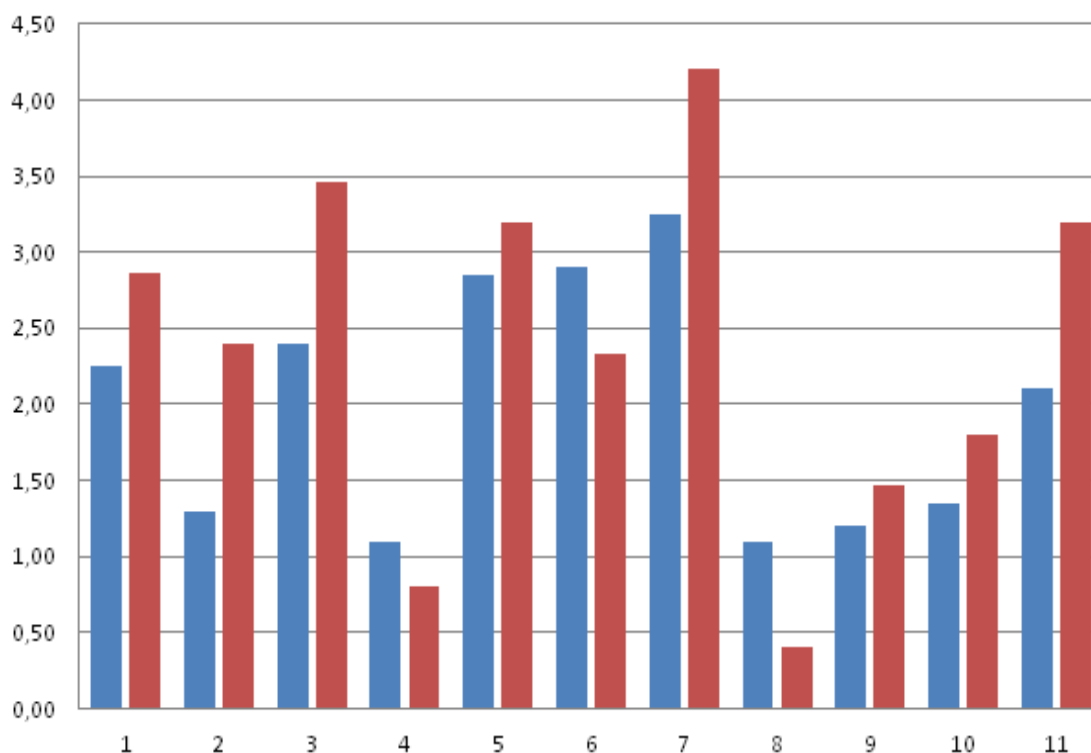

Рис. 2. Гистограмма сравнения средних баллов двух групп, полученных по методике В.В. Бойко, по шкалам

- группа «с телесными модификациями»;
- группа «без модификаций»

По U-критерию Манна–Уитни выявлена высокая значимость различий по шкале 7 «аутоагрессия» на уровне $p < 0,05$. Следовательно, данная методика также доказывает высокую склонность к аутоагрессии у группы «с телесными модификациями», по сравнению с группой «без модификаций».

Сравнительно с группой «без модификаций» группа «с телесными модификациями» имеет также более высокий индекс коммуникативной агрессии (статистическая обработка результатов этого показателя, определила высокую

значимость различий на уровне $p < 0,05$). Результаты индекса коммуникативной агрессии отображены графически на рис. 3.

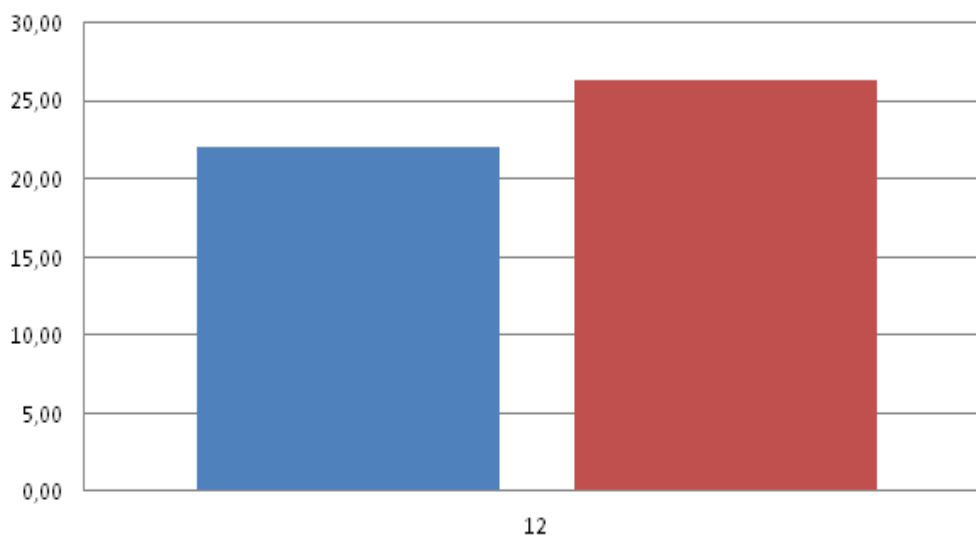

Рис. 3. Гистограмма сравнения средних баллов двух групп, полученных по методике Бойко, по шкале «индекс коммуникативной агрессии»:

- группа «с телесными модификациями»;
- группа «без модификаций»

В методике «Эмоций» (тест Басса–Дарки в модификации Г.В.Резапкиной) анализировалась шкала косвенной агрессии. Показатели, свидетельствующие о выраженности косвенной агрессии, выявлены у 2 человек из группы «без модификаций» и у 2 человек из группы «с телесными модификациями». Математическая обработка результатов по критерию Манна–Уитни не выявила значимых различий между исследуемыми группами по данной шкале.

Определение уровня самооценки у двух групп подростков проходило по методике Дембо–Рубинштейн (в модификации А.М. Прихожан). На рис. 4 отображены полученные результаты.

После статистической обработки данных методики по U-критерию Манна–Уитни выявлены высоко значимые различия двух групп подростков на уровне $p < 0,05$ по шкалам «Внешность» (шкала 5 на рис. 4) и «Уверенность в себе» (шкала 6 на рис. 4).

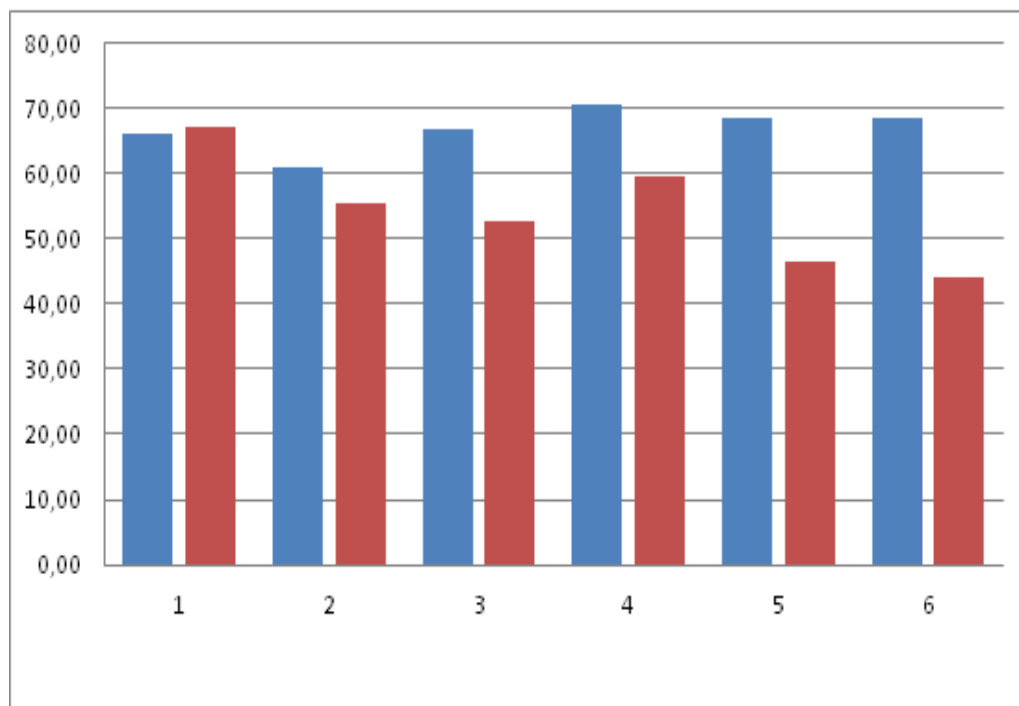

Рис. 4. Гистограмма сравнения средних баллов двух групп по методике Дембо-Рубинштейн:

- группа «с телесными модификациями»;
- группа «без модификаций»

Завышенный уровень притязаний по этой шкале – у большинства всех испытуемых, однако 2 человека из группы «без модификаций» и 1 человек из группы «с телесными модификациями» имеют низкий уровень (рис. 5).

Исходя из полученных результатов и данных статистической обработки, очевидно, что подростки группы «с телесными модификациями» имеют самооценку своей внешности более низкую, чем подростки группы «без модификаций».

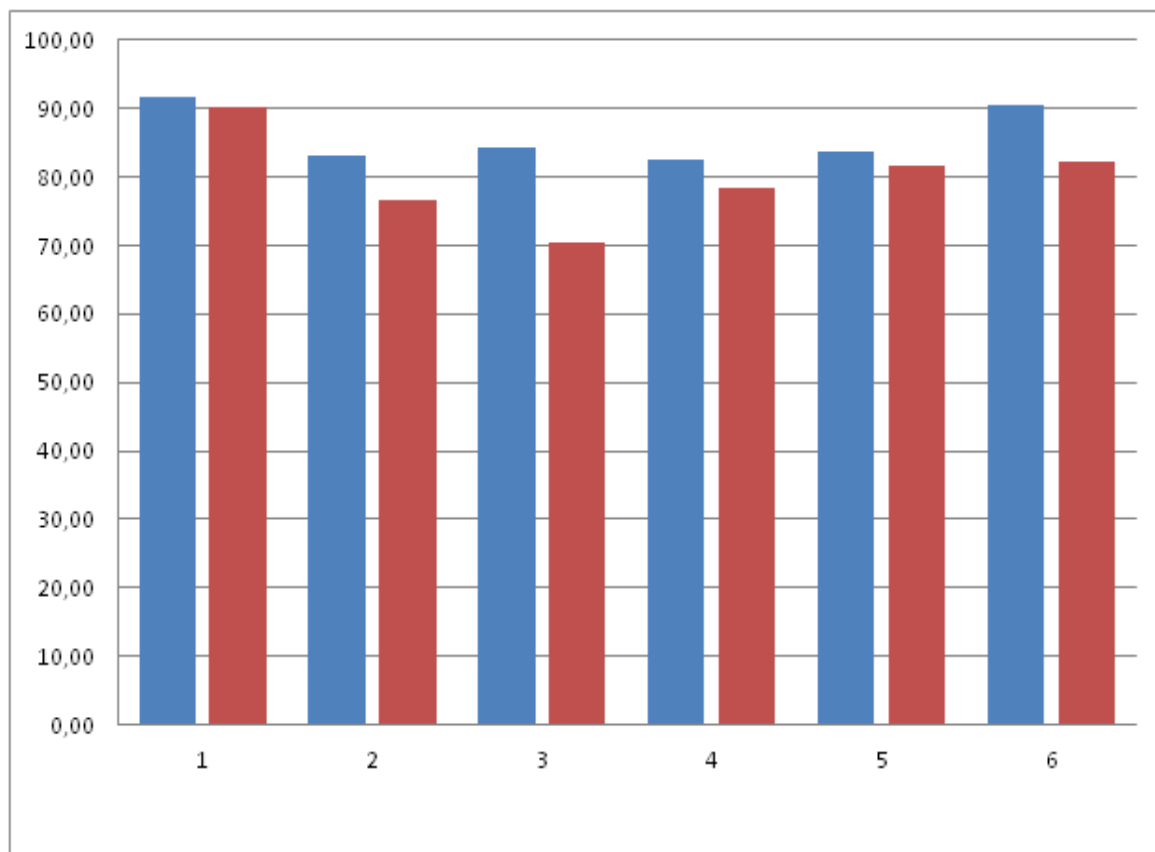

Рис. 5. Гистограмма сравнение средних показателей двух групп по шкале «уровень притязаний»

- группа «с телесными модификациями»;
- группа «без модификаций»

Результаты по данной шкале и статистическая обработка данных позволяют сделать вывод о том, что подростки группы «без модификаций» более уверены в себе, чем подростки группы «с телесными модификациями».

В результате проведенного исследования становится возможным сделать следующие выводы.

Любые модификации тела (телесные модификации и (бодимодификации) возможно отнести к саморазрушающему (самодеструктивному, самоповреждающему, аутоагрессивному) поведению.

У подростков, имеющих модификации тела уровень аутодеструкции выше, чем у подростков без модификаций. Это говорит о низкой ценности у них собственной жизни, склонности к риску, выраженной потребности в острых ощущениях.

Подростки с бодимодификациями более склонны к аддиктивному поведению, чем подростки, не имеющие модификаций тела. Следовательно, они более предрасположены к уходу от реальности посредством изменения своего

психического состояния, более склонны к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных проблем.

У подростков с модификациями тела уровень склонности к отклоняющемуся поведению выше, чем у подростков без бодимодификаций.

У подростков с бодимодификациями самооценка находится на более низком уровне по сравнению со сверстниками.

Необходимо отметить, что у подростков с телесными модификациями выявлен более высокий уровень коммуникативной агрессии по сравнению с подростками без модификаций.

Таким образом, можно предполагать, что использование большого количества телесных модификаций может стать индикатором, свидетельствующим о наличии склонности к отклоняющемуся поведению в подростковом возрасте.

Литература

1. Психология телесности: теоретические и практические исследования: Сборник статей II международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Е.В. Буренковой. Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2009. 320 с.
2. Психология телесности: теоретические и практические исследования: Материалы международной заочной научно-практической конференции. Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2008. 160 с.
3. Берно-Беллекур И.В. Социально-психологические аспекты аутодеструктивного поведения...дис. канд. психол. наук. Санкт-Петербург 2003. 197 с.
4. Бернс Р. Я-концепция и Я-образы. Самара.: Изд. дом «Бахрах», 2003. 656 с.
5. Гринько И.А. Модификации тела. Эстетика и символика. Соматические модификации в традиционных обществах. М.: LAP, 2010. 161 с.
6. Ениколопов С.Н. Аутоагрессия лиц старшего подросткового и юношеского возраста, склонных к поведению с преднамеренным самоповреждением // Материалы Юбилейной конференции Московского психологического общества. М.: МГУ, 2005. Т.2. С.167–169.
7. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
8. Исаев И., Бертнев А. Боди Арт. Люди в красках. М.: Ниола 21 век, 2005. 368 с.

9. *Коростелина А.В.* Образ тела как психологический феномен. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 223 с.
10. *Косулин В.Д.* Искусство татуировки. СПб.: ООО «Золотой век», ООО «Диамант», 2000. 288 с.
11. *Мухина В.С.* Плоть и дух // Развитие личности. №3. Москва: МПГУ, 2000. С. 65–94.
12. *Польская Н.А.* Предикторы и механизмы самоповреждающего поведения (по материалам исследований) / Психол. журн. 2009. Т.30. №1. С.96–105.
13. *Райх В.* Анализ характера. М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 528 с.
14. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
15. *Черепанова Е.М.* Психологический стресс: помощи себе и ребенку. М: Академия, 1997. С. 49–131.

Deviant behavior and autoaggression in juveniles with body modification

Galkina E.A., Bachelor, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (cathie-doux@mail.ru)

Degtyarev A.V., Senior Lecturer, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (degtyarevAV@mgppu.ru)

The problem of deviant behavior during adolescence has become very relevant recently, particularly in connection with the appearance of its various new forms. In this paper, we demonstrate that one of those forms can autoaggressive (self-destructive) behavior, considered within the framework of the concept of body modification. The empirical part of the study involved 35 adolescents, including 15 teenagers with at least 8 different body modifications (tattoos, piercing, etc.) and 20 adolescents with no modifications. All subjects at the time of the study were aged between 16 and 18 years. We revealed that minors with body modifications have an increased level of self-destruction and tendency to deviant behavior, as well as that this category of minors is more prone to addictive behavior, in contrast to their peers.

Keywords: deviant behavior, adolescence, suicide, aggression, autoaggression.

References

1. «Psikhologiya telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya»: Sbornik statei II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Psychology of corporeality: theoretical and practical research: A Collection of Articles II International Scientific and Practical Conference]. Pod obshchei red. Burenkovo E.V. Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo, 2009. 320 p.
2. «Psikhologiya telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya»: Materialy mezhdunarodnoi zaочноi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Psychology of corporeality: theoretical and practical research: Proceedings of the international correspondence scientific-practical conference]. Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo, 2008. 160 p.
3. *Berno-Bellekur I.V.* Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty autodestruktivnogo povedeniya [Social and psychological aspects of self-destructive behavior]. SPb.: 2003. 197 p.

4. *Berns R. Ya - kontseptsiya i Ya - obrazy. Samosoznanie i zashchitnye mekhanizmy lichnosti* [I - the concept and I - images. Self-awareness and protective mechanisms of personality]. Samara.: Izd. dom "Bakhrakh", 2003. 656 p.
5. *Grin'ko I.A. Modifikatsii tela. Estetika i simbolika. Somaticheskie modifikatsii v traditsionnykh obshchestvakh* [Body modification. Aesthetics and symbolism. Somatic modifications in traditional societies]. M.: LAP, 2010. 161 p.
6. *Enikolopov S.N. Autoagressiya lits starshego podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta, sklonnykh k povedeniyu s prednamerennym samopovrezhdeniem. Materialy Yubileinoi konferentsii Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva* [Autoaggression of older adolescent and young women who are prone to behavior with deliberate self-harm]. 2005. - T.2. - pp.167-169.
7. *Zmanovskaya E.V. Deviantologiya: (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya): Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenii* [Deviantology (Psychology of deviant behavior)]. - 2-e izd.- Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004. 288 p.
8. *Isaev I., Bertnev A. Bodi Art. Lyudi v kraskakh* [Body Art. People in colors]. - Moscow: Niola 21 vek, 2005. 368 p.
9. *Korostelina A.V. Obraz tela kak psikhologicheskii fenomen* [Body image as a psychological phenomenon]. Moscow: Eksmo-Press, 2002. 223 p.
10. *Kosulin V.D. Iskusstvo tatirovki* [tattoo Art]. - SPb.: OOO "Zolotoi vek", OOO "Diamant", 2000. 288 p.
11. *Mukhina V.S. Plot' i dukh. Razvitie lichnosti* [Flesh and spirit // Personal Development]. №3. Moscow: MPGU, 2000. pp. 65-94.
12. *Pol'skaya N.A. Prediktory i mekhanizmy samopovrezhdayushchego povedeniya (po materialam issledovaniy)* [Predictors and mechanisms of self-injurious behavior (based on research)]. Psikhol. zhurn. 2009. T.30, №1. pp.96-105.
13. *Raikh V. Analiz kharaktera* [analysis of character]. - Moscow: Aprel' Press, EKSMO-Press, 2000. 528 p.
14. *Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality.]. Moscow: Smysl, 2002. 287 p.
15. *Cherepanova E.M. Psikhologicheskii stress: pomogi sebe i rebenku* [Psychological stress: help yourself and your child]. Moscow: Akademiya, 1997. pp. 49-131.

Правовая информированность подростков как фактор психологической безопасности образовательной среды

Литвинова А.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета Экстремальной психологии ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет» (annaviktorovna@mail.ru)

Мириманова М.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета Экстремальной психологии ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет»

В исследовании дан анализ результатов правовой информированности подростков и ее связи с удовлетворенностью образовательной средой образовательной организации. Правовая информированность рассматривается как фактор безопасности образовательной среды, определяющий позицию социальной активности субъектов, как инструмент реализации права и способ применения его предписаний в безопасном поведении, а также как компонент правовой культуры. В данном исследовании участвовали 3117 подростков, средний возраст – 15,2 лет. На основе анкет и методов математической статистики раскрыты значимые различия правовой информированности подростков и выявлена зависимость удовлетворенности образовательной средой от данного фактора. Внимание специалистов обращается на то, что полученные результаты могут стать основанием для разработки и реализации программ психологического сопровождения, направленных на формирование у подростков правовой ответственности, уважения к действующим правовым нормам через информированность подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, психологическая безопасность образовательной среды, правовая культура, правовая информированность, удовлетворенность /неудовлетворенность безопасностью образовательной среды.

Для цитаты:

Литвинова А.В., Мириманова М.С. Правовая информированность подростков как фактор психологической безопасности образовательной среды [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Litvinova_Mirimanova.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Litvinova A.V., Mirimanova M.S. Legal awareness of adolescents as a factor of the psychological safety of educational environment [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Litvinova_Mirimanova.phtml (Accessed dd.mm.yyyy)

В современной ситуации изучение проблемы безопасности образовательной среды актуальна не только для психологической науки, но и для психолого-педагогической практики, поскольку психологическая безопасность является одной из важнейших характеристик среды образовательных организаций. Именно психологическая безопасность является условием, обеспечивающим развитие личности всех участников образовательной среды.

Понятие психологической безопасности не однородно. Одни авторы видят в безопасности качество системы, определяющее ее возможность и способность к самосохранению. Другие – рассматривают ее как систему гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие и защиту от внутренних и внешних угроз. Большинство определений подтверждает, что безопасность направлена на сохранение, обеспечение нормального функционирования системы.

Под психологической безопасностью В.В. Рубцов, И.А. Баева [9, с.5] понимают «состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников».

Образовательную среду как окружающую индивида обстановку, совокупность условий и обстоятельств рассматривает В.И. Слободчиков, анализируя ее в ряду механизмов развития ребенка. Тем самым определяется ее целевое и функциональное значение, а с другой стороны, – автор вписывает ее в культуру общества. Понимаемая так, образовательная среда, не является чем-то однозначным и наперед заданным. Она начинается там, где «происходит встреча образующего и образуемого»; где они совместно начинают ее проектировать и строить – и как предмет, и как ресурс совместной деятельности; и где между отдельными институтами, программами, субъектами образования, образовательными деятельностями начинают выстраиваться определенные связи и отношения.

Несмотря на различия в трактовках и понимании безопасности образовательной среды, все признают, что она является мощным фактором влияния. Ведь благодаря воспитанию и образовательной среде происходит не только трансляция достижений культуры, передача ценностей, традиций и норм от поколения к поколению. Воспитание ответственности детей и подростков – мостик между прошлым и будущим, что особенно хорошо видно в современных условиях «сжатия времени» [6, с.98].

Связь образования со средой отмечалась философами и учеными, как древними, так и близкими нам в историческом времени. Китайский мыслитель Конфуций считал, что к нарушению справедливости в обществе, к нарушению норм человеческих взаимоотношений ведет *необразованность* и *невоспитанность*. Он

говорил, что для «благородных мужей» основой взаимоотношений является порядок, порядочность, а для «малых людей – выгода». Один из основателей педагогики Я.А. Коменский отмечал, что образованные народы, связанные узами закона, содержат свои области... и самих себя в границах установленного порядка. У народов необразованных место свободы занимает своеволие... Отсюда у первых все безопасно, безмятежно, тихо и спокойно, а у последних господствуют кражи, разбой и насилия; а потому нет истинной безопасности. И все полно козней и страхов.

В многочисленных исследованиях неизменно подчеркивается факт влияния ответственности на становление, развитие личности и на среду. С.Л. Рубинштейн утверждал, что в действительности люди сами изменяют среду или, по крайней мере, в их власти сделать это. По его мнению, путь развития, для которого наследственность дает относительно эластичные возможности, определяется сознательной деятельностью человека в процессе воспитания, обучения, общественной практики.

Л.С. Выготский отмечал, что среда для человека, в конечном счете, есть социальная среда, потому, что там, где она выступает даже как природная, все же в ее отношении к человеку всегда имеются налицо определяющие социальные моменты. В отношениях к ней человек пользуется социальным опытом. При этом он указывал на то, что каждый возраст имеет свою, известным образом организованную для ребенка среду, так, что среда в чисто нынешнем смысле этого слова, меняется для ребенка при переходе от возраста к возрасту... влияние среды на развитие ребенка будет измеряться среди прочих влияний также и степенью понимания, осознания того, что происходит в среде.

Ведущую роль в отношениях человека к миру играют только те отношения, которые определяются его принадлежностью к социальной системе. Принадлежа разным подсистемам или группам общества, человек включен в разные взаимодействия и по-разному участвует в их развитии. Позиция, которую занимает человек, определяет направленность его деятельности, а также сферу и способы общения с другими людьми, что в свою очередь отражается на развитии его личности, на его качествах. В ходе своего развития человек учится взаимодействовать с разными средами, а среда побуждает к разным действиям. Психологическая безопасность как состояние сохранности психики предполагает поддержание определенного баланса между негативными воздействиями на человека окружающей среды и его устойчивостью, способностью преодолеть такие воздействия собственными ресурсами [6 с.101]. Психологическая безопасность личности и среды неотделимы друг от друга и представляют собой модель устойчивого развития и нормального функционирования человека в данной среде.

Образовательная среда рассматривается сегодня как подсистема социокультурной среды. Среда – все то, что нас окружает; совокупность влияний, которые изменяют и определяют развитие жизни. Она «пронизывает, вовлекает в орбиту деятельности субъекта». Анализируя взаимосвязи среды образовательной и социокультурной, констатированы следующие моменты: образование рассматривается как сфера социальной жизни, а среда как фактор образования и как фактор влияния. В образовательной среде как предмете психологических исследований выявлены важнейшие параметры: уровни, структура и функции, описаны субъекты образовательной среды. Изучается взаимовлияние среды и

образа жизни конкретного сообщества (В.А. Ясвин, Х.И. Лийметс, А. Муст, А.М. Сидоркин).

Сегодня особенно ценно соблюдение правил взаимоотношений между участниками образовательной среды и правовой ответственности каждого за свое поведение. Изучение образовательной среды на уровне взаимодействия личности и среды присутствует в работах Н.А. Лабунской, Т. Менг, А.П. Тряпициной, где прослеживаются возможные способы взаимоотношений и персонализации среды, т.е. фиксация определенной части среды как своего «Я». Образовательная среда в данном подходе определяется как пространство социальных коммуникаций, которое вовлекает субъекта образования в процессы освоения, обмена и распространения культурных ценностей.

Психологическая безопасность образовательной среды - одна из характеристик, которая становится значимой в связи с ростом психологического насилия в процессе взаимодействия детей, педагогов, родителей и администрации образовательных учреждений. Человек в данной среде, может быть выведен из строя или полностью потерять возможность эффективного функционирования, но при этом «психологи и педагоги, работающие в образовании, не готовы сегодня решать задачу по обеспечению психологических аспектов безопасности жизни и деятельности участников образовательной среды» [12, с.67].

В настоящее время безопасность образовательной среды изучается в мониторинговых исследованиях в целостности физических, социально-психологических и информационно-психологических параметров [5; 6]. В целях своевременного выявления и предотвращения рисков и угроз безопасности образовательной среды мониторинг проводится в образовательных организациях разного уровня и типов. Выявляется состояние таких рисков и угроз психологической безопасности образовательной среды как употребление психоактивных веществ, проявления ксенофобии, физического и психологического насилия, нарушения учебной дисциплины, дезорганизующие образовательный процесс и другие. Для каждого параметра психологической безопасности составлены опросники, включающие также и вопросы по правовой информированности обучающихся.

Создание условий психологической безопасности среды актуализирует правовую ответственность личности. Правовая ответственность, как важный фактор развития личности и психологической безопасности среды чрезвычайно важен. Отсутствие же таких безопасных условий приводит к возникновению отклонений или оборонительной тенденции, порождает сопротивление: внутреннее или внешнее. Внешнее: «когда нарушаются общепринятые нормы, когда совершаются так называемые нарушения дисциплины, непослушание, «акты неповиновения». Внутреннее: когда есть уход от контактов, самообвинение, отрицательное отношение к самому себе, аутоагрессия» [2, с.31].

Формирование личности предполагает воспитание правовой культуры, компонентами которой выступают правосознание, правовое поведение, правовая реализация и правовая информированность [3;7]. Именно правовая информированность выступает с одной стороны, основанием формирования сознательной ориентировки личности в процессах и явлениях правовой жизни,

приобщении к правовой жизни общества, с другой стороны, является необходимым условием формирования правового государства и залогом его безопасности [1; 4; 7].

Правовая информированность обеспечивает формирование ответственности за нарушения закона и прав человека. Ответственность за свой выбор всегда несет конкретный человек. Выбирая, «Я» осуществляет самоопределение, самоорганизацию и персонализируется. Человек выстраивает свое отношение к границам своих виртуальных возможностей – он либо сохраняет и охраняет эти границы, либо изменяет их, проявляя допустимую гибкость. Подросток не может изменить условия своей жизни, но определенную свободу он имеет в выборе целей и путей их достижения. В каждый данный момент обычно существует не одна, а несколько возможностей действий. Выбор варианта сочетается с большой моральной, социальной, правовой ответственностью за последствия этого выбора.

Правовая ответственность имеет особое значение на переходных этапах жизни общества, находящегося в состоянии максимальной неустойчивости, когда малейшие флуктуации (иногда ими могут стать действия одной личности) могут привести к нежелательным социальным последствиям. Здесь речь идет, прежде всего, о нарушении психологической безопасности образовательной среды.

Исследователи отмечают, что подростковый и юношеский возраст являются сензитивными периодами формирования правового сознания и поведения [1; 3; 7]. Если в подростковом возрасте происходит интенсивное освоение социальных и правовых норм и становление ценностно-нормативной системы личности, то юношеский возраст отличает накопление общественно значимых качеств и социальная активность личности, составляющие основу для формирования развитого правосознания. Несмотря на все современные модернизационные процессы в образовании резко возрос уровень преступности и правонарушений среди подростков. В связи с этим очень важно знать состояние правовой информированности подростков в целях предупреждения у них противоправного поведения, несущего угрозу безопасности как личности, так и образовательной среде.

Целью исследования стало выявление правовой информированности подростков об ответственности за противоправные действия в зависимости от удовлетворенности / неудовлетворенности образовательной средой образовательной организации. В основе исследования находилось предположение о том, что подростки, неудовлетворенные образовательной средой отличаются более низкой правовой информированностью. В исследовании приняли участие 3117 подростков, они заполнили электронный вариант анкеты, разработанной научными сотрудниками лаборатории социологических и социально-психологических мониторинговых исследований МРЦ БОС МГППУ. По результатам мониторинга были выявлены две группы обучающихся, в зависимости от удовлетворенности (1 группа) и неудовлетворенности (2 группа) безопасностью образовательной среды в школе. Для анализа полученных данных применялись методы математической статистики: частотный анализ и t-критерий сравнения 2-х независимых выборок.

Обратимся к полученным результатам. Необходимо отметить, что на основании частотного анализа (табл. 1) можно сделать вывод о низкой правовой информированности по большинству параметров у всех подростков, участвующих в

исследовании. Наименьшая осведомленность наблюдается по административной ответственности за употребление наркотиков, дисциплинарной ответственности за порчу школьного имущества, уголовной ответственности за ксенофобию, преследование человека по национальному признаку, административная ответственность за употребление алкоголя на территории школы, уголовная ответственность за причинение вреда здоровью других обучающихся и педагогов. Относительно высокая осведомленность (от 70% до 84%) выявлена у подростков по дисциплинарной ответственности за опоздания на уроки и уголовной ответственности за распространение наркотиков. Отметим, что о правовой информированности как факторе психологической безопасности образовательной среды можно говорить в отношении только данных параметров.

Таблица 1.

Результатов частотного анализа (1 и 2 группа обучающихся, педагоги) и сравнения средних(1 и 2 группа обучающихся)

№		Частотный анализ		t-критерий		Знач.
		1 группа	2 группа	1 группа	2 группа	
1	Дисциплинарная ответственность за сквернословие	65,6%	39,6%	7,88	7,67	0,00
2	Дисциплинарная ответственность за опоздания на уроки	75,0%	70,3%	7,34	6,5	0,00
3	Дисциплинарная ответственность за порчу школьного имущества	22,4%	21,4%	0,33	0,34	0,74
4	Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью других обучающихся и педагогов	55,1%	47,1%	2,34	2,33	0,02
5	Дисциплинарная ответственность за курение на территории	48,4%	36,6%	3,41	3,52	0,00

	школы					
6	Административная ответственность за употребление алкоголя на территории школы	42,2%	48,9%	-1,94	-1,91	0,05
7	Административная ответственность за употребление наркотиков	18,0%	17,2%	0,37	0,38	0,71
8	Уголовная ответственность за распространение наркотиков	84,0%	78,4%	2,21	1,99	0,27
9	Уголовная ответственность за ксенофобию, преследование человека по национальному признаку	36,3%	28,2%	2,45	2,58	0,14

Рассмотрим значимые различия в исследуемых группах (табл. 1). Подростки первой группы более значимо информированы о правовой ответственности по большинству изучаемых параметров: дисциплинарная ответственность за опоздания на уроки ($p=0,00$), сквернословие ($p=0,00$), курение на территории школы ($p=0,00$), уголовная ответственность за причинение вреда здоровью других обучающихся и педагогов ($p=0,02$). В отличие от первой группы, подростки второй группы статистически значимо информированы о правовой ответственности только по параметру административная ответственность за употребление алкоголя на территории школы ($p=0,05$).

Предположение о том, что подростки, неудовлетворенные образовательной средой, отличаются более низкой правовой информированностью, в аспекте значимых различий с другой группой подтвердилось. Необходимо отметить, что низкая правовая информированность подростков об ответственности за противоправное поведение может стать угрозой психологической безопасности образовательной среды.

Проведенное исследование позволяет подчеркнуть значимость психологической безопасности образовательной среды для развития личности подростков и определить характер зависимости правовой информированности от ее субъективной оценки. Безусловно, полученные результаты, позволяют сформулировать актуальные вопросы для дальнейшего исследования проблемы. К

их числу относится определение направлений и содержания практической деятельности психологов по сопровождению подростков с низкой информированностью и подростков неудовлетворенных безопасностью образовательной среды. Вместе с тем полученные результаты могут стать основанием для разработки и реализации психологами образовательных организаций совместно с педагогами соответствующих профилактических программ, а также программ, направленных на формирование у подростков правовой культуры на основе правовой информированности, ответственности и уважения к действующим нормам права.

Литература

1. Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284.shtml> (дата обращения: 19.10.2014).
2. Андроникова О.О. Психологическая безопасность образовательной среды. Новосибирск, 2010.- 260 с.
3. Достовалов С.Г. Доверие к социальному миру как фактор формирования правосознания у подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58316.shtml> (дата обращения: 19.10.2014).
4. Есикова Т.В. Развитие правовых представлений: история и современность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54061.shtml> (дата обращения: 19.10.2014).
5. Литвинова А.В. Безопасность образовательной среды в образовательных комплексах //Материалы докладов IV международной научно-практической конференции 21 век: фундаментальная наука и технологии» 16-17 июня 2014 г. North Charleston, USA. 2014. – Том 1. С. 123-125.
6. Мириманова М.С. Пути повышения эффективности комплексной безопасности в дошкольных образовательных учреждениях. Сб. Социально-экономические и психологические проблемы управления. М.: МГППУ ГМУ, 2013. 460 с.
7. Пастушеня А.Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50322.shtml> (дата обращения: 19.10.2014).

8. *Потапова Н.А.* Некоторые проблемы безопасной образовательной среды в высшей военной школе. Сб. Безопасность образовательной среды, ч.1. М.: Экон-Информ, 2008,- 166 с.
9. *Рубцов В.В., Баева И.А.* Психологическая безопасность образовательной среды как условие психосоциального благополучия школьника. Сб. Безопасность образовательной среды. М.: Экон-Информ, 2008. 143 с.

Legal awareness of adolescents as a factor of the psychological safety of educational environment

Litvinova A.V., PhD (Psychology), Assistant Professor, Chair of Scientific Bases of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (annaviktorovna@mail.ru)

Mirimanova M.S., PhD (Psychology), Assistant Professor, Chair of Scientific Bases of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

---

The study analyzes the results of the legal awareness of adolescents and its relation to satisfaction of the educational organization. Legal awareness is considered as a factor of safety of the educational environment, which determines the position of the social activity of subjects as a tool of the right implementation and method of application of its provisions in the safe behavior, as well as a component of the legal culture. This study included 3117 adolescents with a mean age of 15.2 years. Based on questionnaires and methods of mathematical statistics, we revealed significant differences in the legal awareness of adolescents and found satisfaction with the educational environment dependence of this factor. Attention of the experts is drawn to the results which can be the basis for the development and implementation of programs of psychological support, aimed at creating a legal liability in adolescents, respect for the rule action standards through awareness of the adolescents.

Keywords: adolescence, psychological safety of the educational environment, legal culture, legal awareness, satisfaction / dissatisfaction with the security of the educational environment.

References

1. *Andrianov M.S.* Psihologicheskie mehanizmy i periodizacija processa pravovoj socializacii [Elektronnyj resurs] [Psychological mechanisms and periodization of process of legal socialization] Psihologija i pravo. [Psychology and law] 2013. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284.shtml> (Accessed 25.01.2015).
2. *Andronikova O.O.* Psihologicheskaja bezopasnost' obrazovatel'noj sredy. [Psychological safety of the educational environment] Novosibirsk, 2010. 260 p.
3. *Dostovalov S.G.* Doverie k social'nomu miru kak faktor formirovanija pravosoznaniya u podrostkov [Elektronnyj resurs] [The credibility of the social

- world as a factor of development of consciousness in adolescents] *Psihologija i pravo*. [Psychology and law] 2013. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58316.shtml> (Accessed 25.01.2015).
4. *Esikova T.V.* Razvitie pravovyh predstavlenij: istorija i sovremennost' [Elektronnyj resurs] [Development of legal ideas: history and modernity] *Psihologija i pravo*. [Psychology and law] 2012. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54061.shtml> (Accessed 25.01.2015).
  5. *Litvinova A.V.* Bezopasnost' obrazovatel'noj sredy v obrazovatel'nyh kompleksah [Safety of the educational environment in the educational complexes] // *Materialy dokladov IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 21 vek: fundamental'naja nauka i tehnologii» 16-17 ijunja 2014 g. North Charleston, USA. 2014. – Tom 1. P. 123-125.*
  6. *Mirimanova M.S.* Puti povysheniya effektivnosti kompleksnoy bezopasnosti v doshkol'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah. [Ways to improve the effectiveness of integrated safety management in preschool educational institutions] *Sb. Sotsial'no-ekonomicheskie i psihologicheskie problemy upravleniya. M.: MGPPU GMU, 2013, 460 p.*
  7. *Pastushenja A.N.* Psihologicheskaja harakteristika individual'nogo i obshhestvennogo pravosoznaniya: strukturno-soderzhatel'nyj aspekt [Elektronnyj resurs] [Psychological characteristics of individual and social consciousness: structural aspect] *Psihologija i pravo*. [Psychology and law] 2012. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50322.shtml> (Accessed 25.01.2015).
  8. *Potapova N.A.* Nekotorye problemy bezopasnoj obrazovatel'noj sredy v vysshej voennoj shkole. [Some problems safe educational environment in higher military school] *Sb. Bezopasnost' obrazovatel'noj sredy, ch.1 M.: Jekon-Inform, 2008. 166 p.*
  9. *Rubcov V.V., Baeva I.A.* Psihologicheskaja bezopasnost' obrazovatel'noj sredy kak uslovie psihosocial'nogo blagopoluchija shkol'nika. [Psychological safety educational environments as a condition of psychosocial well-being of the student] *Sb. Bezopasnost' obrazovatel'noj sredy. M.: Jekon-Inform, 2008. 143 p.*

Подходы к оценке психологического благополучия несовершеннолетних при разводе родителей

Терехина С.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии ГБОУ ВПО МГППУ, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации (svterek@gmail.com)

В статье рассмотрены вопросы оценки психологического благополучия детей и подростков при разводе родителей. Прослежена история использования понятия «психологическое благополучие» в зарубежной и отечественной психологии по отношению к разным возрастным категориям. Охарактеризована предложенная отечественными авторами модель формирования психологического благополучия несовершеннолетних. Представлена подробная характеристика системы оценивания уровня психологического благополучия у школьников для профилактических и психокоррекционных нужд в рамках психологии образования. Рассмотрена возможность использования данной системы для оценки уровня психологического благополучия несовершеннолетних, находящихся в ситуации развода родителей.

Ключевые слова: психологическое благополучие, развод, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, интересы ребенка, психологическое здоровье несовершеннолетних, уровни психологического благополучия несовершеннолетних, мишени психокоррекционной работы с семьей.

Для цитаты:

Терехина С.А. Подходы к оценке психологического благополучия несовершеннолетних при разводе родителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Terekhina.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Terekhina S.A. Approaches to assessing the psychological well-being of minors when the parents divorce [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Terekhina.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В современном мире развод становится рядовым событием, свидетельствующим о значительной трансформации института семьи. В связи с этим растет число детей и подростков, которые сталкиваются с ситуацией развода в родительской семье. Прочность союзов с детьми в нашей стране находится на среднем для развитых стран уровне: к 2015–2020 г. в России распадется каждая третья семья, имеющая детей, в то время как в США – более чем каждая вторая, а в Италии – каждая десятая [3]. По данным официальной статистики в течение 2000-х гг. доля разводов с общими детьми в России составляла 50–60%, а на один развод в семьях с детьми в среднем приходилось 1,18–1,24 ребенка [5; 12]. Об этом же косвенно свидетельствует отмечаемый в последние годы в судах рост гражданских дел, связанных с защитой интересов детей при разводе. Так, согласно данным Управления анализа и обобщения судебной практики Верховного Суда РФ, количество исков о порядке воспитания детей родителями, проживающими раздельно, с 2007 по 2012 г. выросло более, чем в 2 раза [6].

По мнению большинства специалистов, развод в семье в настоящее время рассматривается как один из наиболее мощных стрессогенных факторов, оказывающих значительное негативное влияние на психическое здоровье и психологическое состояние несовершеннолетних членов семьи. Несмотря на противоречивость и неоднозначность результатов исследований, посвященных изучению характера влияния развода на детей и подростков, не вызывает сомнений необходимость оказания психологической помощи, а в некоторых случаях и длительного психологического сопровождения тех несовершеннолетних, у которых в ситуации развода существует высокий риск развития различных нарушений психического и психологического здоровья. Однако в поле зрения специалистов такие дети попадают далеко не всегда и, как правило, – уже на поздних этапах, когда необходимость оказания им специализированной помощи становится очевидной. Многие из них по инициативе того или иного родителя получают многочисленные консультации психиатров, психологов, неврологов, вместе с тем вследствие продолжающегося внутрисемейного конфликта улучшение их состояния носит временный характер. Часть несовершеннолетних подвергается психолого-психиатрическому освидетельствованию в рамках экспертизы по гражданским делам по определению их места жительства и порядка воспитания отдельно проживающим родителем [7; 10]. В ходе проведения такого обследования, а также предварительного ознакомления с материалами гражданского дела, психолог получает значительный объем информации о ребенке, позволяющей ему не только решить экспертные вопросы, но и обозначить основные проблемные зоны и наметить мишени для проведения последующей психокоррекционной работы с семьей. Прежде всего в комплексной психолого-психиатрической помощи нуждаются дети и подростки, у которых уже были выявлены те или иные формы психических расстройств. В то же время, как свидетельствуют данные комплексного психолого-психиатрического обследования 82 детей, проходивших экспертизу в ГНЦ ССП имени В.П.Сербского по гражданским делам в связи с разводом, у преобладающего числа (73%) на различных этапах ситуации развода отмечались те или иные формы психических нарушений или ухудшения психического состояния. Так, в период, предшествующий разводу, ухудшение психического состояния (по материалам гражданских дел) отмечалось у 31% детей. На фактический развод родителей изменением психического состояния отреагировала четверть всех детей. Сведения об ухудшении психического состояния детей после их встреч с отдельно

проживающим родителем было зафиксировано примерно в 27% случаев [7]. Однако на момент прохождения КСППЭ у 78% детей не было выявлено признаков какого-либо выраженного психического расстройства. Этот факт свидетельствует о том, что у значительного числа несовершеннолетних в ситуации развода наблюдаются различные по глубине и степени выраженности эмоциональные и поведенческие нарушения, которые носят временный характер и впоследствии могут практически полностью нивелироваться. В связи с этим такие нарушения могут быть расценены как реакции, не выходящие за рамки нормативного реагирования несовершеннолетних на выраженную психотравмирующую ситуацию. Необходимо отметить, что экспертное решение об отсутствии у ребенка психического расстройства не исключало наличия у него разнообразных проблем, которые препятствовали нормальному протеканию процесса психического развития. Проведенный нами анализ материалов психологического обследования несовершеннолетних, участников экспертизы по семейным спорам о детях после развода позволил выделить несколько групп проблем, касающихся различных сфер жизни несовершеннолетних. К первой группе проблем, условно названной нами «проблемы индивидуального уровня» были отнесены такие особенности психического развития ребенка, которые препятствовали адаптации к окружающим условиям социальной среды, а также успешности в решении стоящих перед ним возрастных задач развития. Вторую группу составили «проблемы уровня социальных взаимодействий», в которую были включены трудности в построении и поддержании стабильных позитивно окрашенных отношений с представителями социальных групп различной степени близости (отношения с родителями, родственниками разной степени родства, ровесниками, незнакомыми взрослыми). Помимо трудностей и проблем дети и подростки, находящиеся в ситуации развода родителей, обладали различными позитивными возможностями и ресурсами, которые позволяли им хотя бы частично компенсировать неблагоприятные воздействия развода. Таким образом, для повышения эффективности оказания психологической помощи несовершеннолетним, переживающим развод родителей, в качестве важной задачи выступает разработка системы оценки их психологического состояния, включающего характеристику проблемных и ресурсных зон с учетом индивидуально-психологических особенностей, системы социальных взаимоотношений как внутри семьи, так и в рамках более широкого социального круга. В качестве интегрирующего показателя нам представляется целесообразным использовать уровень психологического благополучия несовершеннолетних.

Первоначально представления о феномене психологического благополучия были заложены в работах N.Bradburn, где они имели отношение к оценке состояния зрелой личности. Он предлагал понимать «психологическое благополучие» как «субъективное ощущение счастья и общую удовлетворенность жизнью» [15]. Существенный вклад в дальнейшую разработку концепции психологического благополучия внесли работы E.Diener, C.Ryff, E.Deci, R.Ryan. Так, в частности, C.Ryff и E.Deci разделили все имеющиеся подходы к психологическому благополучию на гедонистическое и эвдемонистическое направления [16]. Вместе с тем представляется оправданным предположение о том, что понятие «психологического благополучия» может быть отнесено не только к полностью сформировавшейся, зрелой личности, но и к людям молодого возраста, в том числе и к несовершеннолетним. Представления о «психологическом благополучии» и

критериях его оценки могут быть полезны психологам образования при выявлении несовершеннолетних, которые по своему состоянию еще «психически не больны, но уже психологически не здоровы» [14], а также специалистам, работающим с делинквентными детьми и подростками [9]. Несколько позже проблема оценки психологического благополучия стала интересовать исследователей и в ее возрастном аспекте. Так, исследование О.А. Идобаевой посвящено разработке психолого-педагогической модели формирования психологического благополучия лиц не только зрелого, но и подросткового и юношеского возраста [3]. Подобная модель, по мнению автора, должна содержать в себе как обобщенное описание условий, способствующих или препятствующих формированию психологического благополучия, так и конкретизацию этих условий применительно к специфике различных возрастных групп. Важную роль в процессе формирования психологического благополучия играет создание условий для возникновения и поддержания устойчивого эмоционального благополучия, адекватный учет индивидуально-типологических и личностных особенностей, а также достаточная степень сформированности и эффективное функционирование механизмов психологической защиты. Каждый возраст, по мнению автора, обнаруживает свое своеобразное сочетание подобных условий, отображающих специфику социальной ситуации развития. В рамках данного подхода были разработаны диагностические и коррекционные программы, учебные курсы, направленные на обеспечение психологического благополучия подростков, а также учащихся высших учебных заведений.

Примером использования понятия «психологическое благополучие», а также его операционализации с целью проведения школьными психологами профилактической и психокоррекционной работы может служить работа А.В. Ворониной, которой была предпринята попытка с позиций структурно-уровневого подхода (М.С. Роговин, Г.В. Залевский) разработать систему оценки уровня психологического благополучия учащихся школы и выявить среди них «благополучную», «неблагополучную» группы и «группу риска» [1]. Автор определяет «психологическое благополучие» как системное качество, состоящее из относительно автономных, но иерархически соподчиненных уровней, формирующихся в процессе развития и воспитания последовательно от низших к высшим. Состояние системы «психологического благополучия» характеризует «уровень психологического благополучия», который может быть оценен через интеграцию субъективных и объективных оценок. Они в свою очередь, могут быть операционализированы через триаду характеристик: признаки психологического неблагополучия, наличие психотравм и факторов риска в жизни ребенка. Психологическое благополучие рассматривается как структурно-уровневое образование, в качестве элементов которого были выделены психосоматическое здоровье, социальная адаптированность, психическое и психологическое здоровье. Каждый уровень был охарактеризован через ряд объективных и субъективных критериев. Болезнь в этом случае рассматривается как сочетанное нарушение трех уровней: психосоматического здоровья, социальной адаптированности и психического здоровья. Нарушение на одном или двух уровнях свидетельствует о переходном «предболезненном» состоянии.

Предложенная схема может быть взята за основу при оценке уровня психологического благополучия несовершеннолетних, находящихся в ситуации

развода родителей. Вместе с тем ее необходимо наполнить конкретным психологическим содержанием, позволяющим, с одной стороны, представить общие для всех несовершеннолетних закономерности, а с другой – отразить специфику непосредственно данного контингента детей и подростков. Вначале дадим краткую характеристику структурных уровней, составляющих психологическое благополучие несовершеннолетних.

1. Уровень психосоматического здоровья. Характеристика данного уровня осуществляется на основе детального изучения анамнестических сведений, полученных из материалов гражданского дела и беседы с родителями. В качестве наиболее значимых сведений рассматриваются данные о наличии или отсутствии разнообразных психотравмирующих обстоятельств в жизни ребенка, а также факторов риска в отношении нарушения его психического здоровья. Сюда могут быть отнесены особенности протекания беременности у матери несовершеннолетнего, а также ее состояние в данный период, наличие или отсутствие различных вредностей, осложняющих протекание беременности и родов. На этом уровне рассматриваются все возрастные периоды развития ребенка, фиксируются количество и последствия перенесенных им заболеваний, разнообразные стрессогенные внешние воздействия и характер его ответных реакций.

2. Уровень социальной адаптированности. На данном уровне анализируется степень направленности ребенка на взаимодействие с социумом, принятие или непринятие им окружающих, социальная или асоциальная направленность поведения. Оценивается степень включенности ребенка в различные социальные группы. Отмечается наличие и степень развитости навыков социального взаимодействия, удовлетворенность своим положением в группе. Дается характеристика особенностей взаимодействия ребенка с ближайшим социальным окружением, способности построения им взаимоотношений с ровесниками и незнакомыми взрослыми.

3. Уровень психического здоровья. Оценка состояния психического здоровья несовершеннолетних осуществляется на основе анализа развития ребенка на всех этапах его жизни с точки зрения выявления у него признаков формирования психического расстройства и входит в сферу компетенции врача-психиатра.

4. Уровень психологического здоровья. Его оценка предполагает подробную характеристику уровня и особенностей психического развития ребенка, прежде всего, предполагающую их соотнесение с нормативами того возрастного периода, к которому принадлежит ребенок. При наличии отклонений в психическом развитии они должны быть качественно описаны и отнесены к тому или иному варианту дизонтогенеза. Характеристика психического развития ребенка включает особенности его когнитивного развития, уникальное сочетание индивидуально-психологических особенностей, оценку степени его эмоционального благополучия, а также поведенческий компонент. Возрастное развитие должно быть охарактеризовано как ретроспективно, т. е. с точки зрения благополучия прохождения ребенком предыдущих периодов, а также особенностей протекания его развития в настоящем. Важными составляющими при этом выступают степень включения ребенка в ведущую для данного возрастного периода деятельность, уровень ее освоенности, а также сформированность специфичных для данного

возраста психологических новообразований. При описании социальной ситуации развития ребенка особое внимание нужно уделить сфере внутрисемейных отношений, времени возникновения семейного конфликта, его выраженности, особенностям его протекания, степени вовлеченности в него ребенка.

При оценке психологического благополучия ребенка на втором и четвертом уровнях объективные показатели, полученные при помощи психологических методик, в тех случаях, когда это возможно, должны быть дополнены субъективными оценками самого ребенка, отражающими степень его удовлетворенности собой, своими взаимоотношениями с окружающими, ощущения собственного счастья и благополучия, отсутствия выраженных трудностей, проблем и конфликтов.

Качественные и количественные оценки каждого из четырех уровней объединяются в дальнейшем в интегральную оценку уровня психологического благополучия, на основе которого каждый из детей может быть отнесен к одной из трех групп. Группа «психологически благополучных детей» характеризуется отсутствием нарушений психического и психологического здоровья, проблем психосоматического характера. Для них свойственны благоприятное прохождение предшествующих стадий возрастного развития со своевременным формированием всех необходимых составляющих «психологического возраста», достаточная степень социальной адаптации, отсутствие заметных нарушений в эмоциональном реагировании, адекватная и достаточно высокая самооценка, субъективное ощущение собственного благополучия и удовлетворенность собой и окружающими.

Группу «неблагополучных детей» составляют несовершеннолетние, у которых обнаруживаются нарушения на уровне «психического здоровья» в виде признаков наличия у них какого-либо психического расстройства, или при отсутствии заболеваний обнаруживающие стойкие психосоматические нарушения наряду с факторами риска и психотравмирующими событиями в анамнезе, а также проблемами и трудностями в сфере межличностного взаимодействия или особенностями и отклонениями на уровне «психологического здоровья».

Помимо двух вышеназванных групп предлагается выделять «группу риска», под которой будем понимать группу несовершеннолетних с повышенной степенью риска развития психического заболевания, определяемой наличием факторов риска различной природы в анамнезе, преобладанием количества неблагоприятных факторов над ресурсными, недостаточной сформированностью защитных механизмов. Дети данной группы при отсутствии у них устойчивых психических и психосоматических нарушений отличаются неблагоприятным психологическим анамнезом, трудностями социальной адаптации, нарушениями самооценки, состоянием психологического дискомфорта в эмоциональной сфере, а также другими проблемами, относящимися к уровню «психологического здоровья». Помимо этого, у них наблюдается несоответствие требований, предъявляемых к ним внешней средой, и уровнем интеллектуального развития и физических возможностей организма, что проявляется в нарушениях психосоматического состояния организма.

Таким образом, разработка эффективной системы оказания психологической помощи несовершеннолетним, переживающим развод родителей, в качестве

предварительного этапа предполагает создание системы комплексной оценки психического и психологического состояния таких детей и подростков с последующей разработкой критериев такой оценки, с выделением отдельных факторов и их сочетаний, способствующих возникновению и развитию различных форм психических расстройств, а также проявлений психологического неблагополучия.

Рассмотренные выше структурные уровни психологического благополучия несовершеннолетних, находящихся в ситуации развода родителей, требуют своей дальнейшей проработки, выделения системы параметров, а также подбора адекватных методических средств их оценки. Одной из актуальных задач выступает адаптация предлагаемой модели применительно к оценке уровня психологического благополучия детей, находящихся на разных этапах возрастного развития.

Литература

1. *Воронина А.В.* Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы: дис ... канд. психол. наук. Томск, 2002. 24 с.
2. *Дубовик Ю.Б.* Психологическое благополучие в пожилом и старческом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 24 с.
3. *Захаров С.В.* Куда движется супружество в России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2014. № 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения 1.04.2015).
4. *Идобаева О.А.* Психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности: дисс ... докт. психол. наук. М., 2013. 389 с.
5. Население России. 2010–2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 530 с.
6. Обзор судебной практики Верховного суда РФ [Электронный ресурс] // Бюллетень. 2012. №7. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения 31.03.2015).
7. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
8. *Слободчиков В.И., Шувалов А.В.* Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 91–105.

9. Терехина С.А. Семейный контекст делинквентного поведения девочек-подростков // Российский психиатрический журнал. 2006. № 3. С.70-73.
10. Терехина С.А., Ошевский Д.С. Экспериментально-психологические методы обследования несовершеннолетних при производстве судебной экспертизы по гражданским делам о защите интересов ребенка // Психическое здоровье. 2012. № 11(78). С. 10-19.
11. Фесенко П.П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности. дис ... канд. психол. наук. М., 2005. 206 с.
12. Чурилова Е.В., Гутина Д.Д. Развод родителей: причины, влияние на ребенка и на взаимоотношения родителей и детей: теоретический обзор [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2014. № 615–616. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0615/analit03.php> (дата обращения 1.04.2015).
13. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. №3. С. 95–129.
14. Шувалов А.В. Интерсубъективные условия психологического здоровья детей: автореф. дисс ... канд. психол. наук. М., 2000. 26 с.
15. Bradburn N.M. The Structure of Psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. P. 320.
16. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychology. 2000, Vol. 55. P. 68–78.

Approaches to assessing the psychological well-being of minors when the parents divorce

Terekhina S.A., Ph.D. (Psychology), Assistant Professor, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Senior Research Associate, Laboratory of Psychology of Childhood and Adolescence, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (svterek@gmail.com)

We discuss the questions of the psychological well-being of children and adolescents with divorced parents. We traced the history of the use of the concept of "psychological well-being" in foreign and Russian psychology in relation to the different age categories. We characterized a model of psychological well-being proposed by Russian authors, containing the summary of the conditions that promote or hinder the formation of psychological well-being of minors. We presented a detailed description of the evaluation system of the psychological well-being level of pupils for the purposes of prevention and correction within the framework of educational psychology. We discuss the possibility of using this system to assess the level of psychological well-being of minors in situations of divorce of their parents.

Keywords: psychological well-being, divorce, complex psychological and psychiatric examination, the interests of the child, the psychological health of minors, the levels of psychological well-being of minors, the target of correction work with the family.

References

1. *Voronina A.V.* Ocenka psihologicheskogo blagopoluchija shkol'nikov v sisteme profilakticheskoy i korrekcionnoj raboty psihologicheskoy sluzhby: dis ... kand. psihol. nauk. Tomsk, 2002. 24 s.
2. *Dubovik Ju.B.* Psihologicheskoe blagopoluchie v pozhilom i starcheskom vozraste: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2012. 24 s.
3. *Zaharov C.V.* Kuda dvizhetsja supruzhestvo v Rossii [Jelektronnyj resurs] // Demoskop Weekly. 2014. № 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (data obrashhenija 1.04.2015).
4. *Idobaeva O.A.* Psihologo-pedagogicheskaja model' formirovanija psihologicheskogo blagopoluchija lichnosti: diss ... dokt. psihol. nauk. M., 2013. 389 s.

-
5. Naselenie Rossii. 2010–2011: vosemnadcatyj-devjatnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red. A.G. Vishnevskij. M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013. 530 s.
  6. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo suda RF [Jelektronnyj resurs] // Bjul'ten'. 2012. №7. URL: <http://www.supcourt.ru> (data obrashhenija 31.03.2015).
  7. *Safuanov F.S., Haritonova N.K., Rusakovskaja O.A.* Psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditeljami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. M.: Genezis, 2011. 192 s.
  8. *Slobodchikov V.I., Shuvalov A.V.* Antropologicheskij podhod k resheniju problemy psihologicheskogo zdorov'ja detej // Voprosy psihologii. 2000. № 4. С. 91–105.
  9. *Terehina S.A.* Semejnyj kontekst delinkventnogo povedenija devoček-podrostkov // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. 2006. № 3. S.70-73.
  10. *Terehina S.A., Oshevskij D.S.* Jeksperimental'no-psihologicheskie metody obsledovanija nesovershennoletnih pri proizvodstve sudebnoj jekspertizy po grazhdanskim delam o zashhite interesov rebenka // Psihicheskoe zdorov'e. 2012. № 11(78). S. 10-19.
  11. *Fesenko P.P.* Osmyslennost' zhizni i psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti. dis ... kand. psihol. nauk. M., 2005. 206 s.
  12. *Churilova E.V., Gutina D.D.* Razvod roditel'ej: prichiny, vlijanie na rebenka i na vzaimootnoshenija roditel'ej i detej: teoreticheskij obzor [Jelektronnyj resurs] // Demoskop Weekly. 2014. № 615–616. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0615/analit03.php> (data obrashhenija 1.04.2015).
  13. *Shevelenkova T.D., Fesenko P.P.* Psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovnyh koncepcij i metodika issledovanija) // Psihologicheskaja diagnostika. 2005. №3. S. 95–129.
  14. *Shuvalov A.V.* Intersub#ektivnye uslovija psihologicheskogo zdorov'ja detej: avtoref. diss ... kand. psihol. nauk. M., 2000. 26 s.
  15. *Bradburn N.M.* The Strucrure of Psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. P. 320.
  16. *Deci E.L., Ryan R.M.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychology. 2000, Vol. 55. P. 68–78.

Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции

Рогачев В.А., выпускник кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ГБОУ ВПО МГППУ (elk.73@mail.ru)

Коноплева И.Н., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГБОУ ВПО МГППУ (ing01@mail.ru)

В статье рассматривается проблема изучения копинг-поведения сотрудников правоохранительных органов. Проблема копинг-поведения является одной из наиболее актуальных для юридической психологии при изучении психологических особенностей деятельности и личности сотрудников правоохранительных органов. Эффективность служебной деятельности достигается не только профессиональными знаниями и навыками, но и особенностью стресс-преодолевающего поведения сотрудников в напряженных и особых условиях. Рассмотрено копинг-поведение, его сущность и основные составляющие компоненты. Определены основные направления в изучении копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. В исследовании участвовали 55 сотрудников ФСКН России в возрасте от 20 до 47 лет с различной календарной выслугой в органах наркоконтроля. Приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов и установление специфики их взаимосвязи с осознанной саморегуляцией. Выявлено, что определение НПУ является информативным средством для прогноза выбора сотрудниками правоохранительных органов копинг-стратегий совладающего поведения.

Ключевые слова: стресс, копинг-поведение, копинг-стратегии, копинг-ресурсы, сотрудники правоохранительных органов.

Для цитаты:

Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Rogachev V.A., Konopleva I.N. Relationship of the coping strategies of law enforcement officers with the style features of self-regulation [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.phtml(Accessed dd.mm.yyyy)

В современном мире профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов протекает в экстремальных условиях и подвергается воздействию различных стресс-факторов. Эффективность служебной деятельности достигается не только профессиональными знаниями, умениями, навыками, но и особенностью стресс-преодолевающего поведения сотрудников правоохранительных органов в экстремальных и особых условиях.

Неумение справляться со стрессом, управлять своим поведением в сложных и напряженных ситуациях, снижает успешность и качество выполнения сотрудниками правоохранительных органов своих должностных обязанностей, а также требует дополнительных усилий для поддержания оптимального психофизиологического уровня. Все это приводит к следующим последствиям: повышение текучести кадров, снижение удовлетворенности трудом, деформации личностных и характерологических качеств.

Проблема копинг-поведения является одной из наиболее актуальных для юридической психологии при изучении психологических особенностей деятельности и личности сотрудников правоохранительных органов.

Цель исследования: выявить особенности копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов и установить специфику их взаимосвязи с осознанной саморегуляцией.

Объект исследования – стресс-преодолевающее поведение сотрудников правоохранительных органов.

Предмет исследования – копинг-стратегии сотрудников правоохранительных органов.

Цель, объект и предмет исследования обусловили постановку следующих **задач:**

1. Провести теоретико-методологический анализ ведущих концепций по проблеме стресса, стрессоустойчивости и стресс-преодолевающего поведения личности в научной литературе.

2. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы составить представление о характере исследования копинг-стратегий стресс-преодолевающего поведения и стилевых особенностей саморегуляции у сотрудников правоохранительных органов.

3. Выявить взаимосвязь между копинг-стратегиями и стилевыми особенностями саморегуляции у сотрудников правоохранительных органов.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что стилевые особенности осознанной саморегуляции выступают значимым фактором выбора копинг-стратегий в преодолении стрессовых ситуаций в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

- транзактная когнитивная теория стресса и копинг-поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман [10; 11];
- теоретико-экспериментальный отечественный подход к стрессу в трудных жизненных ситуациях и совладанию с ним [1; 3; 8; 9; 15];
- принципы и теоретико-экспериментальные подходы к исследованию стресс-преодолевающего поведения в деятельности сотрудников правоохранительных органов и специалистов экстремального профиля деятельности [6; 12; 16; 19; 21];
- дифференциально-психологический подход к осознанной саморегуляции произвольной активности человека [7; 13].

В ходе исследования мы руководствовались следующими теоретическими положениями:

- в психологии стресс определяется, как состояние психического напряжения, возникающего у человека в процессе деятельности в наиболее сложных, трудных условиях, как в повседневной жизни, так и при особых обстоятельствах, например, в экстремальных и чрезвычайных ситуациях [4, с. 479];

- стрессоры – это неблагоприятные, значительные по силе и продолжительности внешние и внутренние воздействия, ведущие к возникновению стрессовых состояний [4, с. 479];

- копинг – стремление к решению проблем, предпринимаемое субъектом, если требования имеют огромное значение для его хорошего самочувствия, так как эти требования мобилизуют адаптивные возможности [10; 11];

- копинг-стратегии – это способы совладания со стресс-факторами, вызванные ответом личности на возникшую угрозу [19];

- стилевые особенности саморегуляции поведения выступают психологической основой надежности действий в условиях стресса в экстремальных ситуациях [13];

- нервно-психическая устойчивость – совокупность приобретенных или врожденных личностных качеств, психофизиологических резервов и мобилизационных ресурсов организма, которые обеспечивают оптимальное функционирование индивида в экстремальных и неблагоприятных условиях [2].

При проведении настоящего эмпирического исследования нами были использованы следующие **методики**:

– методика «Стратегии совладающего поведения» (ССП), адаптирована и стандартизирована в лаборатории клинической психологии НИПНИ имени Бехтерева под руководством Л.И. Вассермана [5];

– опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой [14];

– анкета «Прогноз-2», разработанная В.Ю. Рыбниковым [17].

Статистическая обработка данных. Нами был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена для выявления взаимосвязи двух независимых признаков у одной и той же группы испытуемых. Также нами применялся статистический критерий нормальности Колмогорова–Смирнова. Обработка результатов проводилась с использованием программного пакета SPSS, версия 17.0 (русскоязычная).

Эмпирическую выборку исследования составили 55 сотрудников ФСКН России в возрасте от 20 до 47 лет с различной календарной выслугой в органах наркоконтроля. В группе испытуемых – 7 офицеров, 20 старших прапорщиков и 28 прапорщиков. 12 сотрудников принимали участие в боевых действиях на Северном Кавказе.

В 1962 г. американский психолог Лойс Б. Мерфи, в своих исследованиях кризисов взросления ввела понятие «копинг» или «совладание». Л. Мерфи определяла «coping» как попытку индивида конструктивно преобразовать ситуацию, которая является для него угрожающей и заставляет мобилизовать свои внутренние ресурсы [22].

R. Lazarus [10] в контексте исследования стресса определяет копинг как стремление к решению проблем, предпринимаемое субъектом, если требования имеют огромное значение для его хорошего самочувствия, так как эти требования мобилизуют адаптивные возможности.

Надо заметить, что долгое время проблема копинг-поведения изучалась преимущественно зарубежными учеными и касалась только физических и психосоматических заболеваний (M. Broda, R. Moss, L. Mussgay, R. Olbrich) [22].

Первые исследования копинга в отечественной психологии были проведены в работах В.М. Ялтонского [23] и Н.А. Сироты [20] в 1994 и 1995 гг. Впервые подробно копинг-поведение сотрудников правоохранительных органов было рассмотрено в работе И.Б. Лебедева [12] в 2002 г. В отечественной психологии укрепилось понятие «совладание» (одолеть, справиться) вместо понятия «копинг» (преодолеть). «Совладание» – этот термин чаще всего используется в современных работах психологов. Совладающее поведение описано в работах отечественных авторов Л.И. Анцыферовой [1], Т.Л. Крюковой [8, 9], И.Б. Лебедева [12] и др.

В психологической науке на сегодняшний день рассматривается три основных подхода в изучении совладающего поведения (копинга).

Первая концепция. Эго-ориентированная теория совладания. Данная теория берет свое начало в психоаналитической теории З. Фрейда и в исследованиях А. Фрейд. Процесс совладания в психоаналитической теории рассматривается как эго-

механизм, который используется человеком с целью снятия внутреннего напряжения. Бессознательные адаптивные механизмы являются базисной концепцией систем защит в данной модели [22].

Согласно *второй концепции*, совладание во многом зависит от личностных качеств человека, который, руководствуясь ими, действует в стрессовой ситуации. Согласно этой теории, определяющим фактором в выборе человеком того или иного способа поведения в стрессовой ситуации является именно устойчивость черт личности. А.Г. Billings, R.H. Moos выделили три способа совладания со стрессовой ситуацией: оценка ситуации, вмешательство в ситуацию и избегание [22].

На сегодняшний день наиболее распространенной является *третья концепция*, теория когнитивно-феноменологического совладания со стрессом, разработанная Р. Лазарусом [10; 11] и С. Фолкман. В данной теории совладание со стрессом определяется как динамический процесс, который непосредственно имеет зависимость как от специфики ситуации, так и от когнитивной оценки самим человеком стрессовой ситуации. Выделяют два типа когнитивных оценок: первичная и вторичная. Первичная когнитивная оценка дает определение стрессовой ситуации как угрожающей или не содержащей угрозы благополучию. Вторая когнитивная оценка является дополнением первичной оценки. Вторичная оценка определяет ресурсы и механизмы преодоления стрессовой ситуации. В данной теории авторы выделяют два типа совладания со стрессом: эмоционально-ориентированный тип совладания и проблемно-ориентированный тип совладания. Эмоционально-ориентированный тип направлен, в основном, на пассивное разрешение преодоления стресса, а проблемно-ориентированный тип – на активное разрешение стрессовой ситуации.

В результате проведения теоретических и экспериментальных исследований было выявлено, что для преодоления стрессовой ситуации каждый индивид использует собственные копинг-стратегии на основе приобретенного ранее личностного опыта (копинг-ресурсы). Результат взаимодействия копинг-ресурсов и копинг стратегий определяет совладающее (стресс-преодолевающее) поведение. Копинг-стратегии – это способы совладания со стресс-факторами, вызванные ответом личности на возникшую угрозу; копинг-ресурсы – относительно стабильные характеристики индивида и социальной среды, которые способствуют развитию способов совладания со стрессом [19].

В современной психологической литературе, в стресс-преодолевающем поведении выделяют три основные базисные копинг-стратегии: «избегание», «разрешение проблемы» и «поиск социальной поддержки».

В своих работах ряд авторов подразделяют поведенческие копинг-стратегии на активные и пассивные. Активные стратегии, это такие, как: стратегия «разрешение проблем», которая является базовой копинг-стратегией в поведении человека и направлена на разрешение стрессовой или проблемной ситуации; стратегия «поиск социальной поддержки», включающая поведение человека, которое направлено на получение социальной поддержки от среды. К пассивным копинг-стратегиям относят поведение, которое содержит базисную копинг-стратегию «избегание», хотя в некоторых случаях копинг-стратегия «избегание», вполне может носить активный характер [18].

При исследовании копинг-стратегий большинство ученых придерживаются единой системы классификации способов совладания со стрессом: 1) когнитивные копинг-стратегии, направленные на переоценку ситуации; 2) копинг-стратегии, направленные на снятие эмоционального напряжения; 3) копинг-стратегии, направленные на воздействие на ситуацию; 4) успешный копинг – используются конструктивные стратегии, которые в результате приводят к преодолению трудной ситуации, вызывающей стресс; 5) неуспешный копинг – используются неконструктивные стратегии, они препятствуют преодолению трудной ситуации [22].

В трудной ситуации субъект может использовать и несколько стратегий совладания, каждая из которых может быть оценена по указанным критериям. Из этого следует, что существует взаимосвязь между личностными конструктами, помогающими человеку формировать свое отношение к трудностям, и тем, какую стратегию поведения при стрессе он выберет.

Концепция копинга сегодня становится одним из центральных аспектов современной теории стресса, а копинг-поведение рассматривается как стабилизирующий фактор, способствующий адаптации личности к воздействию различных стрессовых ситуаций. В последнее время изучение реакций на стрессовые факторы у различных категорий лиц и особенностей его преодоления все чаще рассматриваются именно с позиций когнитивно-феноменологической концепции копинга.

На основе имеющихся представлений о копинг-поведении сотрудников правоохранительных органов [6; 12; 16; 21], нами были сформированы цели и задачи собственного исследования, ориентированного на установление взаимосвязи копинг-стратегий и стилевых особенностей саморегуляции как личностного копинг-ресурса.

С помощью опросника ССП (Стратегии совладающего поведения), разработанного в НИПНИ имени В.М. Бехтерева [5], мы определили частоту выбора сотрудниками правоохранительных органов копинг-стратегий в трудных или проблемных для них ситуациях. Мы получили следующие показатели, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели выбора копинг-стратегий сотрудниками правоохранительных органов (средние значения в Т-баллах)

Копинг-стратегия	Т-баллы	Ранг
Конфронтация	47,5	3
Дистанцирование	47,32	4
Самоконтроль	47,05	5
Поиск социальной поддержки	45,8	6

Принятие ответственности	43,47	8
Бегство-избегание	43,78	7
Планомерное решение проблемы	52,92	1
Положительная переоценка	48,69	2

Как мы видим из таб. 1, полученные данные не выходят за пределы выраженности показателей (40–60 Т-баллов), что позволяет нам сделать вывод об умеренной степени выбора предпочтений копинг-стратегий сотрудниками правоохранительных органов. Вместе с тем мы видим, что наиболее используемыми стратегиями являются «планомерное решение проблемы» (52,92 Т-балла) и «положительная переоценка» (48,69 Т-балла).

Копинг-стратегия «планомерное решение проблемы» является активной, адаптивной проблемно-ориентированной стратегией, способствующей конструктивному разрешению проблемы. Сотрудники правоохранительных органов, использующие данную стратегию в стрессовых ситуациях, сохраняют самообладание, анализируют сложившуюся ситуацию, активно взаимодействуют с внешними факторами, предпринимают осознанные шаги к решению проблемы.

«Положительная переоценка» – копинг-стратегия направлена на преодоление стрессовых ситуаций за счет положительного переосмысления проблемы. Сотрудники, использующие данную стратегию, анализируют сложившуюся ситуацию с фокусированием на положительных аспектах. Происходит позитивная переоценка своих собственных возможностей и рассмотрение сложившейся ситуации как стимула для личностного роста. Данная стратегия является когнитивной эмоционально-ориентированной стратегией копинг-поведения.

Далее по частоте использования сотрудниками правоохранительных органов находится следующая группа копинг-стратегий: «конфронтация» (47,5 Т-баллов), «дистанцирование» (47,32 Т-балла), «самоконтроль» (47,05 Т-балла).

Наименее используемыми копинг-стратегиями у сотрудников правоохранительных органов являются «бегство-избегание» (43,78 Т-баллов) и «принятие ответственности» (43,47 Т-баллов).

«Бегство-избегание» – неадаптивная эмоционально-ориентированная стратегия. Характеризуется невозможностью решения создавшейся проблемы, накоплением трудностей.

«Принятие ответственности» – эмоционально-ориентированная стратегия. Сотрудники, использующие стратегию для преодоления стрессовой ситуации, проявляют растерянность, некомпетентность и застревание на ошибках вместо четкого плана действий. Возможно принятие чрезмерной ответственности.

Таким образом, наиболее используемыми сотрудниками правоохранительных органов копинг-стратегиями для преодоления стрессовых, трудных и проблемных ситуаций являются «планомерное решение проблемы» и «положительная

переоценка». Наименее часто сотрудники правоохранительных органов используют стратегии «бегство-избегание» и «принятие ответственности».

Результаты исследования осознанной саморегуляции, полученные по опроснику ССПМ [14], наглядно представлены в табл. 2.

Таблица 2

Среднегрупповой показатель результатов по каждой регуляторной шкале

Регуляторная шкала	Количество баллов	Уровень выраженности
Планирование	6,52	Средний
Моделирование	7,6	Высокий
Программирование	6,8	Средний
Оценивание результатов	6,74	Средний
Гибкость	7,43	Средний
Самостоятельность	4,65	Средний
Общий уровень саморегуляции	34,4	Высокий

Как мы видим из табл. 2, все показатели по регуляторным шкалам соответствуют среднему уровню развитости процессов саморегуляции, кроме шкал «Моделирование» и «Общий уровень саморегуляции», которые соответствуют высокому уровню развитости.

Высокие показатели по шкале «Моделирование» позволяют нам предположить, что сотрудники правоохранительных органов с высокими показателями по данной шкале способны выделять внешние и внутренние значимые условия для достижения цели в конкретной ситуации, а также в перспективе. Такие сотрудники могут оперативно подобрать пути и способы выхода из различных ситуаций.

По шкале «Общий уровень саморегуляции» сотрудники с высокими показателями самостоятельны, адекватно и гибко реагируют на изменение условий, уверенно чувствуют себя в незнакомых ситуациях. Чем выше развит уровень общей саморегуляции, тем сотрудник легче овладевает новыми видами активности, показывает стабильные результаты в повседневной служебной деятельности.

По результатам, представленным в табл. 2 построим среднегрупповой профиль саморегуляции сотрудника правоохранительных органов (рис. 1).

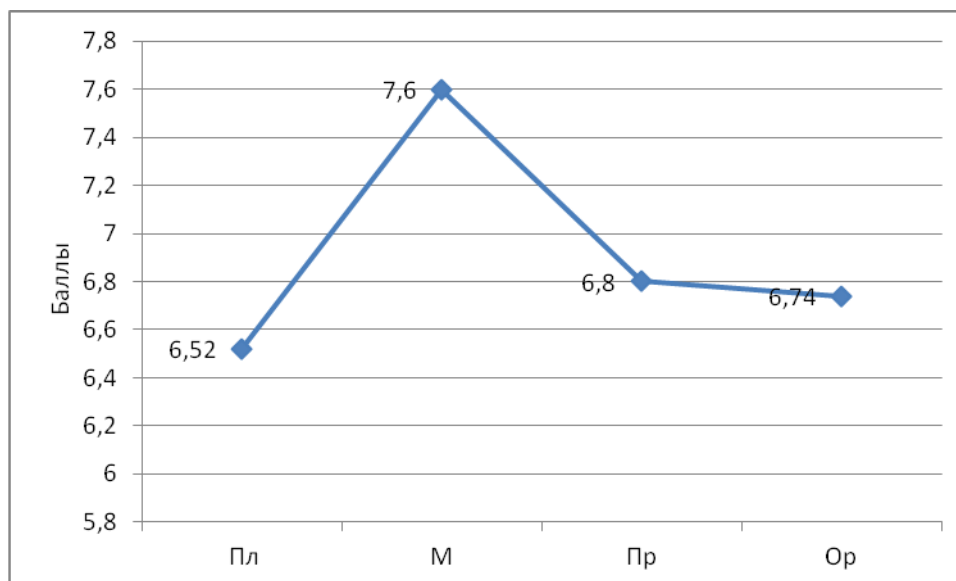

Рис. 1. Среднегрупповой профиль саморегуляции сотрудника правоохранительных органов: Пл – планирование; М – моделирование; Пр – программирование; Ор – оценивание результатов

На основе среднегруппового профиля составим психологическую характеристику сотрудника правоохранительных органов с точки зрения индивидуальных особенностей личностной саморегуляции. Данный профиль является гармоничным, сформированным на высоком уровне общей саморегуляции. Все показатели регуляции в относительно равной степени хорошо развиты, при высоком уровне развития по шкале «Моделирование» и при высоком общем уровне саморегуляции. Данный индивидуальный профиль соответствует типичному профилю № 5 [14, с. 38]. Сотрудники с таким профилем обладают четкой постановкой целей деятельности, для них характерны тщательное планирование и организованность в процессе деятельности. Такие сотрудники адекватно чувствуют себя в незнакомых ситуациях, оперативно ориентируются в окружающей обстановке, обладают хорошей адаптивностью и приспособляемостью. Правильно оценивают сложившуюся ситуацию и оперативно подбирают пути выхода из нее. Сотрудники с данным профилем саморегуляции объективно и адекватно оценивают свои возможности.

Такой профиль является предпосылкой высокой успешности в различных видах деятельности, в том числе и в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В результате исследования взаимосвязи копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции были выявлены следующие статистически значимые связи, представленные в табл. 3.

Таблица 3

Значимые коэффициенты корреляции между копинг-стратегиями и осознанной саморегуляцией поведения

Копинг-стратегия	Пл	М	Пр	Ор	Г	С	ОУ
Конфронтация					,313*	,458**	
Дистанцирование						,282*	
Самоконтроль	,306*		,268*				
Поиск социальной поддержки							
Принятие ответственности		-,311*					
Бегство-избегание		-,299*					
Планирование решения проблемы	,294*		,332*			,291*	,348**
Положительная переоценка							

Примечание: Пл – планирование М – моделирование Пр – программирование Ор – оценивание результатов Г – гибкость С – самостоятельность ОУ – общий уровень саморегуляции; «*» – корреляция значима на уровне $p < 0.05$; «**» – корреляция значима на уровне $p < 0.01$.

Как мы видим из табл. 3, значимых корреляционных связей между копинг-стратегиями «поиск социальной поддержки», «положительная переоценка» и регуляторными процессами и регуляторно-личностными свойствами не выявлено.

Нами выявлена статистически значимая слабая прямая связь между копинг-стратегией «самоконтроль» и регуляторным процессом «программирование»: коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=0,268$, $p<0,05$. Выявлена также статистически значимая средняя прямая связь между стратегией «самоконтроль» и регуляторным процессом «планирование». Это значит, что при высокой степени развитости «программирования» и «планирования», сотрудники правоохранительных органов для преодоления стрессовых ситуаций будут выбирать стратегию «самоконтроль». Использование копинг-стратегии «самоконтроль» предпочтительно в экстремальных ситуациях, в которых и протекает профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Копинг-стратегии «принятие ответственности» и «бегство-избегание» имеют статистически значимую среднюю и слабую обратную связь с регуляторным процессом «моделирование». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена соответственно – $r=-0,311$, $p<0,05$ и $r=-0,299$, $p<0,05$. «Моделирование»

характеризует индивидуальную развитость представлений о внутренних и внешних значимых условиях, степени их осознанности. При высокой форсированности «моделирование» является одним из факторов надежности осознанной саморегуляции в препятствии формированию острого стресса [13]. Результаты данной корреляции показывают нам, что при низкой развитости регуляторного процесса «моделирование», сотрудники правоохранительных органов будут прибегать к неадаптивным стратегиям «принятие ответственности» и «бегство-избегание» для преодоления стрессовых для них ситуаций.

Также нами выявлена статистически значимая средняя прямая связь между копинг-стратегией «конфронтация» и регуляторно-личностными свойствами осознанной саморегуляции «гибкость» – $r=0,313$ на уровне значимости $p<0,05$, и «самостоятельность» – $r=0,458$ на уровне значимости $p<0,01$. Это значит, что сотрудники, использующие преимущественно стратегию «конфронтация», имеют высокие показатели по регуляторно-личностным свойствам «гибкость» и «самостоятельность».

Выявлена статистически значимая слабая прямая связь копинг-стратегии «дистанцирование» с регуляторно-личностным свойством саморегуляции «самостоятельность», коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=0,282$, на уровне значимости $p<0,05$. Наличие прямой связи между стратегией «дистанцирование» и регуляторно-личностным свойством «самостоятельность», позволяет нам предположить, что высокий уровень развития «самостоятельности» предполагает в стрессовых ситуациях выбор стратегии «дистанцирование».

Копинг-стратегия «планирование решения проблемы» коррелирует с такими регуляторными процессами и регуляторно-личностными свойствами осознанной саморегуляции как:

- регуляторно-личностное свойство «самостоятельность», значимая слабая прямая связь, коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=0,291$, $p<0,05$;
- регуляторный процесс «планирование», значимая слабая прямая связь, коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=0,294$, $p<0,05$;
- регуляторный процесс саморегуляции «программирование» и «общий уровень саморегуляции», значимая средняя прямая связь, коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=0,332$ на уровне значимости $p<0,05$ и $r=0,362$ на уровне значимости $p<0,01$. Это значит, что при высоких показателях «общего уровня саморегуляции», развития на высоком уровне регуляторных процессов «планирование» и «программирование», а также регуляторно-личностного свойства осознанной саморегуляции «самостоятельность», сотрудники правоохранительных органов чаще всего используют копинг-стратегию «планирование решения проблемы» для преодоления стрессовой ситуации.

Для определения нервно-психической устойчивости, риска психологической дезадаптации в экстремальных ситуациях нами была использована методика «Прогноз-2» [17, с. 52]. Результаты, полученные по методике, наглядно представлены на рис. 2.

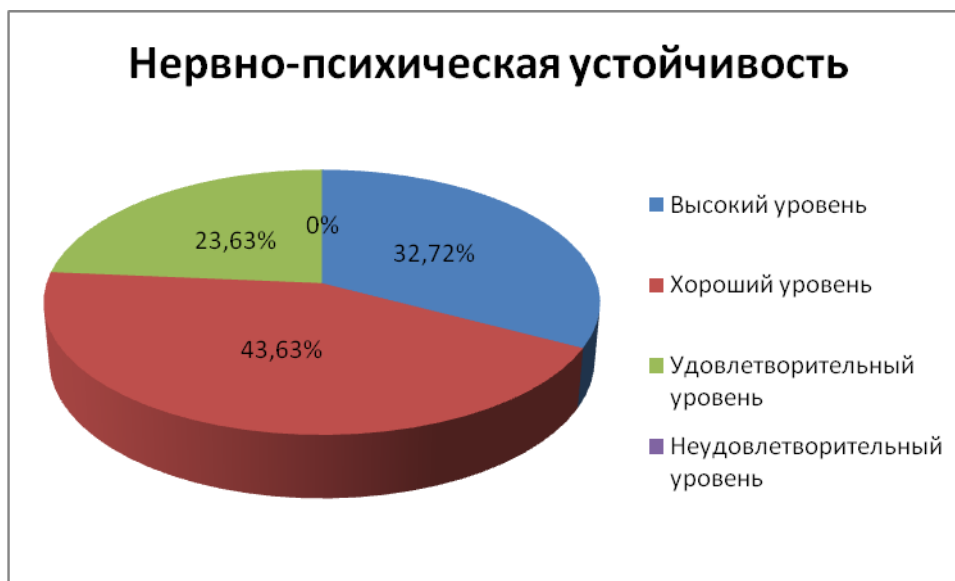

Рис. 2. Выраженность уровней нервно-психической устойчивости

Как мы видим, четвертый уровень НПУ (неудовлетворительная нервно-психическая устойчивость) не имеет ни один сотрудник, третий уровень НПУ (удовлетворительная нервно-психическая устойчивость) – 23,63 % (13) сотрудников. Второй уровень НПУ (хорошая нервно-психическая устойчивость) характеризует 43,63 % (24) сотрудников. Высокий уровень нервно-психической устойчивости (первый уровень НПУ) наблюдается у 32,72 % (18) сотрудников.

Средний показатель НПУ по выборке – 7,25 балла, что соответствует второму уровню нервно-психической устойчивости. Сотрудники со вторым уровнем НПУ (хорошей нервно-психической устойчивостью) характеризуются низкой вероятностью нервно-психических срывов в экстремальных для личности условиях. Данные сотрудники обладают адекватной самооценкой и адекватной оценкой окружающей действительности.

После проведения корреляционного анализа, нами были выявлены статистически значимые обратные связи НПУ с копинг-стратегиями: «конфронтация», «дистанцирование», «бегство-избегание», которые представлены в табл. 4.

Таблица 4

Корреляционная матрица со значимыми коэффициентами корреляции

Копинг-стратегия	НПУ
Конфронтация	-,297*
Дистанцирование	-,331*
Бегство-избегание	-,502**

Примечание: НПУ – нервно-психическая устойчивость; «*» – корреляция значима на уровне $p < 0.05$; «**» – корреляция значима на уровне $p < 0.01$.

Нами выявлена статистически значимая средняя обратная связь между НПУ и копинг-стратегиями «дистанцирование» (коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=-0,331$, $p<0,05$), «бегство-избегание» (коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=-0,502$, $p<0,01$), а также статистически значимая слабая обратная связь стратегии «конфронтация» (коэффициент ранговой корреляции Спирмена – $r=-0,297$, $p<0,05$). Это может означать, что при неудовлетворительной нервно-психической устойчивости у сотрудников правоохранительных органов будут преобладать неадаптивные копинг-стратегии: «конфронтация», «дистанцирование» и «бегство-избегание».

Определение НПУ является информативным средством для прогноза выбора сотрудниками правоохранительных органов копинг-стратегий совладающего поведения.

Полученные в нашем исследовании результаты позволяют нам показать, что стресс-преодолевающее поведение сотрудников правоохранительных органов является одним из важных психологических факторов обеспечения надежности, эффективности и успеха профессиональной деятельности в экстремальных условиях, как индивидуальной, так и совместной, а также подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что стилевые особенности осознанной саморегуляции выступают значимыми факторами выбора копинг-стратегий в преодолении стрессовых ситуаций в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
2. *Берг Т.Н.* Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2005. 63 с.
3. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕРСЭ, 2006. 528 с.
4. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.
5. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю., Новожилова М.Ю., Вукс А.Я.* Методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и мед. психологов. СПб.: Изд-во НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2009. 40 с.
6. *Ковтун Е.В.* Совладание со стрессом и саморегуляция в экстремальных условиях деятельности // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф: в 2 т. Т. 2. (Кострома, 26–28

- сент. 2013 г.) / Отв. ред. Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013. С. 240–242.
7. *Коноплева И.Н., Калягин Ю.С.* Саморегуляция психических состояний как элемент психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml> (дата обращения: 01.09.2014).
  8. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2005. 473 с.
  9. *Крюкова Т.Л.* Стили совладания с жизненными трудностями // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. ст. в 2 ч. Ч. 1 / Науч. ред. К.В. Карпинский. Гродно: ГрГУ имени Я. Купалы, 2012. 405 с.
  10. *Лазарус Р.* Совладание (coping) // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2003. 760 с.
  11. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. С. 178–208.
  12. *Лебедев И.Б.* Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолеляющего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 30 с.
  13. *Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г.* Дифференциально-регуляторные основы надежности действий профессионалов // Акмеология. Научно-практический журнал. 2012. № 4 (44). С. 68–74.
  14. *Моросанова В.И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. М.: Когито-Центр, 2004. 44 с.
  15. *Нартова-Бочавер С.К.* «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
  16. *Пономаренко Е.Н.* Психологические особенности копинг поведения следователя МВД России: дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: СПб Ун-т МВД России, 2006. 134 с.
  17. Психодиагностика стресса: практикум / Сост. Р.В. Куприянов, Ю.М. Кузьмина. Казань: КНИТУ, 2012. 212 с.
  18. *Рассказова Е.И., Гордеева Т.О.* Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] //

Психологические исследования: электрон, науч. журн. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.05.2014).

19. *Рыбников В.Ю., Ашанина Е.Н.* Психология копинг поведения специалистов опасных профессий: монография. СПб.: ВЦЭРМ, 2011. 120 с.
20. *Сирота Н.А.* Копинг-поведение в подростковом возрасте: дисс. ... д-ра мед. наук. М., 1994. 283 с.
21. *Солдатов В.И.* Особенности и прогнозирование стресс-преодолевающего поведения в деятельности оперуполномоченных криминальной милиции МВД России: автореф. ... дисс. канд. психол. наук. – СПб., 2009. 23 с.
22. *Церковский А.Л.* Современные взгляды на копинг-проблему // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2006. Т. 5. №3. С. 112–121.
23. *Ялтонский В.М.* Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией: дис. ... д-ра мед. наук. – СПб., 1995. 396 с.

Relationship of the coping strategies of law enforcement officers with the style features of self-regulation

Rogachev V.A., Graduate, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Department of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education (elk.73@mail.ru)

Konopleva I.N., PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology Moscow State University of Psychology and Education (ing01@mail.ru)

The article deals with the problem of studying coping behavior of law enforcement officers. The problem of coping behavior is one of the most pressing in legal psychology in the research of the psychological characteristics of the individual activities and law enforcement officials. The effectiveness of professional activity is achieved not only due to professional knowledge and skills, but also is influenced by stress coping behavior of employees in stressful and special conditions. We examined coping behavior, its essence and basic components. We revealed the main directions in the study of coping strategies in law enforcement officers. The study involved 55 employees of the Russian Federal Drug Control Service in age from 20 to 47 years with various length of service in drug control authorities. The empirical research aimed at studying the features of coping strategies in law enforcement officers and revealing of the specifics of their relationship to the conscious self-regulation. We revealed that the definition of a stressful conditions is an informative tool for the prediction of coping strategies or coping behavior choice by law enforcement officials.

Keywords: stress, coping behavior, coping strategies, coping resources, law enforcement officials.

References

1. *Antsyferova L.I.* Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zashchita. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1994. T. 15, № 1. Pp. 3–18.
2. *Berg T.N.* Nervno-psikhicheskaya neustoichivost' i sposoby ee vyyavleniya. – Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2005. – 63 p.
3. *Bodrov V.A.* Psikhologicheskii stress: razvitie i preodolenie. – M.: PERSE, 2006. – 528 p.

4. Bol'shoi psikhologicheskii slovar'. Pod red. Meshcheryakova B.G., Zinchenko V.P. M.: Praim-Evroznak, 2003. – 672 p.
5. Vasserman L.I., Iovlev B.V., Isaeva E.R., Trifonova E.A., Shchelkova O.Yu., Novozhilova M.Yu., Vuks A.Ya. Metodika psikhologicheskoi diagnostiki sposobov sovladaniya so stressovymi i problemnymi dlya lichnosti situatsiyami: posobie dlya vrachei i med. psikhologov. SPb.: Izd-vo NIPNI im. V.M. Bekhtereva, 2009. – 40 p.
6. Kovtun E.V. Sovladanie so stressom i samoregulyatsiya v ekstremal'nykh usloviyakh deyatel'nosti. Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: materialy 3 Mezhdunar. Nauch.-prakt. Konf. Kostroma, 26-28 sen. 2013g.: v 2 t. otv. red.: T.L. Kryukova, E.V. Kuftyak, M.V. Saporovskaya, S.A. Khazova. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2013. – T. 2. – Pp. 240-242.
7. Konopleva I.N., Kalyagin Yu.S. Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii kak element psikhologicheskoi gotovnosti k deyatel'nosti v ekstremal'nykh usloviyakh [Elektronnyi resurs] Psikhologiya i pravo. 2011. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml> (data obrashcheniya: 01.09.2014)
8. Kryukova T.L. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya v raznye periody zhizni: dis. ... d-ra psikhol. nauk. - Kostroma, 2005. - 473 p.
9. Kryukova T.L. Stili sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami. Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti : sb. nauch. st. V 2 ch. Ch. 1 GrGU im. Ya. Kupaly; nauch. red. K.V. Karpinskii. – Grodno : GrGU, 2012. – 405 p.
10. Lazarus R. Sovladanie (coping). Psikhologicheskaya entsiklopediya. – 2-e izd. Pod red. R. Korsini, A. Auerbakha. SPb.: Piter, 2003. – 760 p.
11. Lazarus R. Teoriya stressa i psikhofiziologicheskie issledovaniya. Emotsional'nyi stress. Pod red. L. Levi. – L.: Meditsina, 1970. – Pp. 178-208.
12. Lebedev I.B. Psikhologicheskie mekhanizmy, strategii i resursy stress preodolevayushchego povedeniya (koping-povedeniya) spetsialistov ekstremal'nogo profilya (na primere sotrudnikov MVD Rossii): avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. SPb., 2002. – 30 p.
13. Morosanova V.I., Kondratyuk N.G. Differentsial'no-regulyatornye osnovy nadezhnosti deistvii professionalov. Akmeologiya. Nauchno-prakticheskii zhurnal. 2012, № 4 (44). – Pp. 68-74.
14. Morosanova V.I. Oprosnik «Stil' samoregulyatsii povedeniya» (SSPM): Rukovodstvo. – M.: Kogito-Tsentr, 2004. – 44 p.

-
15. *Nartova-Bochaver S.K.* «Coping Behavior» v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti // *Psikhologicheskii zhurnal*. 1997. T. 18, № 5. Pp. 20–30.
  16. *Ponomarenko E.H.* Psikhologicheskie osobennosti koping povedeniya sledovatelya MVD Rossii. Diss. ... kand. psikhol.n. – SPb.: SPb Un-t MVD Rossii, 2006. – 134 p.
  17. *Psikhodiagnostika stressa: praktikum. sost. R.V. Kupriyanov, Yu.M. Kuz'mina; M-vo obraz. i nauki RF, Kazan. gos. tekhnolog. un-t. – Kazan': KNITU, 2012. – 212 p.*
  18. *Rasskazova E.I., Gordeeva T.O.* Koping-strategii v psikhologii stressa: podkhody, metody i perspektivy [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron, nauch. zhurn.* 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.05.2014).
  19. *Rybnikov V.Yu., Ashanina E.N.* Psikhologiya koping povedeniya spetsialistov opasnykh professii. Monografiya. – SPb.: VTsERM, 2011. – 120 p.
  20. *Sirota H.A.* Koping-povedenie v podrostkovom vozraste: diss. ... d-ra med. nauk. – M., 1994. – 283 p.
  21. *Soldatov V.I.* Osobennosti i prognozirovaniye stress-preodolevayushchego povedeniya v deyatel'nosti operupolnomochennykh kriminal'noi militsii MVD Rossii: avtoref. ... diss. kand. psikhol. nauk. – SPb.: 2009. – 23 p.
  22. *Tserkovskii A.L.* Sovremennyye vzglyady na koping-problemu. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. 2006. t. 5. №3. – Pp. 112–121.
  23. *Yaltonskii V.M.* Koping-povedenie zdorovykh i bol'nykh narkomaniei: dis. ... d-ra med. nauk. – SPb., 1995. – 396 p.